

ISSN 2226-3365

www.vestnik.nspu.ru

*ВЕСТНИК
Новосибирского государственного
педагогического университета*

*Novosibirsk State
Pedagogical University
BULLETIN*

6(16) 2013

Учредитель журнала:

ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет»

Главный редактор

Пушкарёва Е. А. д. филос. н., профессор

Заместитель главного редактора

Майер Б. О. д. филос. н., профессор

Ответственный секретарь

Агавелян Р. О. д. психол. н., профессор

Редакционная коллегия

Синенко В.Я., д. пед. наук, профессор

Богомаз С. А., д-р. психол. наук, профессор (Томск)

Зверев В. А., д. ист. наук, профессор

Айзман Р. И., д. биол. н., проф., чл-корр. МАНВШ

Просенко А. Е., д. хим. наук, профессор

Баскаков М. Б., д. мед. наук, профессор (Томск)

Трофимов В. М., д. физ-мат. наук, профессор

Ряписов Н. А., д. экон. наук, профессор

Трипольская Т. А., д. филолог. наук, профессор

Исакова Н. В., д. филос. наук, профессор

Редакционный совет

Герасёв А. Д., д. биол. наук, профессор

Абаскалова Н. П., д. пед. наук, профессор

Айзман О., д. филос., д. мед. (Стокгольм, Швеция)

Афтанас Л. И., д. мед. наук, проф., акад. РАМН

Безруких М.М., д. биол. н., проф., акад. РАО(Москва)

Бонола Анна, профессор славистики (Милан, Италия)

Вайнго Чарльз С., д. мед. н., проф. (Гейнсвилль, США)

Винокуров Ю.И., д. геогр. н., профессор (Барнаул)

Галажинский Э. В., д.псих.н., проф., акад. РАО (Томск)

Джанни Челси, д. филос., проф. (Уппсала, Швеция)

Иванова Л. Н., д. мед. наук, профессор, акад. РАН

Жафяров А. Ж., д. физ-мат. н., проф., чл-корр. РАО

Жукоцкая З.Р., д. культурол., проф.(Нижевартовск)

Казин Э.М., д.биол.н., проф., акад. МАНВШ(Кемерово)

Логунов Д., н.с., (Манчестер, Великобритания)

Медведев М. А., д. мед.н., проф., акад. РАМН (Томск)

Мукатаева Ж.М., д. биол. н., (Павлодар, Казахстан)

Овчинников Ю. Э., д. физ-мат. н., профессор

Панин Л. Е., д-р мед. наук, проф., академик РАМН

Печерская Т. И., д. филол. н., профессор

Пузырев В. П., д. мед. н., проф., акад. РАМН (Томск)

Сахаров А. В., д. биол. наук, профессор

Чагин А., д. филос., н. с. (Стокгольм, Швеция)

Шошенко К. А., д. мед. наук, профессор

Электронный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ЭЛ № ФС77-50014

Основан в 2011 году, выходит 6 раз в год

Редакционно-издательский отдел:

630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28, к. 22

тел. 8 (383) 244-34-50

E-mail: vestnik@nspu.ru

Номер подписан к выпуску 16.12.13

The founder

Novosibirsk State Pedagogical University

Editor-in-chief

Pushkareva E. A., Dr. of philosophical sciences, prof.

Assistant editor-in-chief

Mayer B. O., Dr. of philosophical sciences, professor

Scientific secretary

Agavelyan R. O., Dr. of psychological, professor

Editorial Board

Sinenko V. Ya, Dr. of pedagogical sciences, professor

Bogomaz S. A., Dr. of psychological sc., prof. (Tomsk)

Zverev V. A., Dr. of historical sciences, professor

Aizman R. I., Dr. of biol. sc., prof., corr-member of IASHS

Prosenko A. E., Dr. of chemical sciences, professor

Baskakov M. B., Dr. of medical sciences, prof. (Tomsk)

Trofimov V. M. Dr. of physical and mathematical sc., prof.

Ryapisov N. A. Dr. of economic sciences, professor

Tripolskaya T. A., Dr. philologist sciences, professor

Isakova N. V., Dr. of philosophical sciences, professor

Advisory Board

Gerasyov A. D., Dr. of biological sciences, professor

Abaskalova N. P., Dr. of pedagogical sciences, professor

Aizman O., Ph.D., M.D. (Stockholm, Sweden)

Aftanas L. I., Dr. of medical sc., prof., acad. of RAMS

Bezrukih M.M., Dr. of boil.sc., prof., acad. of RAE(Moscow)

Bonola Anna, professor of slavistics (Milan, Italy)

Wingo Charles S., M. D., professor (Gainesville, USA)

Vinokurov Yu. I., Dr. of geogr. sciences, professor (Barnaul)

Galazhinsky E.V., Dr. of ps.sc., prof., acad. of RAE(Tomsk)

Gianni Celsi, Ph.D., professor (Uppsala, Sweden)

Ivanova L. N., Dr. of medical sc., prof., acad. of RAS

Zhafyarov A.Z., Dr. of phys.math.sc., corr-member of RAE

Zhukotskaya Z. R., Dr. of cultural, prof., (Nizhnevartovsk)

Kazin E. M., Dr. of biol.sc., acad. of IASHS (Kemerovo)

Logunov D., Ph.D., researcher (Manchester, Great Britain)

Medvedev M. A., Dr. of med. sc., acad. of RAMS (Tomsk)

Mukataeva Z.M., Dr. of boil. sc. (Pavlodar, Kazakhstan)

Ovchinnikov Yu. E., Dr. of phys. and math. sc., professor

Panin L. E., Dr. of med. sc., prof., acad. RAMS

Pecherskaya T. I., Dr. of philological sciences, professor

Puzirev V. P., Dr. of med.sc., prof., acad. RAMS (Tomsk)

Saharov A. V., Dr. of biological sciences, professor

Chagin A., Dr. of philos. sc., researcher(Stockholm, Sweden)

Shoshenko K. A., Dr. of med. sciences, professor

The registration certificate

The electronic journal «Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin» is registered in Federal service on legislation observance in sphere of communication, information technologies and mass communications

The registration certificate ЭЛ № ФС77-50014

The journal leaves 6 times a year

The academic journal is established in 2011

Editorial publishing department:

630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28, r. 22

tel. 8 (383) 244-34-50

E-mail: vestnik@nspu.ru

СОДЕРЖАНИЕ**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

- Ряписов Н.А., Ряписова А.Г., Челель Т.Л.* (Новосибирск, Россия). Научная школа – инновационная форма осмысления проблем инклюзивного образования 5
- Карачев А.А.* (Москва, Россия). О новых подходах к проектной деятельности школьников в условиях модернизации общего образования..... 19
- Крашенинников В.В.* (Новосибирск, Россия). Инновационные аспекты технологического образования 30

ФИЛОСОФСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

- Юй Вень Ли* (Пекин, Китай). Педагогика политического образования в Аналектах Конфуция: критическая перспектива (Pedagogy of political education in Confucian Analects: a critical perspective) 40
- Мищенко В. А.* (Москва, Россия). СМИ: транслируя символы..... 52

НАУКИ О ЗЕМЛЕ. ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Пономарева Н.Н.* (Новосибирск, Россия). Процесс демографического старения: сущность, особенности и последствия в странах мира..... 58
- Чикова О.А., Оболенская А.Г.* (Екатеринбург, Россия). Методы естественных наук в социально-гуманитарных исследованиях..... 66

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Мищенко В. А.* (Москва, Россия). Образ российской семьи в средствах массовой информации..... 77
- Гребенкин Е. В., Гребенкина А. А.* (Новосибирск, Россия), *Хаббергер В.* (Нюрнберг, Германия). Проблема формирования конфликтной культуры у педагогов и школьников..... 83
- Латуха О.А.* (Новосибирск, Россия). Возможности применения бенчмаркинга в здравоохранении 90

БИОЛОГИЧЕСКИЕ, ХИМИЧЕСКИЕ, МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

- Джафарова С.А., Джафаров А. И.* (Баку, Азербайджан). Свободнорадикальные аспекты загрязнения биосферы тяжелыми металлами..... 97
- Гусейнов Т.М., Гулиева Р.Т., Яхьяева Ф.Р., Багирова Э.Д.* (Баку, Азербайджан). Пероксидазная активность гемоглобина (в присутствии GSH) в лизатах эритроцитов беременных женщин с Г-6-ФД дефицитом при воздействии электрического поля высокой напряженности..... 106

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- Костина Е.А.* (Новосибирск, Россия), *Егорычев А.М.* (Москва, Россия), *Ригер А.* (Аахен, Германия). Русские: характер, ментальность, стереотипы поведения 116
- Телешова Р. И.* (Новосибирск, Россия). Русский язык в жизни и творчестве Анри Труайя (La langue russe dans la vie et l'œuvre d'Henri Troyat)..... 129
- Кретова Л. Н.* (Новосибирск, Россия). Мифологическая составляющая образа воды в ранней лирике Н.Заболоцкого и проблемы перевода поэтического текста на английский язык..... 140

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Архипова И.В.* (Новосибирск, Россия). Кратный таксис в современном немецком языке..... 149
- Яцко В. В.* (Новосибирск, Россия). Функционально-текстуальные аспекты современной британской публицистики..... 160
- Агеева Н.А.* (Новосибирск, Россия). Поэтика современной отечественной монодрамы..... 168
- Полянина А.С.* (Новосибирск, Россия). Визуализация как принцип повествования в романе В.Набокова «Отчаяние»..... 177
- Девяткина А.Г.* (Новосибирск, Россия). Графически выделенное слово в лексической организации текста (на материале художественных и публицистических текстов Ю.В.Трифонов) 188

www.vestnik.nspu.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

© Н. А. Ряписов, А. Г. Ряписова, Т. Л. Чепель

УДК 375 (082) + 159.97(082)

НАУЧНАЯ ШКОЛА – ИННОВАЦИОННАЯ ФОРМА ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОБЛЕМ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Н. А. Ряписов, А. Г. Ряписова, Т. Л. Чепель (Новосибирск, Россия)

В статье представлены нормативно-правовые основы введения инклюзии в мировой и российской образовательной практике и понимание инклюзивного образования как возможности реального осуществления идеи создания общества равных прав, свобод и достоинств людей. Рассмотрены специфические особенности научной школы как инновационной формы осмысления проблем теории и практики инклюзивного образования. Представлен опыт проведения научных школ по проблемам инклюзивного образования, включающий предварительные консультации с ведущими специалистами по отбору содержания и определения структуры программы школы; выбор форм и технологий проведения мероприятия, согласование состава участников. Описаны организационные и содержательные условия эффективности работы научной школы. Технология организации коммуникации в процессе работы научной школы охарактеризована как дискурсивное событие. Дискурс понимается как речь, содержащая не только само высказывание, но и его объяснение в социальном контексте, как сложную совокупность языковых практик, участвующих в формировании представлений о том объекте, который они подразумевают, описывают, анализируют, представляют.

Ключевые слова: инклюзивное образование, научная школа, ведущие лекторы, технология коммуникации, дискурс, дискурсивное событие.

* Статья подготовлена по результатам работы Всероссийской научной школы с международным участием «Эффективные технологии инклюзивного образования» (22–25 октября 2013 г.) в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» на 2012–2016 гг.

Ряписов Николай Александрович – доктор экономических наук, проректор по учебной работе, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: psy-ped-iesen@mail.ru

Ряписова Алевтина Геннадьевна – кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой психологии и педагогики Института естественных и социально-экономических наук, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: psy-ped-iesen@mail.ru

Чепель Татьяна Леонидовна – кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики Института естественных и социально-экономических наук, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: psy-ped-iesen@mail.ru

Инклюзия, инклюзивное образование – термины, которые не имеют пока широкого применения в российской языковой среде, но в этих терминах описывается новое социальное явление – включение детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательный контекст официальных образовательных институтов – детских садов и школ, обеспечивающее им равные образовательные права и позволяющее участвовать в жизни общества. При этом инклюзивное образование понимается и реализуется в мировой практике не только как благо для людей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов, но и, прежде всего, как возможность реального осуществления идеи создания общества равных прав, свобод и достоинств каждого человека.

История развития инклюзивного образования, его методологические принципы, теория и практика отражены в основополагающих международных документах:

- Всеобщая декларация прав человека (ООН, 1948),
- Декларация прав ребенка (ООН, 1959),
- Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (ЮНЕСКО, 1960),
- Декларация о правах умственно отсталых лиц (ООН, 1971),
- Декларация о правах инвалидов (ООН, 1975),
- Конвенция о правах ребенка (ООН, 1989),
- Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов (ООН, 1993),
- Саламанская декларация о принципах, политике и практических действиях в сфере образования лиц с особыми потребностями (Всемирная конференция по образованию лиц с особыми

потребностями, Саламанка, Испания, 1994),

- Дакарские Рамки действий. Образование для всех: выполнение наших общих обязательств (Дакар, Сенегал, 2000),
- Конвенция о правах инвалидов (ООН, 2006).

С 1 сентября 2013 года вступил в силу Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», внесший серьезные изменения в юридическую терминологию российского права, в первую очередь – в части введения определений, часто употребляемых в образовательной сфере терминов и понятий: «обучающийся», «обучающийся с ограниченными возможностями здоровья», «инклюзивное образование» и т.д. Согласно ст. 2 этого Закона обучающийся – физическое лицо, осваивающее образовательную программу (п. 15), обучающийся с ограниченными возможностями здоровья – физическое лицо, имеющее недостатки в физическом и/или психологическом развитии, подтвержденные психолого-медико-педагогической комиссией и препятствующие получению образования без создания специальных условий (п. 16), инклюзивное образование – обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей (п. 27).

Последнее определение («инклюзивное образование») как раз и подтверждает высказываемую многими теоретиками и практиками инклюзивного образования мысль о том, что любое образование, опирающееся на идеи адаптивной школы, учитывающее индивидуальные особенности каждого субъекта, – это образование в инклюзивной практике [1; 10]. Другими

словами, инклюзия – это не история про детей с ограниченными возможностями здоровья, инклюзия – это история про всех нас.

Естественно, что реализация идей инклюзивного образования сопряжена с рядом содержательных проблем (философских, социальных, экономических, методических и т.д.), рисков и препятствий [10]. Осознание этих трудностей для профессионального сообщества и всех заинтересованных в их разрешении лиц может быть развернуто в разных коммуникативных формах (конференциях, семинарах, лекциях, круглых столах, симпозиумах и др.). Можно предположить, что наиболее адекватной формой рассмотрения проблем инклюзивного образования в силу их дискуссионности, недостаточной теоретической разработанности, неопределенности способов решения и особой практической значимости в современном образовательном пространстве является научная школа.

Понятие «научная школа» многозначно и имеет различные смысловые оттенки. Анализ теоретических источников и справочных изданий [2–4; 7] позволил выявить, по крайней мере, три значения данного термина: 1) форма организации обучения; 2) исследовательский коллектив; 3) направление научно-исследовательской деятельности. В действительности при проведении научных школ гармонично сочетаются все эти аспекты, когда в процессе взаимодействия формируется временный научно-исследовательский коллектив единомышленников, позволяющий в рамках единого и насыщенного ценностно-смыслового поля приобщить участников к научным и профессиональным позициям ведущих ученых и обеспечить преемственность в научно-исследовательской деятельности посредством открытого обсуждения сложных теоретических и эмпирических проблем, а также прирастить образовательный потенциал каждого субъекта коммуникаций.

*Открытие II Всероссийской с международным участием научной школы
в Новосибирском государственном педагогическом университете 22 октября 2013 г.*

Новосибирский государственный педагогический университет совместно со своими партнерами (ГБОУ ВПО г. Москвы «Московский городской психолого-педагогический университет» и ГБОУ НСО «Областной центр диагностики и консультирования») имеет определенный опыт проведения научных школ по проблемам инклюзивного образования. Так, в октябре 2013 г. в Новосибирском государственном педагогическом университете состоялась II Всероссийская с международным участием научная школа «Эффективные технологии инклюзивного образования».

Планируя это мероприятие, организационный комитет рассматривал его, прежде всего, с точки зрения организации образовательного процесса в вузе в рамках подготовки профессиональных кадров [8]. Такое понимание научной школы четко определяет реализацию образовательной и научной стратегий развития университета.

В качестве ведущих лекторов были приглашены ученые, авторитет и научная репутация которых признаны научным сообществом, а известность достигнута высоким уровнем исследований в области инклюзивного образования:

Гэри Банч

Гэри Банч (Gary Bunch) (Канада), почетный профессор и старший научный сотрудник педагогического факультета и факультета здравоохранения Йоркского университета (г. Торонто, Канада), Почетный профессор ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» (г. Новосибирск, Россия), имеет опыт работы в области специального образования в качестве учителя и директора коррекционной

школы, автор нескольких книг по инклюзивному образованию: «Включающее образование. Как добиться успеха?», «Поддержка учащихся с нарушением интеллекта в условиях обычного класса» и других пособий для педагогов и психологов, является активным исследователем и международным консультантом в области инклюзивного образования;

Ричард Зиглер

Ричард Зиглер (Richard Zigler) (Кения), адъюнкт-профессор университета Саймона Фрейзера (г. Ванкувер, Канада), старший преподаватель по специальному образованию университетского колледжа Себастьяна Колоува (г. Лушото, Танзания), профессор инклюзивного и специального образования

университетского колледжа Пвани (г. Килифи, Кения), Почетный профессор ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» (г. Новосибирск, Россия), является международным консультантом и экспертом в области инклюзивного образования;

С. В. Алехина

Алехина Светлана Владимировна (г. Москва), директор Института проблем инклюзивного образования ГБОУ ВПО г. Москвы «Московский городской психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент, Почетный работник общего образования РФ,

Почетный Профессор ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», руководитель секции Учебно-методического объединения вузов РФ по направлению «Психолого-педагогическое образование».

«У каждого из нас – свой путь в инклюзию, но мы регулярно встречаемся на международных конференциях и делимся тем опытом, который приобретаем. Я очень рад этой встрече и новым знакомствам с коллегами, моими единомышленниками», – сказал в интервью Гэри Банч [9].

Проведению научной школы предшествовал длительный подготовительный этап, включающий многочисленные мероприятия организационного и содержательного характера. Определенную трудность представляло согласование содержания лекций, выстраивание общей логики всего лекционного курса, подбор методического материала и дидактических средств его воплощения. В период работы первой научной школы (НГПУ, 2012 г.) рассматривалась история становления и развития инклюзивного образования в мире и в России, уточнялся понятийный аппарат в аспекте данной проблемы, определялись методологические основы психологии и педагогики инклюзивного образования. Через год содержание научной школы получило логическое развитие, появилась необходимость обсуждения вопросов реализации специфических образовательных технологий в условиях инклюзивной практики. Так, в программу научной школы были включены следующие вопросы:

- технологии психолого-педагогического сопровождения инклюзивного процесса;
- основные педагогические стратегии и модели инклюзивного образования;
- профессиональное взаимодействие в инклюзивном образовательном учреждении;

- социальные преимущества инклюзии;
- изменение и адаптация учебной программы и составление индивидуального учебного плана для детей с ограниченными возможностями здоровья;
- педагогические технологии инклюзивного образования в обучении школьников;
- методы начального обучения детей в инклюзивном классе и приемы педагогической поддержки детей с ограниченными возможностями здоровья;
- технология бинарного урока в инклюзивной школе;
- стратегии, поддерживающие чувство справедливости среди здоровых учащихся и детей с ограниченными возможностями здоровья;
- формы и методы внеурочной воспитательной работы учителя, обеспечивающие социальную интеграцию детей дошкольного и младшего школьного возраста;
- подходы к оценке академической успеваемости образовательных результатов обучающихся с ограниченными возможностями здоровья;
- 20 шагов в инклюзию: как стать инклюзивной школой.

Заметим, что подобная структура и содержание программы научной школы – плод совместных предварительных обсуждений с приглашенными лекторами технологических проблем инклюзивного образования.

Слушатели научной школы

Не менее важная составляющая эффективной работы научной школы – состав слушателей (которые, впрочем, являлись активными участниками и актуализаторами всех содержательных событий). Равноправными субъектами обсуждения вопросов развития теории и практики инклюзии были представители разных возрастных и профессиональных групп:

– студенты НГПУ, обучающиеся по профилю «Психология и педагогика инклюзивного образования» в рамках направления подготовки «Психолого-педагогическое образование»,

– магистранты НГПУ, обучающиеся по программам «Психология и педагогика инклюзивного образования», «Психологическое сопровождение образования лиц с

проблемами в развитии», «Организация и содержание специальной психологической помощи лицам с ограниченными возможностями здоровья», «Социальная педагогика»,

– аспиранты и соискатели, выполняющие исследования в области инклюзивного образования,

– преподаватели НГПУ,

– воспитатели, учителя, педагоги-психологи и руководители образовательных учреждений Новосибирска и Новосибирской области, реализующих инклюзивное образование,

– специалисты органов управления образованием муниципальных районов и городских округов Новосибирской области.

Слушатели научной школы

Именно такой состав аудитории позволил создать атмосферу творческого, значимого события, усилить мотивацию повышения профессиональной квалифика-

ции, обеспечить возрастную преемственность участников и обеспечить глубину осмысления проблем инклюзивного образования и способов их решения.

Слушатели научной школы

Технологию проведения научной школы по проблемам инклюзивного образования в полной мере можно назвать дискурсивным событием, поскольку дискурс как речь содержит не только само высказывание, но и его объяснения, исходные основания, причинно-следственные связи и т.д. В речевых дискурсах проясняются социальные нормы и правила. Психолого-педагогическая трактовка дискурса как социально обусловленной организации системы речи и действия содержится в

работах М. Фуко [5–6]. Основываясь на них, будем понимать дискурс как речь, погруженную в жизнь, в социальный контекст, и более точно – как сложную совокупность языковых практик, участвующих в формировании представлений о том объекте, который они подразумевают, описывают, анализируют, представляют. Например, С. В. Алехина, открывая научную школу, определила, что «инклюзия – это то, что меняет школу: и как здание, и как коллектив, и как уклад жизни».

Р. Зиглер проводит научную школу

Профессор Г. Банч, рассматривая отличительные особенности инклюзивного образования от специального, отметил: «Учащиеся приходят в специальную

коррекционную школу, где есть поддержка для них. Поддержка приходит в инклюзивную школу, где есть нуждающиеся в ней учащиеся». Другие важные идеи, высказанные профессором Г. Банчем в

лекционном курсе, также имели дискурсивное содержание:

«Школа – это, прежде всего, – этика»,

«Для того чтобы думать инклюзивно, нужно тренировать свое мышление ежедневно»,

«Инклюзия и сильнее, и справедливее, чем специальное образование»,

«То, что возможно в инклюзии, ограничивается только воображением педагогов».

Дискурсивный характер лекций профессора Р. Зиглера представлен в таких высказываниях:

«Нужно не просто знать, что такое инклюзия, нужно сердцем чувствовать это!»,

«Инклюзия – это непросто, потому что инклюзия в образовании – это движение общества от эксклюзивного к инклюзивному»,

«Цель адаптированного оценивания – улучшать лучшие стороны учащихся!»

Дискурс помогает вычитывать те значения, которые подразумеваются, но оказываются невысказанными, невыраженными, по образному выражению М. Фуко «притаившимися за фасадом уже сказанного» [5]. Благодаря такому способу построения коммуникации участники научной школы осознали, открыли для себя такие важные и новые понятия как «инклюзивное мышление», «инклюзивная среда», «сотрудничество и его характеристики», «жалость и поддержка», «модели поведения». В ходе научной школы были представлены различные современные дискурсы инклюзии: философский, социальный, экономический, исторический, образовательный, технологический.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алехина С. В.** Состояние и тенденции развития инклюзивного образования в России // Теория и практика социально-гуманитарного обеспечения инклюзивного образования : Матер. Всерос. Науч. школы с междунар. участ. / под общ. ред. А. Г. Ряписовой. – Новосибирск: НГПУ, 2012. – С. 20–31.
2. **Грезнева О. Ю.** Научные школы (педагогический аспект): монография. – М.: Институт теории образования и педагогики РАО, 2003. – 69 с. ISBN/ISSN:5-85449-121-4. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pedlib.ru/Books/3/0224/3_0224-1.shtml (дата обращения: 30.09.2013)
3. **Криворученко В. К.** Научные школы // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» / №2 2011. Статья зарегистрирована ФГУП НТИЦ «Информрегистр»: № 0421100131\0010. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/2/Krivoruchenko_Scholar_Schools/ (дата обращения: 06.10.2013).
4. **Логина Н. А.** Феномен ученичества: приобщение к научной школе // Психологический журнал, 2000. – №5. – Т. 21. – С. 106–111.
5. **Макаров М. Л.** Основы теории дискурса. – М., 2003. – 252 с.
6. **Миронова Н. Н.** Дискурс-анализ оценочной семантики. – М., 1997. – 160 с.
7. **Научная школа** // Википедия. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 06.10.2013).
8. **Ряписов Н. А., Ряписова А. Г.** Опыт подготовки профессиональных кадров для развития системы инклюзивного образования // Инклюзивное образование: практика, исследования.

Методология: сборник материалов II Международной научно-практической конференции / отв. Ред. Алехина С. В. – М., 2013. – С. 595–598.

9. **Сайт** Новосибирского государственного педагогического университета. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://tv-news.nspu.ru/video-news/210> (дата обращения: 28.10.2013)
10. **Чепель Т. Л.** Инклюзивное образование как социальный проект и системная образовательная инновация // Теория и практика социально-гуманитарного обеспечения инклюзивного образования : Материалы Всероссийской научной школы с международным участием / под общ. ред. А. Г. Ряписовой. – Новосибирск: НГПУ, 2012. – С. 55–65.

© N. A. RyapISOV, A. G. RyapISOVA, T. L. Chepel

UDC 375(082) + 159.97(082)

SCIENTIFIC SCHOOL: AN INNOVATIVE FORM OF COMPREHENSION OF PROBLEMS OF THE INCLUSIVE EDUCATION

N. A. RyapISOV, A. G. RyapISOVA, T. L. Chepel (Novosibirsk, Russia)

In this article the legal foundations of implementation of the inclusion to the world-wide and Russian educational practice are presented. The comprehension of the inclusive education as an opportunity of realization of the idea of creation of society of equal rights, freedoms and dignity of persons is revealed in the article. Specific features of the scientific school as an innovative form of understanding the problems of the theory and practice of inclusive education are considered. The experience of scientific schools based on inclusive education issues, including prior consultations with the leading experts in the selection of the content and defining the school program structure, is displayed; the choice of forms and technologies of the event, the coordination of the participants. The organizational and substantive conditions of the effectiveness of the scientific school are described in it. The technology of organization of the communication in the process of scientific school is characterized as a discursive event.

Keywords: *inclusive education, scientific school, leading lecturers, technology of communication, discourse, discursive event.*

REFERENCES

1. **Alekhina S. V.** Condition and tendencies of development of inclusive education in Russia // Theory and practice of social-humanitarian inclusive education : Materials of all-Russian scientific school with international participation. – Novosibirsk: Novosibirsk state pedagogical University, 2012. – Pp. 20–31. [In Russian]
2. **Grezneva O. U.** Scientific schools (pedagogical aspect). Monograph. Moscow: Institute of theory of education and pedagogy, 2003. – P. 69. [In Russian]
3. **Krivoruchenko V. K.** Scientific schools / The humanitarian portal «Knowledge. Understanding. The ability to». – №2 2011. – Article registered FSUE STC «Informregistr»: № 0421100131\0010. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/2/Krivoruchenko_Scholar_Schools/ (date of access: 06.10.2013). [In Russian]
4. **Loginova N. A.** The Phenomenon of apprenticeship: introduction to the scientific school / Psychological journal, 2000. – № 5. – Pp. 106–111. [In Russian]
5. **Makarov M. L.** Fundamentals of the theory of discourse. – Moscow, 2003. [In Russian]
6. **Mironova N. N.** Discourse-analysis of the evaluative semantics. – Moscow, 1997. [In Russian]
7. **Scientific school** // Wikipedia. URL: <http://ru.wikipedia.org> (date of access: 06.10.2013). [In Russian]
8. **RyapISOV N. A., RyapISOVA A. G.** Experience in training professional personnel for the development of inclusive education systems. Inclusive education: practice and research. Methodology: proceedings of the II International scientific and practical conference. – Moscow, 2013. – Pp. 595–598. [In Russian]

9. **Site of** Novosibirsk state pedagogical University. – URL: <http://tv-news.nspu.ru/video-news/210> (date of access: 28.10.2013) [In Russian]
10. **Chepel T. L.** Inclusive education as a social project and systemic educational innovation. Theory and practice of social-humanitarian inclusive education : Materials of all-Russian scientific school with international participation. – Novosibirsk: Novosibirsk state pedagogical University, 2012. – Pp. 55–65. [In Russian]

Ryapisov Nikolay Aleksandrovich – Dr. of Economics, Vice-rector, Novosibirsk State Pedagogical University.

E-mail: psy-ped-iesen@mail.ru

Ryapisova Alevtina Gennadievna – Candidate of pedagogical sciences, Associate professor, Head of the Department of psychology and pedagogics of the Institute of natural and social and economic sciences, Novosibirsk State Pedagogical University.

E-mail: psy-ped-iesen@mail.ru

Chepel Tatyana Leonidovna – Candidate of psychological sciences, Associate professor of the Department of psychology and pedagogics of the Institute of natural and social and economic sciences, Novosibirsk State Pedagogical University.

E-mail: psy-ped-iesen@mail.ru

© А. А. Карачев

УДК 372.862

О НОВЫХ ПОДХОДАХ К ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. А. Карачев (Москва, Россия)

В статье содержатся предложения по совершенствованию проектной деятельности школьников по технологии в условиях введения ФГОС основного общего образования. Цель статьи – выделить и проанализировать новые требования к организации проектной деятельности школьников, содержащиеся в Федеральном государственном образовательном стандарте общего образования. Показано, что в новых нормативных документах существенное внимание уделяется освоению учащимися методов проектирования. Однако сложившаяся практика выполнения школьниками проектов не позволяет эффективно реализовать новые учебные задачи. Основным препятствием на пути обучения школьников методам проектирования является сложившийся шаблон проекта по технологии, который используется учителями в течение всех лет обучения. В качестве одной из мер, позволяющих реализовать новые цели проектной деятельности, предлагается переход к выполнению проектов по отдельным стадиям общепринятого цикла разработки технической продукции. Такой переход позволит привлечь к руководству технологическими проектами школьников не только учителей технологии, но также учителей информатики, физики и специалистов из университетов и промышленных предприятий. Предлагаемые проекты по технологии могут быть выполнены не только на базе мастерских деревообработки и металлообработки, но также на базе кабинетов информатики и физики. Все это сможет поднять технологическое образование школьников на новый качественный уровень.

Ключевые слова: технологическое обучение школьников, проектная деятельность, стадии проектирования технических объектов, типы учебных проектов.

В Федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС) основного общего образования (ООО), утвержденном приказом № 1897 Министерства образования

и науки РФ от 17 декабря 2010 г., большое внимание уделяется вопросам обучения и организации проектной деятельности школьников.

* Статья подготовлена по результатам работы Международной научно-практической конференции «Технологическое образование в XXI веке» (24–27 сентября 2013 г.) в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» на 2012–2016 гг.

Карачев Александр Анатольевич – кандидат технических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Научно-технический центр «Информтехника».

E-mail: karatchev_aa@mail.ru

Во ФГОС ООО прямо указано, что «изучение предметной области «Технология» должно обеспечить «... совершенствование умений выполнения учебно-исследовательской и **проектной деятельности**...».

«Предметные результаты изучения предметной области «Технология» должны отражать ... овладение методами учебно-исследовательской и проектной деятельности, решения творческих задач, моделирования, конструирования и эстетического оформления изделий, обеспечения сохранности продуктов труда; овладение средствами и формами графического отображения объектов или процессов, правилами выполнения графической документации...»

Во ФГОС ООО проектная деятельность отнесена к общеучебным умениям и предусмотрена во всех предметных областях. В этой связи в соответствие с ФГОС «программа развития универсальных учебных действий (программа формирования общеучебных умений и навыков) на ступени основного общего образования должна быть направлена на ... формирование у обучающихся основ культуры исследовательской и проектной деятельности и навыков разработки, реализации и общественной презентации обучающимися результатов исследования, предметного или межпредметного учебного проекта, направленного на решение научной, личностно и (или) социально значимой проблемы».

Программа должна обеспечивать:

- ... формирования компетенций и компетентностей в предметных областях, учебно-исследовательской и **проектной деятельности**;
- формирование навыков участия в различных формах организации учебно-исследовательской и **проектной деятельности** (**творческие конкурсы, олимпиады**, научные общества, научно-

практические конференции, олимпиады, национальные образовательные программы и т. д.);

- овладение приёмами учебного сотрудничества и социального взаимодействия со сверстниками, старшими школьниками и взрослыми в совместной учебно-исследовательской и **проектной деятельности**.

Расширение требований, предъявляемых к организации и результатам учебного проектирования в школе, требуют пересмотра сложившегося взгляда на развитие проектной деятельности школьников в образовательной области «Технология». Среди факторов, которые должны быть учтены при разработке новых подходов к организации проектной деятельности школьников, можно выделить следующие:

- сохранение часов на изучение технологии в федеральном компоненте БУПа только в младших классах основной школы;
- перенос изучения технологии в часы школьного компонента в старших классах основной школы;
- расширение вариативности программ технологической подготовки школьников;
- расширение разнообразия учебно-материальной базы технологической подготовки школьников;
- появление возможности привлечения в качестве преподавателей технологии выпускников технических вузов;
- активное участие родителей учащихся в определении содержания школьного компонента образовательных программ;
- расширение числа интегративных проектов и проектов, выполняемых с привлечением внешних консультантов и соисполнителей (родители, вузы, инновационные предприятия);

- повышение требовательности со стороны государства к готовности выпускников школ к участию в инновационных преобразованиях экономики страны;
- расширение числа конкурсов и олимпиад «узкой» тематической направленности (например, олимпиада по робототехнике и т.п.);
- повышение влияния результатов проектной деятельности школьников на оценку профессиональной деятельности учителей школ, присвоение разрядов и уровень оплаты труда.

Проектная деятельность вернулась в отечественную школу в 1993 г. с приходом на смену трудовому обучению образовательной области «Технология» (ООТ). За прошедшие годы проектная деятельность превратилась из «экзотической» учебной технологии, которой владели отдельные учителя-энтузиасты, в типовой вид учебной деятельности. Как это часто бывает, процесс превращения какого-либо нового педагогического приема в «типовой» сопровождается появлением некоторого удобного шаблона. Такой шаблон появился и у учителей технологии. Он позволяет без особых усилий превращать изготовление любого объекта труда в проект.

Как правило, «шаблонный» проект начинается со слов «я заинтересовался и решил сделать нечто». Далее следует историческая справка из Интернета, относящаяся к истории появления объекта. Продолжает такой проект эскиз деталей и технологическая карта. После изготовления объекта выполняется экономическое обоснование, в котором школьник часто указывает, что материалы ему дал папа, а инструменты учитель и поэтому его изделие практически ничего не стоит. Проект украшается рекламным рисунком и четверостишьем рекламного содержания, после чего он готов к презентации. Опи-

сание именно таких проектов мы находим в большинстве учебников по технологии как для 5 [1, с.169] и 6 [2, с. 161] классов, так и для 8 класса [3, с.156]. Не удивительно, что при таком подходе школьники не повышают с возрастом свою подготовку в области проектирования, о чем свидетельствует описание коллективного проекта в учебнике для 10-11 классов «Скамейка» [4, с.196].

На наш взгляд, такой единообразный шаблонный подход не решает ни задачи подготовки школьников к проектной деятельности, ни задачи эффективного овладения технологическими знаниями и умениями. Если в младших классах основной школы при выборе в качестве темы проекта изготовление сувенира с описанным шаблоном еще можно согласиться, то использование его на завершающей ступени основной школы в современных условиях становится недопустимо.

Основное противоречие в развитии проектной деятельности по мере взросления школьников заключается в том, что сложность каждого этапа учебного проектирования должна увеличиваться, а время, отводимое в учебных программах на проектирование, остается неизменным в течение всех лет обучения. Это является одной из причин того, что школьники в старших классах редко выполняют технические проекты, предпочитая продолжать изготавливать декоративно-прикладные изделия.

Однако даже при выполнении «типовых» проектов, школьники в старших классах затрачивают на их выполнение существенно больше времени, чем это предусмотрено учебными программами [5]. В то же время при значительной трудоемкости проектов в ООТ школьники не получают ни практического опыта творческой деятельности, ни представлений о процессе профессионального проектирования. Первое связано с тем, что

творческий процесс поиска решений имеет свои этапы и закономерности. Он не может быть привязан к определенным часам в сетке расписания уроков и растянут во времени на длительный период. (Кроме того, большинство учителей выделяют на поиск темы проекта и выбор решения всего 1-2 урока.) Второе утверждение базируется на том, что этапы учебного проектирования и этапы профессиональной разработки технических объектов существенно различаются. В учебном проектировании в ООТ центр тяжести смещен на изготовление объекта труда. В профессиональном проектировании главным этапом является поиск оптимального решения поставленной задачи, связанный с анализом различных вариантов решения и выбором лучшего из них.

Если раньше еще можно было «оправдаться» утверждением, что мы используем проектирование как метод обучения, направленный на повышение мотивации школьников к приобретению технологических знаний и умений, то в соответствии с ФГОС мы должны обучать проектной деятельности, как **универсальному умению**. В рамках новой постановки задачи необходимо учесть, что собственно технологическая деятельность по созданию опытного образца изделия, на которую ранее делался основной упор в учебном проектировании в ООТ, не является в процессе разработки изделий главной и занимает значительно меньше времени, чем другие виды деятельности, хотя и является весьма дорогостоящей.

Следует признать, что даже типовой учебный проект по технологии включает в себя несколько этапов разработки изделия, имеющих законченные результаты на каждой стадии разработки. Таким образом, проект по технологии, начиная уже с младших классов, является комплексным проектом с упором на

процесс изготовления объекта труда, состоящим из ряда самостоятельных проектов, что значительно повышает его трудоемкость в сравнении с учебными проектами по другим школьным предметам.

В условиях изменения механизмов и инструментов оценивания результатов педагогического труда, повышенная трудоемкость проектов может негативно сказаться на результатах аттестации учителей технологии и, в конечном счете, на их зарплатке. Можно с большой степенью вероятности спрогнозировать усиление влияния количества выполненных школьниками проектов и участия их в различных конкурсах на результаты тарификации разрядов и зарплату преподавателей. При этом в очередной раз учителя технологии проиграют учителям биологии, истории, литературы и др., которые смогут предложить школьникам гораздо менее трудоемкие проекты с «громкими» и «модными» названиями.

В качестве меры, направленной на решение обозначенных выше проблем предлагается ввести в рамках технологической подготовки школьников систему проектов, которые позволили бы смоделировать процесс профессиональной разработки промышленных объектов и сформировать у школьников соответствующие компетенции в сфере проектной деятельности. Чтобы определить состав этих проектов рассмотрим действующие ГОСТЫ, определяющие стадии разработки различных объектов.

ГОСТ 19.102-77 устанавливает стадии разработки программ и программной документации для вычислительных машин, комплексов и систем независимо от их назначения и области применения.

В соответствии с данным ГОСТ стадии разработки, этапы и содержание работ должны соответствовать указанным в таблице.

Стадии разработки	Этапы работ	Содержание работ
1. Техническое задание	Обоснование необходимости разработки программы	<p>Постановка задачи.</p> <p>Сбор исходных материалов.</p> <p>Выбор и обоснование критериев эффективности и качества разрабатываемой программы.</p> <p>Обоснование необходимости проведения научно-исследовательских работ</p>
	Научно-исследовательские работы	<p>Определение структуры входных и выходных данных.</p> <p>Предварительный выбор методов решения задач.</p> <p>Обоснование целесообразности применения ранее разработанных программ.</p> <p>Определение требований к техническим средствам.</p> <p>Обоснование принципиальной возможности решения поставленной задачи</p>
2. Эскизный проект	Разработка и утверждение технического задания	<p>Определение требований к программе.</p> <p>Разработка технико-экономического обоснования разработки программы.</p> <p>Определение стадий, этапов и сроков разработки программы и документации на нее.</p> <p>Выбор языков программирования.</p> <p>Определение необходимости проведения научно-исследовательских работ на последующих стадиях.</p> <p>Согласование и утверждение технического задания.</p>
	Разработка эскизного проекта	<p>Предварительная разработка структуры входных и выходных данных.</p> <p>Уточнение методов решения задачи.</p> <p>Разработка общего описания алгоритма решения задачи.</p> <p>Разработка технико-экономического обоснования</p>
3. Технический проект	Утверждение эскизного проекта	<p>Разработка пояснительной записки.</p> <p>Согласование и утверждение эскизного проекта</p>
	Разработка технического проекта	<p>Уточнение структуры входных и выходных данных.</p> <p>Разработка алгоритма решения задачи.</p> <p>Определение формы представления входных и выходных данных.</p> <p>Определение семантики и синтаксиса языка.</p> <p>Разработка структуры программы.</p> <p>Окончательное определение конфигурации технических средств</p>
4. Рабочий проект	Утверждение технического проекта	<p>Разработка плана мероприятий по разработке и внедрению программ.</p> <p>Разработка пояснительной записки.</p> <p>Согласование и утверждение технического проекта</p>
	Разработка программы	<p>Программирование и отладка программы.</p> <p>Изготовление программы-оригинала</p>
	Разработка программной документации	<p>Разработка программных документов в соответствии с требованиями ГОСТ 19.101-77</p>

5. Внедрение	тации Испытания программы Испытания программы	Разработка, согласование и утверждение порядка и методики испытаний. Проведение предварительных, государственных, межведомственных, приемо-сдаточных и других видов испытаний. Корректировка программы и программной документации по результатам испытаний
	Подготовка и передача программы	Подготовка и передача программы и программной документации для сопровождения и (или) изготовления. Оформление и утверждение акта о передаче программы на сопровождение и (или) изготовление. Передача программы в фонд алгоритмов и программ

ГОСТ 2.103-68 устанавливает стадии разработки конструкторской документации изделий всех отраслей промышленности и этапы выполнения работ на каждой стадии разработки¹:

Стадия разработки	Этапы выполнения работ
Техническое предложение	Подбор материалов. Разработка технического предложения. Рассмотрение и утверждение технического предложения
Эскизный проект	Разработка эскизного проекта. Изготовление и испытание материальных макетов (при необходимости) и (или) разработка, анализ электронных макетов (при необходимости) Рассмотрение и утверждение эскизного проекта.
Технический проект	Разработка технического проекта. Изготовление и испытание материальных макетов (при необходимости) и (или) разработка, анализ электронных макетов (при необходимости). Рассмотрение и утверждение технического проекта
Рабочая конструкторская документация:	Разработка конструкторской документации, предназначенной для изготовления и испытания опытного образца (опытной партии).
а) опытного образца (опытной партии) изделия, предназначенного для серийного (массового) или единичного производства	Изготовление и предварительные испытания опытного образца (опытной партии). Корректировка конструкторской документации по результатам изготовления и предварительных испытаний опытного образца (опытной партии).

¹ Материалы стандарта приведены в сокращенном варианте

(кроме разового изготовления)	Приемочные испытания опытного образца (опытной партии). Корректировка конструкторской документации по результатам приемочных испытаний опытного образца (опытной партии).
б) серийного (массового) производства	Изготовление и испытание установочной серии. Корректировка конструкторской документации по результатам изготовления и испытания установочной серии, а также оснащения технологического процесса изготовления изделия.

В последнем стандарте раскрываются также понятия «Техническое предложение» (ГОСТ 2.118-73), «Эскизный проект» (ГОСТ 2.119-73), «Технический проект» (ГОСТ 2.120-73), (ГОСТ Р 15.201-2000).

Техническое предложение – совокупность конструкторских документов, которые должны содержать технические и технико-экономические обоснования целесообразности разработки документации изделия на основании анализа технического задания заказчика и различных вариантов возможных решений изделий, сравнительной оценки решений с учетом конструктивных и эксплуатационных особенностей разрабатываемого и существующих изделий и патентные исследования.

Техническое предложение после согласования и утверждения в установленном порядке является основанием для разработки эскизного (технического) проекта.

Эскизный проект - совокупность конструкторских документов, которые должны содержать принципиальные конструктивные решения, дающие общее представление о назначении, об устройстве, принципе работы и габаритных размерах разрабатываемого изделия, а также данные, определяющие назначение, основные параметры и габаритные размеры разрабатываемого изделия.

Эскизный проект после согласования и утверждения в установленном порядке служит основанием для разработки технического про-

екта или рабочей конструкторской документации.

Технический проект – совокупность конструкторских документов, которые должны содержать окончательные технические решения, дающие полное представление об устройстве разрабатываемого изделия, и исходные данные для разработки рабочей документации.

Технический проект после согласования и утверждения в установленном порядке служит основанием для разработки рабочей конструкторской документации.

Сравнительный анализ двух стандартов, определяющих стадии разработки информационных и технических объектов, позволяет сделать вывод об их совпадении по существенным признакам. Это позволяет выделить главные стадии разработки и предложить использовать их в качестве самостоятельных видов проектов в ООТ:

1. Проект разработки технического предложения.
2. Технический проект с разработкой конструкторской документацией.
3. Проект изготовления и испытания образца изделия.

Первый тип проекта соответствует поисковому этапу учебного проектирования, которому в практике современного учебного проектирования уделяется крайне мало внимания. Сведение до минимума времени, выделяемого школьнику на поисковый этап проектирова-

ния, выхолащивает саму идею проектного метода, направленного на развитие активности учащегося и его творческого потенциала. В наших работах неоднократно показывалось, что основным отличием проектного метода от традиционных методов обучения, в том числе проблемного метода обучения, является наличие поискового этапа проектирования, включающего самостоятельный поиск проблемной ситуации, определения требований к объекту проектирования и выдвижение спектра вариантов решения поставленной задачи.

Опыт руководства проектной деятельностью показывает, что не только школьники, но и студенты испытывают значительные трудности при определении требований к объекту проектирования. Как правило, требования к объекту проектирования формулируются в весьма обобщенном виде (например, изделие должно быть удобным, дешёвым, практичным, красивым, простым, оригинальным и т.п.). Такие формулировки не только не позволяют объективно оценить достижение целей проектирования, но и не дают школьникам возможности грамотно обосновать выбор решения. Более того, во многих проектах вообще отсутствуют требования, описывающие главные функции объекта. В то же время, четко сформулированные требования к объекту проектирования (т.е. четкая постановка задачи) являются необходимым условием успешного решения задачи.

Поэтому именно в рамках данного типа проектов должна осуществляться защита технического предложения с привлечением, при необходимости, экономических расчетов. Общеизвестно, что исправление ошибок, допущенных при подготовке технического задания, на каждом из последующих этапов потребует на порядок больше средств, чем на предыдущем.

Первый тип проекта по технологии может быть назван **поисково-исследовательским проектом по технологии**, а его результатом должно быть обоснованное предложение (эскизный проект) решения некоторой задачи. Руководить такими проектами могут не только учителя технологии, но и учителя физики и преподаватели системы дополнительного образования, в том числе с инженерно-техническим образованием. Для выполнения данных проектов могут быть использованы кабинеты информатики и физики, а также другие кабинеты и лаборатории, доукомплектованные специальным оборудованием для проведения работ по макетированию технических объектов.

Второй тип проекта должен быть связан с разработкой конструкторской документации для выбранного решения задачи. На современном этапе школьного образования необходимо привлекать для разработки документации CAD/CAM программы компьютерного моделирования. При выполнении подобных проектов возможно руководство проектами учителями технологии, информатики, графики и черчения, инженерами-конструкторами или совместное руководство проектами несколькими учителями.

Второй тип проектов может быть назван **конструкторско-дизайнерским**. Его результатом должна стать конструкторская документация, необходимая для создания опытного образца изделия, в том числе трехмерные визуальные образы объекта, созданные с использованием современных информационных технологий.

Третий тип проекта может быть назван **опытно-конструкторским**. (В свете современных терминологических тенденций третий тип проекта по технологии может быть назван **«прикладным проектом»**). Его результатом должна быть практическая реализация объек-

та проектирования и его испытания. Такой тип проекта может найти широкое распространение в школах при оснащении кабинетов технологии и физики новыми электромеханическими и электронными конструкторами. В этом случае задание на проектирование может быть получено от учителя, а задача учащегося будет заключаться в создании и испытании объекта, собранного из деталей конструктора.

Данный тип проекта может иметь место и при освоении учащимися нового современного оборудования с ЧПУ. Основной упор здесь может быть сделан на наладке оборудования и подборе режимов обработки, обеспечивающих необходимую скорость и качество работы.

К данному типу проектов можно также отнести создание уже известных объектов с использованием доступных материалов, инструментов и технологий, например, моделей технических объектов или декоративно-прикладных изделий, а также проекты ремонта или реставрации каких-либо объектов.

Если соотносить предлагаемые типы проектов с рекомендованными в методической литературе этапами учебного проектирования, то следует добавить проект презентации результатов проектной деятельности. Это может иметь смысл, если речь идет о разработке проекта выставки работ, показа театра мод, организации ярмарки-продажи работ учащихся. Однако, строго говоря, данный тип проекта не является технологическим и может проводиться в рамках других школьных предметов.

Что касается экономической оценки проектных предложений и разработки рекламы объектов проектирования, то к этим вопросам также нужно относиться профессионально. Поэтому, на взгляд автора, рассмотрение данных вопросов должно проводиться в

рамках отдельных проектов по предметам, которые занимается вопросами экономики и бизнеса. «Сваливать» все в одну кучу - значит дискредитировать профессиональный подход к вопросам проектирования.

Преимущество предлагаемой дифференциации проектов по технологии заключается в том, что за счет изменения требований к содержанию, структуре и оформлению соответствующего проекта можно выделить дополнительное время для освоения методов и инструментов проектирования, которые могут быть использованы в дальнейшем, как в учебной, так и в профессиональной деятельности.

Предлагаемый подход к организации учебного проектирования в ООТ позволяет расширить тематику различных конкурсов проектов и заданий на олимпиадах. По каждому типу проектов можно проводить конкурсы и олимпиады по технологии любого уровня. Снижение объема непродуктивной с точки зрения достижения учебных целей работы за счет «специализации» проектов позволит учащимся выполнить в течение учебного года большее число проектов, что положительно отразится на портфолио учащихся и аттестационных показателях педагогов.

Важно отметить, что реализация двух первых типов проектов не требует дорогостоящей материальной базы, но несет в себе значительный потенциал творческого развития учащихся. Более того, предлагаемая дифференциация учебных проектов по технологии позволяет расширить учебно-материальную базу технологической подготовки учащихся и привлечь к технологической подготовке широкий круг учителей и технических специалистов, что очень важно в условиях сокращения часов на технологическую подготовку в федеральном компоненте Базисного учебного плана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Технология.** Технический труд. 5 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений. / под ред. В. М. Казакевича, Г. М. Молевой. – М.: Дрофа, 2004. – 192 с.
2. **Технология.** Технический труд. 6 кл.: учеб. для учащихся общеобразоват. учреждений. / под ред. В. М. Казакевича, Г. А. Молевой. – М.: Дрофа, 2005. – 188 с.
3. **Технология:** 8 кл.: Учеб. для общеобразоват. учреждений. / под ред. В. Д. Симоненко. – М.: Вентана-Граф, 2010. – 176 с.
4. **Технология.** Базовый уровень: 10-11 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений. / под ред. В. Д. Симоненко. – М.: Вентана-Граф, 2009. – 224 с.
5. **Карачев А. А., Каплин Р. Е.** Метод проектов глазами учителей и учащихся // Школа и производство. – 2004. – № 5. – С. 20-21.

© A. A. Karachev

UDC 372.862

NEW APPROACHES TO A PROJECT ACTIVITY OF PUPILS IN CONDITIONS OF MODERNIZATION OF GENERAL EDUCATION

A. A. Karachev (Moscow, Russia)

The article contains proposals on improving pupils project activities by technology in the context of implementation of the Federal state educational standard of the main General education. The purpose of article is identify and analyze the new requirements for the organization of project activities pupils contained in the Federal state educational standard. It is shown that under the new regulations, considerable attention is paid to schoolchildren development of design methods. However, the current practice of the projects does not allow schoolchildren to effectively implement new learning tasks. The author considers transition to implementation of projects on separate stages of the standard cycle of development of technical production as one of the measures, allowing to realize the purposes of the project activities. This transition will involve the management of technology projects schoolchildren not only technology teachers, but also teachers of computer science, physics, and experts from universities and industry. Proposed projects on the technology can be made not only in the workshops wood and metal, but also in computer science and physics classrooms.

Keywords: technological education in schools, the project activity, the stage of designing technical objects, types of educational projects.

REFERENCES

1. **Technology.** Technical work. 5 grade: Textbook for general education / V. M. Kazakevich, G. M. Moleva. – Moscow, Bustard, 2004. – 192 p. [In Russia]
2. **Technology.** Technical work. 6 grade: Textbook for general education / V. M. Kazakevich, G. M. Moleva. Moscow, Bustard, 2005. – 188 p. [In Russia]
3. **Technology.** 8 grade: Textbook for general education / V. D. Simonenko and others. – Moscow, Ventana-Graf, 2010. – 176 p. [In Russia]
4. **Technology.** Basic level: 10-11 grade. Textbook for general education / V. D. Simonenko. – Moscow: Ventana-Graf, 2009. – 224 p. [In Russia]
5. **Karachev A. A., Caplin R. E.** Project-based learning through the eyes of teachers and schoolchildren // School and industry, 2004. – № 5. – Pp. 20–21. [In Russia]

Karachev Alexander Anatolievich – the candidate of technical Sciences, professor, Deputy Director on scientific work, Federal State Unitary Enterprise «Scientific technical center «Informtehnika».
E-mail: karachev_aa@mail.ru

© В. В. Крашенинников

УДК 378.046.4

ИННОВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**В. В. Крашенинников (Новосибирск, Россия)*

В статье автор рассматривает основные инновационные аспекты развития технологического образования в современных условиях информационных преобразований общества и образования. Показано, что применение в сфере образования высоких технологий в качестве инструмента для передачи информации и освоения современных технологических процессов позволяет оптимизировать учебный процесс и повысить его эффективность. Рассмотрены особенности влияния высоких интеллектуальных технологий на педагогические технологии и возможность их освоения на основе развития навыков творческого, логического мышления и совершенствования навыков межличностной коммуникации. Представлен инновационный аспект использования теории социальной коммуникации к сфере технологического образования, что в условиях модернизации образования в России, является актуальным. Анализируются основные направления исследований по определению структуры и детерминант социальной коммуникации в соответствии со спецификой педагогической деятельности.

Ключевые слова: технологическое образование, высокие технологии, педагогические технологии, эффективность образовательного процесса, социальные коммуникации.

Быстрые изменения современных профессиональных и культурных миров обуславливают потребность в таких профессионалах, которые были бы готовы и способны к столь же быстрым трансформациям. Современный специалист сегодня находится в ситуации, когда информационно-коммуникативное движение заставляет его постоянно выступать в различных ролях. Это принципиально меняет статус и цель образования, особенно технологического, поскольку для соот-

ветствия современным требованиям рынка необходимо осваивать самые перспективные технологии, которые являются залогом высокого качества и низкой себестоимости продукции. Известно, что понятие “технология” трактуется как искусство, мастерство, умение в совокупности с методами обработки, изготовления, изменения состояния, свойств, формы сырья, материала или полуфабриката, осуществляемых в процессе производства продукции.

* Статья подготовлена по результатам работы Международной научно-практической конференции «Технологическое образование в XXI веке» (24–27 сентября 2013 г.) в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» на 2012–2016 гг.

Крашенинников Валерий Васильевич – кандидат технических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: vkrash48@mail.ru

Поскольку термин «технология» характеризует совокупность знаний о способах и средствах проведения производственных процессов, постольку содержание понятия «технология» ассоциативно связывается с процессом производства материальных ценностей и по данному признаку неприменимо к понятию «образовательный процесс». Более того, качественное изменение предметов природы (технологический процесс) предполагает не просто создание изделия нужного качества для удовлетворения соответствующей потребности, но и максимально возможное сокращение затрат на изготовление продукции; при этом ее количественные параметры выступают как выражение результатов собственно процесса труда. В этой связи с позиций производства, понятие «технология» может рассматриваться в историческом аспекте как результат научно-технической революции, способ преобразования материи, что требует как контроля качества производимого, так и управления технологическим процессом. На современном этапе развития общества становится очевидным и философский аспект рассматриваемого понятия, а также трансформация его сути применительно к социуму.

Технологическое образование направлено на освоение культуры отношения к технике и технологическим преобразованиям окружающей среды, основанным на оптимизации использования и сохранения ресурсов. Важным аспектом является взаимодействие человека и машины, оборудования, энергетических устройств. Широкое применение получили системы управления машинами посредством компьютерных систем и технологий. Появился класс технологий, которые именуют высокими. К высоким технологиям относят обычно такие, которые обеспечивают быстрое протекание технологических про-

цессов с использованием высокоточных манипуляторов, управляемых компьютерной техникой (микроэлектроника, информационные технологии типа Интернет и т.п., биотехнологии, микромеханика и др.). Одним из инновационных аспектов технологического образования становится возможность в процессе обучения и эффективного освоения различных дисциплин, преимущественно технического плана, использовать высокие технологии (например, системы автоматизированного проектирования, системы автоматизированного сбора данных и др.). При этом изучаются и сами высокие технологии и обеспечивающее их работу оборудование.

Применение высоких технологий не ограничиваются сферой сугубо производственных процессов. Имеет место особая их разновидность, а именно – высокие интеллектуальные технологии, что характерно для сферы творчества, науки, управления коллективами. В свете современных тенденций развития образования указанное понятие в полной мере применимо и к сфере образования.

В последнее время для разработки образовательных моделей внимание многих исследователей привлекают возможности использования высоких технологий, хотя на первый взгляд, такие понятия как «высокие технологии» и «образовательные технологии» несовместимы. Появление высоких интеллектуальных технологий в сфере образования разительно меняет картину привычной работы педагога, ученого, подчеркивая преимущества учреждения, региона, страны в сфере умственной профессиональной деятельности. Особенности эти состоят в том, что они не только включают в себя наукоёмкие процессы и имеют высокую экономическую эффективность, но требуют для своего освоения постоянного тренинга, а потому не могут быть изучены только по книгам. Более

того, процедура их освоения требует формирования и развития навыков творческого, логического мышления и совершенствования навыков межличностной коммуникации.

Освоение и развитие новых высоких технологий – значимый ресурс совершенствования учебных программ вузов. Изучение вопросов сложной наукоемкой теории и практики опирается на знание дисциплин всех уровней подготовки специалиста, показывает их взаимосвязь, обозначает место и важность каждого элемента подготовки в системе высшего образования. Инновационный аспект этого направления обусловлен тем, что появляются новые акценты в процессе обучения, показывающие явное преимущество этих форм, поскольку высокие интеллектуальные технологии:

- вызывают повышенный интерес студентов вследствие большей доли новизны и значимости,
- концентрируют их внимание вследствие введения разнообразных приемов подачи материала,
- позволяют вводить элементы сравнения новых технологий с традиционным акцентированием внимания на отдельных сторонах того или иного процесса.

Что касается статуса, то процесс образования сегодня затрагивает любое предприятие материального производства, сферы услуг и культуры, таким образом, расширяется и его пространство. Оно теряет автономию и изоляцию, утрачивает функциональную роль инкубатора по выращиванию специалистов. В этом смысле все общество становится образовательной системой, где специалисты не только готовятся к жизни, но и полноценно живут ею. Соответственно меняется и цель образования. Интеллектуализированная среда информационного, коммуникативного мира, его динамика, неопределенность и откры-

тость будущего обусловили потребность формирования в процессе образования таких качествах личности как гибкость и адаптивность, способность жить в непрерывно изменяющемся мире. Коммуникативная компетентность, творческая подвижность и толерантность выходят сегодня на первый план в образовании человека, характеризуя его и как специалиста, умеющего чувствовать изменения в мире профессии, улавливать направления развития профессиональных знаний и как члена непрерывно меняющейся поликультурной социальности. Именно в этом смысле содержание образования приобретает коммуникативный характер.

Педагогический смысл перехода образования на принципы коммуникативной организации заключается в возможности использовать из общей теории коммуникации ее гуманитарные свойства. Гуманитарные тенденции в современной науке – явление сложное, поскольку, с одной стороны, они имеют свое философское и социальное основание, а с другой, имеют место значительные трудности с однозначным их определением. Они охватывают самую разнородную проблематику и широко представлены в различных науках. Необходимо понять ту огромную, хотя все еще не до конца оцененную, роль социальной коммуникации в образовании, воспитании и перевоспитании общества, а в особенности – молодого поколения и в тоже время ее огромную ответственность в данном процессе.

Ученик, находящийся в процессе становления, должен иметь не только возможности для развития, но должен иметь представление о цели своего развития, идеале к которому бы он стремился. Представление об идеальном человеке постоянно находится в динамике, трансформируется с древности и до наших дней.

Перед лицом того вызова, какой несет с собой XXI в., каждый из нас обязан приобрести все новые и новые способности, навыки, позволяющие действовать эффективно. Одна из многих проблем, с которыми нам приходится сталкиваться в образовании, это сохранение правильных отношений между учителем и учеником (вне зависимости от образовательной ступени). Успех работы учителя заключается не в использовании власти и авторитета, а в умении задействовать ум учеников и в создании атмосферы взаимного доверия, что безоговорочно требует от учителя и от учеников толерантного общения, что позволяет сделать процесс образования и саму школу привлекательными для обеих сторон. В свете вышесказанного, можно сделать вывод о том, что правильно выстроенная коммуникация с учеником позволяет реализовать в полной мере принцип субъект-субъектного подхода в образовании, что обуславливает как творческую самореализацию учителя, так и формирование самостоятельности и ответственности ученика. Диалог становится внутренней необходимостью обеих сторон учебного взаимодействия, а не чем-то навязанным извне.

Еще одним инновационным аспектом, вызванным острой необходимостью современности, является адаптация теории социальной коммуникации к сфере в технологического образования. Возросший в последнее время интерес отечественных и зарубежных исследователей к проблеме коммуникации обуславливает усиление потребности представителей многих специальностей (педагогов, психологов, физиологов и др.) в исследовании, как самого хода процесса коммуникации, так и результатов этого процесса. Прежде всего, необходимо определить понятие и структуру социальной коммуникации через выяснение ее детерминант с целью прелом-

ления действия каждой из них в соответствии со спецификой педагогической деятельности, что, в целом, даст возможность строить педагогическую деятельность как коммуникативное событие.

Будем представлять образование как необходимый процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней, процесс, посредством которого общество через школы, колледжи, университеты и другие институты целенаправленно передает свое культурное наследие – накопленное знание, ценности и навыки – от одного поколения другому. Сегодня сформировалась система образования, адекватная возможностям и пониманию устройства мировой цивилизации и развитию общества.

Систему образования можно представить в виде двух составных частей. Одна часть – технологическая, в которой осуществляется коммуникация посредством педагогических технологий, обеспечивающих процесс передачи информации (воспитание и обучение). Вторая – вспомогательная, обеспечивающая поддержание инфраструктуры, которая необходима для осуществления коммуникации. В зависимости от технологического процесса коммуникации строится инфраструктура, включающая коммуникации управления, обеспечения и т.д. С учетом накопленного опыта и изысканий педагогической науки реализуются различные принципы воспитания и передачи информации. Здесь и традиции европейской педагогики, основанные на изучении учебных предметов, построенных вокруг идеальных объектов наук естественного типа (в изучении дисциплин гуманитарного цикла при этом сохраняется естественно-натуралистический подход),

классно-урочной форме организации учебного процесса, заданных методах освоения учебного содержания, контроле учебных знаний и т.д. И более современные педагогические технологии, использующие творческие и проектные методы обучения, деловые игры, научные методы на основе новых перспективных типов мышления, деятельности и соответствующих им профессиональных сфер. Прежде всего, это организационно-управленческая и проектная деятельность, предпринимательство, гуманитарные технологии (социо-, культуро-, антропотехника, общественные связи, средства массовой информации и т.п.).

Отметим, что по-новому взглянуть на педагогические технологии позволяют и высокие технологии, широко применяемые сегодня в научных исследованиях и на производстве. Развитие компьютерных технологий и Интернета повлияло на наше представление о технологиях передачи информации, что наряду с применением в процессе обучения высоких технологий требует определенной корректировки и коммуникационных технологий. Внедрение в систему образования средств высоких технологий позволят организовать учебный процесс так, чтобы сформировать у студентов навыки самостоятельность учебного труда (умение планировать самостоятельную работу, рационально ее организовать, в индивидуальном режиме изучать теорию, проводить экспериментальные исследования, приобретать практические навыки и умения путем тренировочных действий, осуществлять самоконтроль), что активизирует процесс познания. Ведь неоспорим тот факт, что учебная информация воспринимается более активно, если существует потребность в ее восприятии.

Существующие трактовки понятия «педагогические технологии» можно условно

разделить на две группы, обусловленные существованием принципиальных различий в подходах к рассмотрению сущности образования:

1) Педагогическая (дидактическая, образовательная) технология является процессуальным единством содержания, форм и методов обучения и воспитания (образования), обеспечивающим гарантированное достижение запланированных результатов. В данном случае технология выступает как модель педагогического процесса.

2) Педагогическая (дидактическая, образовательная) технология есть совокупность педагогических действий по созданию и реализации эффективного, гарантирующего результат педагогического (дидактического, образовательного) процесса. Здесь технология понимается как *модель деятельности преподавателя*.

Наиболее ярким представителем первого подхода является В. П. Беспалько, дающий следующее определение: «Педагогическая технология – это систематичное воплощение на практике заранее спроецированного учебно-воспитательного процесса» [1, с. 33]. Педагогическая система понимается автором как совокупность взаимосвязанных средств, методов и процессов, необходимых для создания организованного, целенаправленного и преднамеренного педагогического влияния на формирование личности с заданными качествами. Отличием педагогических технологий от любых других является то, что они способствуют более эффективному обучению за счет повышения интереса и мотивации к нему у учащихся.

Второй подход к пониманию педагогической технологии связан с технологическим подходом к педагогической деятельности, т.е. говорится о технологии обучения как о тех-

нологии построения самого учебного процесса, включающего:

- постановку целей и их максимальное уточнение, формулировку учебных целей с ориентацией на достижение результатов (этому этапу работы преподавателя придается первоочередное значение).

- подготовку учебных материалов и организацию всего хода обучения в соответствии с учебными целями;

- оценку текущих результатов, коррекцию обучения, направленную на достижение поставленных целей;

- заключительную оценку результатов.

По нашему мнению, педагогические технологии, следует рассматривать как науку о выборе методов и средств обучения в частных ситуациях с учетом сложившихся типов отношений в процессе образования [2, с. 12]. При этом под типами отношений необходимо понимать те, которые основаны на восприятии личности учащегося (личностно-ориентированный и/или диалогический подход). Формированию таких отношений способствуют разнообразные интерактивные методы активизирующие процесс коммуникации, владение которыми требует от преподавателя не столько знаний основ педагогического конструирования процесса обучения, сколько умения работать в режиме постоянного педагогического и интеллектуального тренинга. При этом, разрабатывая новые или применяя апробированные педагогические технологии, следует ориентироваться на существующие условия обучения и материально-техническое обеспечение образовательного процесса.

Обобщая подходы к пониманию педагогической технологии, на наш взгляд наиболее предпочтительно выделить следующее понимание. Педагогическая технология является совокупностью средств и методов воспроиз-

ведения, теоретически обоснованных процессов обучения и воспитания, позволяющих успешно реализовывать поставленные образовательные цели. Педагогическая технология предполагает соответствующее научное проектирование, при котором цели задаются однозначно, и сохраняется возможность объективных поэтапных измерений и итоговой оценки достигнутых результатов. Особая проблема в педагогической технологии заключается в целенаправленном выборе организационных форм обучения, эффективность которых обуславливается не только экономической рентабельностью, но и главным образом качеством подготовки будущих специалистов, у которых должна быть сформирована мотивация к постоянному саморазвитию, к применению полученных знаний на практике. Одним из условий эффективной реализации данной задачи является развитие у субъектов образовательного процесса мотивации к осуществлению позитивной коммуникации в межличностном взаимодействии. В связи с чем, сам процесс обучения и педагогические технологии можно трактовать как один из видов социальной коммуникации.

В современной педагогической практике на всех уровнях образования представлен широкий спектр инноваций – проблемных, имитационных, исследовательских, игровых, компьютерных, проективных, контекстных и других моделей обучения. Используются разнообразные формы совместной (групповой) учебной деятельности, предусматривающих организацию взаимодействия субъектов образовательного процесса в рамках решения педагогических задач. Любая продуктивная человеческая деятельность (в том числе обучение) в сущности, является решением какой-либо проблемы, задачи, замысла (в общем случае, проекта) и подчиняется законам проектирования.

Необходимо отметить, что социальные коммуникации в образовательном процессе должны быть ориентированы на определенную направленность информационных потоков. Основная задача образования не только передать информацию, но и обеспечить продуктивную деятельность обучаемого, в том числе эффективно пользоваться информационной базой, а в последующем ее приумножать (пополнять). Педагогическая наука в своем развитии пришла к созданию педагогических технологий, обеспечивающих качественную передачу и усвоение информации. Однако более детальный анализ существа приведенных понятий показывает их тесную взаимосвязь, что обусловлено появлением новых видов образовательных технологий, а именно – информационных, интегративная функция которых реализуется по схеме: высокие технологии ↔ информационные технологии ↔ образовательные технологии. В аспекте безусловной необходимости вхождения России в международное образовательное пространство значимость развития и освоения информационных технологий неуклонно возрастает. Указанное обстоятельство подчеркивает актуальность более детального рассмотрения приемов и способов применения высоких технологий (или соответствующих элементов) в образовательном процессе, особенно в направлении повышения эффективности качества обучения.

Появление технологий человеческого общения и взаимодействия является результатом социальной эволюции, когда способы производства, контроля и управления выступали и как важнейший резерв, и как ресурс, а во многих случаях – фактор регуляции интенсивности процессов развития. На этом, вероятно, интуитивном этапе развития социальный прогресс определялся результатами опыта культурных традиций. Последние

формировали такие социальные технологии, которые уже в то время оптимизировали управленческий процесс в направлении получения наиболее эффективного социального результата. Социальное развитие сопровождалось появлением соответствующих технологий и в системе образования. Именно образование становится одним из главных факторов влияющих и создающих условия реализации функции воспроизводства всех социальных институтов.

Современные социально-экономические условия требуют разработки специализированных коммуникационных технологий, которые призваны обеспечивать передачу всей совокупности социальной информации на основе современных средств ее доставки, обработки и представления, что сопряжено с развитием наукоемких технологий¹ и информатизации социального пространства.

¹ *Наукоемкие компьютерные технологии* – компьютерные технологии, предназначенные для эффективного решения разнообразных научных и научно-технических (промышленных) задач, как правило, сложных нестационарных нелинейных пространственных задач, описываемых системами нелинейных дифференциальных уравнений в частных производных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Беспалько В. П.** Педагогический менеджмент и прогрессивные технологии обучения. – СПб, 1996 – Ч. 2. – С. 33.
2. **Лепин П. В., Барахтенова Л. А., Крашенинников В. В.** Концепция интегральной педагогики и пути ее реализации // Философия образования для XXI века. – 2001. - № 2 – С. 7–15.

© V. V. Krasheninnikov

UDC 378.046.4

INNOVATIVE ASPECTS OF TECHNOLOGICAL EDUCATION

V. V. Krasheninnikov (Novosibirsk, Russia)

In article the author considers the main innovative aspects of development of technological education in modern conditions of information transformations of society and education. It is shown that application in education of high technologies as the tool for information transfer and development of modern technological processes allows to optimize educational process and to increase its efficiency. Features of influence of high intellectual technologies on pedagogical technologies and possibility of their development on the basis of development of skills of creative, logical thinking and improvement of skills of interpersonal communication are considered. It is shown that the innovative aspect of use of the theory of social communication to the sphere of the technological education is actual problem in Russia in present-days. The author analyzes the main directions of researches on definition of structure and determinants of social communication according to specifics of pedagogical activity.

Keywords: technological education, high technologies, pedagogical technologies, efficiency of educational process, social communications.

REFERENCES

1. **Bespal'ko V.P.** Education management and advanced energy technologies Education. – St. Petersburg, 1996. – P. 2. – p. 33.
2. **Lepin P. V., Barakhtenova L. A., Krasheninnikov V. V.** Integrated concept of pedagogy and the ways of its implementation // Philosophy of Education of XXI century. – 2001. – N 2. – Pp. 7–15.

Krasheninnikov Valeryi Vasilyevich – the candidate of technical sciences, professor, Novosibirsk State Pedagogical University.

E-mail: vkrash48@mail.ru

www.vestnik.nspu.ru

ФИЛОСОФСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ

© Юй Вень Ли

УДК 101

ПЕДАГОГИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АНАЛЕКТАХ КОНФУЦИЯ: КРИТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Юй Вень Ли (Пекин, КНР)

В данной статье автор анализирует наследие Конфуция в области образования человека и строительства государства в сборнике «Лунь юй» («Суждения и беседы»). Взгляды Конфуция воспринимались и воспринимаются до сих пор как классика воспитания характера и морали, проект обучения конфуцианству, влияющий на широкие круги общественности. Он транслирует такие модели поведения, которые учат вести себя так, как подобает человеку или, иными словами, жить в соответствии с основополагающими категориями традиционной духовной культуры. Автор отмечает важность данного сборника для современной педагогики политического образования, так как «Лунь юй» («Суждения и беседы») вобрала в себя огромную информацию по обучению и воспитанию уважения и ответственности, формируя нравственный порядок в обществе, что позволяет сохранять его устойчивость. Некоторые из моральных кодексов, например, «три устоя» и «пять постоянных добродетелей» (доброжелательность, справедливость, соблюдение этических норм, знания и искренность), были жизненно важными руководящими положениями, закрепленными в китайском менталитете на протяжении веков и сохраняющимися до сих пор. Однако, занимая позицию политической перспективы, необходимо учитывать особенности эпохи формирования сборника «Лунь юй» и принимать во внимание сложные межличностные отношения в Китае этого периода. С политической точки зрения можно ясно увидеть идеологическую подоплеку в тех нравственных сообщениях. Тем не менее, автор доказывает эффективность педагогических методов для современного политического образования. Разумно придерживаться сохранившейся традиционной морали в политической борьбе – перспектива конфуцианской педагогики политического образования. Она будет оправдана как образовательными, так и социальными потребностями. В статье приводятся различные точки зрения западных ученых, раскрывается понятие «политическое образование». Статья будет интересна тем, кто интересуется педагогикой, философией, китайской культурой, а также широкому кругу читателей.

Ключевые слова: политическое образование, педагогика, педагогика политического образования, диалог, мораль.

Introduction

CONFUCIAN ANALECTS has long been taken as a classic of educating for character

and morality, designing to teach Confucians and thus influencing the general public to behave as nice human beings, or lead gentlemanly lives.

Юй Вень Ли – профессор философии образования, директор центра политического образования Школы Марксизма, проректор Института социальной экономики и культуры, Пекинский университет.
E-mail ywl1972@126.com

It is no doubt that Confucian Analects has passed information on teaching respect and responsibility, helping to forge the unbeatable castle of hierarchical ethical order existing in feudal China for over 2000 years. Some of these moral codes, such as the Three Cardinal Guides (ruler guides subject, father guides son and husband guides wife) and Five Constant Virtues (benevolence, righteousness, propriety, knowledge and sincerity), became the life guideline fastened in the Chinese mentalities over centuries even up to now. However, taking the stance of political perspective and judging the complicated interpersonal relations of feudal China with an eye of politics, one might clearly read out the political indoctrination in those moral messages. From Confucian Analects, it's also easy to generalize the pedagogical method bearing strong connotation for political education. However effective these methods are in the history of education, defects can always be found. In this paper, some ideas will be presented relating to the politics of education in Confucian Analects and critical sound maybe heard to alarm the long-established but stereotyped pedagogy in political education of Confucius, especially the deeply-rooted educational psychology of imperial authority domination, the opinionated prejudice on innate inequality of human beings and the idolatrous reverence to god supremacy and the narcissistic syndrome for elite training. In some way, the analects reflect the teachings of doctrines helping the formation of feudal social system, with the gradual dramatization of political psychology and development of servility culture.

A book of political education: its content and context

Political education, as defined in the broadest sense, may bear a totally different meaning from what modern scholar can

perceive. Rather diverging with the disciplinary characteristics and scholarly tunes of today's definition which involves such keywords as knowledge, attitude and skill, also apart from the modern academic terminology frequently used, such as identity, representation and participation, political education may find a specialized area relating to the pedagogical training of political figures and political personalities. Therefore, topics or matters relating to state, government, aristocracy, official, power, right and even law may all fall into the category of political education. It is well known that the great classic of Confucian Analects, a record of Confucius's dialogue with his disciples, even though deals with the pervasive morality among interpersonal relations and tells the widespread life principle of conduct, is no less than a book of political education. In general, not only the political doctrines of Confucius permeate the whole book, but the central theme of this analects is to train statesman with both inner virtues and outer merits so that he can be "internal saint and external king" with all his political behaviors. The attainment of the *perfect virtue*, symbolize the true aim of living but highlight the political supremacy. Since a book is appropriately defined by its context and content, so I will try to explain the political of Confucian Analects from these perspectives and thereby reveal the blemish hidden in the feudal ingratiating with worldly politics.

It is well-known to all the later rulers after Song Dynasty that "with mastery of half Confucian Analects, you can manage the country well." This famous ejemplos tells nothing but the political significance of Confucian Analects in ruling a country and extols its function in political management. To assert without any slight of exaggeration, Confucian Analects had indeed covered a wide cluster of topics on politics, ranging from government management

to political affairs, from political personality to political behaviors. Lionel Giles, in his new translation of Confucian Analects, categorized the political dialogues between Confucius and his students. All these dialogues expounded on the state rules, administrative strategies, political reputation and authority, political justice, civil managerial ethics, governing art and governmental behaviors, systems of ruling, etc. The frequenting of political topics actually mirrored the chaotic social order during Confucius' lifetime, also the Spring and Autumn Period, and the great anticipation for good politics in the mind of this intellectual saga. The time when Confucius lived was a time of constant warfare among the states. What Confucius worried and taught were mostly targeted at the illness of the society happened when people forget their place in life and the rulers lost their virtues. Therefore, the panoramic background of Confucian Analects was actually the restoration of political conformity and governance of chaotic social-political order. This fact throws light on both on the character and design of the philosophy of this book. Liang Qichao once championed the view on Confucianism, believing that in traditional Chinese culture, politics and ethics intermingled and state politics is the extension of family ethics. In fact, inseparable ties always exist in between individuals and collectives, family and state, politics and morality. Due to the ultimate worship of perfect virtue for good politics, even Confucius himself sought to perfect his political philosophy by preaching ethics. According to him, good virtues make good politics. He believes that "he who governs by his moral excellence may be compared to the pole-star, which abides in its place, while all the stars bow towards it." (William Edward Soothill, 5)

Centered on the carriage-return of orders, Confucius began his teachings on rituals,

designing to persuade the ruling class to behave in benevolent ways and make people good mannered and grateful, make pure virtue the moral fiber of gentlemen and elites. In fact, the core value of Confucianism highlighted in Confucian Analects, the Ritual(*li* 礼) and Benevolence(*ren* 仁), are all endorsed for politics, because virtue, morality and ethic code are merely the instrument of building social hierarchy, which in turn good for political ruling and social orders. Patricia Buckley Ebrey stated in his book entitled *The Cambridge Illustrated History of China* that even being a moral philosopher, Confucius still endeavored to bury his political ideals in his moral teachings to the public for he believe that society itself can in no way be harmonious until behaviors of all are controlled and directed by institutional laws, especially that of politics. Bell also showed some of his analysis as to believe that "in the Chinese conception, the importance of politics lies not in collective participation in collective decisions, but in its promotion of the highest moral good in individual lives (*ren*), and its accompanying moral order, a harmonious order of social relationships."(Bell, 70) But contrast to what Bell claims that politics is "an instrument to promote the moral order."(Bell, 71) I believe contrarily that politics exalts and decides moral order, and this can be proved by the inner cause of why Confucianism serve as the established ruling doctrine over thousand of years throughout China's imperial reign and despotic dynasties. Like John H. Barrows mentioned, "his aim was political; the reestablishment of strong, imperial government. Against anarchy he found it necessary to lay the greatest stress on authority and subordination. In his moral teaching man is principally a political being on a basis of social relations. Development of personal character is subordinated to social and political duties." (John Henry Barrows, 1350)

The noticeable facts concerning the formation of Confucian Analects and the family background of students in the Master-disciple dialogue may also explain why it dealt with politics and political education. As to the formation of the book, it is commonly believed that the analects were collected and compiled by several generations of disciples of Confucius. But authentic evidence shows that most of the emperors and political elites of every dynasty in Chinese history had been very supportive and dominative to the compilation and popularization of Confucian Analects. Some even took leading roles in promoting the indoctrination of the analects as the training curricula for ritual officials and the Heir Apparent through decrees. As to the background of his disciples, Masayuki Sato believes that “Confucius taught two kinds of students: young aristocrats and the people of the *shi* class. The former would automatically become rulers once they had attained the right age or when their family leader (generally the father, or elder brother) died.....The people called *shi* often came from somewhere in the middle between the hereditary aristocrats and the general populace. A large part of them were presumable the offspring of ‘royal’ family or hereditary aristocrats of Spring and Autumn countries. Although they could not enjoy the prerogatives that the member of the ruling class could, as the successors or hereditary fiefs, the new style of education by Confucians enabled the *shi* to reascend to their individual social position. Successful learners become administrator, in many cases, of local governments.” (Masayuki Sato, 94–95) Even though what Sato mentioned is not true-to-fact because many disciples of Confucius are from very poor grass-root families, such as Zi zhang and Yanhui etc., and Confucius himself advocated no discrimination to all in education, Yet Sato discloses a secret of Confucian

educational purpose. That is, the ideal and supreme goal of education to all lie in the training of suitable personnel for governing and taming the public, at least cultivating good political personalities for those talented. Therefore, it is absurd to deny the political significance of Confucian Analects, because no matter how much one emphasized the ethical connotations, he can never neglect the political value bury in the context and content of the book.

Legacy of political education pedagogy in Confucian Analects

It is not until centuries later that Confucianism won the recognition in both palace and street. It is not until the birth of educational insight of Master Zhu (*zhuxi*) that the pedagogical characteristics of Confucius Analects found and then exalted. Even though the prominent teaching methods of Confucius existed for thousand of years only as practical crafts instead of schools of learning, it is not surprise at all that the pedagogy exhibited in Confucian Analects can pass on till today as the essence of Confucian educational philosophy. To generalize the teaching methods of political education shown throughout the Confucian Analects, I have to mention quite a few of the obvious pedagogical features exemplified by Confucius in his political educations.

The first one is to conduct the theoretical indoctrination through dialogues and conversations. It is not hard at all for readers to find out that the standard unit of Analects either a quotation or a dialogue. The conversational style embodies an interactive pedagogical paradigm created by Confucius and carried out in his teaching of political knowledge, attitude and skills. Prevailed with questions and answers in the course of teaching, the interaction model

was set up as to ease the solemnity of teaching atmosphere and invite student participation. The disciples were able to ask, answer or even argue with the Master, sharing their political ambitions and ideal for governing the country or devoting to one certain political career. In this process, not only the political status quo of states but also the imperial notions were discussed in the “class”, conveying the political knowledge and theory in a non-theoretical but conversational form. Through the dialogues, perfect virtue and good deeds of the overlords were justified and praised, and the ugliness of overlord’s rulings was disclosed and identified through scolding and accusation of their unjustified behaviors, thus helping the disciples understand the true meaning of benevolent governance and good politics. Dialogue is a bridge for minds. The conversations happened in that Master-disciple mode invites an ongoing visit of sagacious minds of Confucius and encourage the disciples to participate as the real players in this active teaching game. The most striking feature of this conversational platform is the seeming equality of both sides in teaching-learning relations. But, I believe the absurdity of this form of equality is a frequent nominal supposition and barely true in pedagogical loops because in most cases, Confucius justified the answers of almost all the questions, serving as the one who’s always seize the “truth” even though he admitted there exists even better masters and teacher for himself. His correction and rectification symbolize his dominant authority in this nominal equal relation.

The second one is the heuristic elicitation with analogical evocation. In the Master-disciple dialogue, Confucius usually raised a question, encourage the disciples to provide with satisfactory answers. Or, when the disciples asked questions, instead of providing direct answers, Confucius answered back with a

retorical question by analogical evocation, designing to encourage the disciples to answer his question on himself. In this way, students will all have to find answer for their questions by analogical support or refute their evidences. This heuristic elicitation with analogical evocation builds the confidence and capability of students. As Hall and Ames suggested, “education as evocation cannot be merely an exercise in drawing out from an individual the same feelings and ideas already housed in the teacher. Evocation means the stimulation of novel responses in the individual to be educated.” (David L. Hall, Roger T. Ames, 302). The advantage of this method is students learn to think independently while the drawback is the diversified opinions may collide with the unified aims of political education. In the case of Confucian Analects, we may well observe that “Confucius adopted a heuristic method of instruction to improve his student’s ability to think independently by encouraging them to draw inferences about other cases from one instance.” (Asiapac Editorial,15) Taking the pedagogy of heuristic evocation in political teaching, students are easily let go to think on their own but not easy to persuade in forming unified political opinions, especially to breed ideas in conformity with same political belief. In the Analects, we may read out the difficulties Confucius encountered when he tried to explain diversified governing ideals. That also explains in some way why Confucius resorted to universalistic moral and supreme ethic conformity to trump the cruelty of practical politics because good politic and benevolent governance exist only in the utopian kingdom of Virtue and under the reign of Sagacious paragon.

The third one is the teaching in accordance with individual aptitude (*yin cai shi jiao*). As a very noticeable trait of effective education, Confucius adopted the flexible way of

individualization in political pedagogy according to his categorization of students. Uncountable examples can be found in the classics on the suiting instruction to student's aptitude. With the adjustment of teaching methods in light of the student's diverse characters and capabilities, Confucius planed his request upon his disciples and supported them to pursue after different political ideal. He advocated in his political education to the disciples in a differential career dreams, as some can be trained to be political sages, some can only be clerks and ordinary officers, even some has to be political hermits. A fine example in the following may explain how he views his students differently as to fit for even the same career in governance.

Chi K'ang Tzu asked, "Is Chung yu good enough to be given office?"

The Master said, "Yu is resolute. What difficulties could there be for him in taking office?"

"is Ssu good enough to be given office?"

"Ssu is a man of understanding. What difficulties could there be for him in taking office?"

"Is Ch'iu good enough to be given office?"

"Chi'iu is accomplished. What difficulties could there be for him in taking office?"(VI.8) (Dim Cheuk Lau,180)

Due to the discernment of aptitudes and talents, Confucius adopted a combination of praising and scolding in passing messages, especially those on governance and politics. An incomplete estimation shows that in Confucius Analects, Confucius had scolded his disciples much less than he praised them, both in the occasions when they gave answers to his

questions, of course in accordance with his estimation upon their performance and aptitude. As to the pedagogical principle of differential teaching, it sounds in general a correct strategy to adjust to individualized aptitudes. But there are still doubts about the misplacement of teaching or training practice upon responses to political education because "it is difficult or impossible to classify individual students into the right professions where they would potentially succeed."(Yi lin, 139) For instance, in the judging of personalities, it might be too hasty and simple to make assertion like "Ch'ai is simple, Shan is dull, Shih is specious, Yu is coarse" (Confucius, 62), as contrast to the complexity and variability of human characters.

Confucius' political philosophy is rooted in his belief that a ruler should learn self-discipline, should govern his subjects by nice means and treat them with love and concern. As he mentioned, "if the people be led by laws, and uniformity among them be sought by punishments, they will try to escape punishment and have no sense of shame. If they are led by virtue, and uniformity sought among them through the practice of ritual propriety, they will possess a sense of shame and come to you of their own accord." (The Analects, 2.3) Therefore, Confucius's pedagogy of political teaching also involves the teaching method of "role modeling" and "reputation ruling". Since Confucius believed that politics is only the extension of morals, provide that the ruler is benevolent to people, the government will naturally work on peaceful and smooth track. To Confucius, the best politics exist in good virtues, setting role models in morality and personality will thus pave the way for governing and politicizing. At the same time, good politics come from good reputations, if a government enjoys good reputation among the general public, people from all over the world may turn

to and accept the governance of his ruling. Among the uncountable consulting from both his disciples and officials, examples are frequently provided to the questioner, in a good way to convey his interpretations of good politic and good government. In some way, the exemplification also features the educational techniques of Confucius in all his teaching practices relating to political affairs.

As aforementioned, in the broad sense, the political education of Confucius refers to the educational and pedagogical activities of Confucius on spreading his political ideals and ideas on ruling and governing. Confucius himself, unlucky as not being able to be accepted by many states as appointed senior officials, therefore unable to carry out his understanding of politics and his pedagogical practice in an institutionalized education system. I assume that this failure come largely from his presumptive ideal of morality domination instead of putting forward practical political strategies. It is no doubt that the pedagogy of political education in Confucian Analects can also be interpreted in many different ways, in accordance to diversified scholastic perspectives. However, the above mentioned enlightening method of dialogue may feature Confucius's contribution to educational methodologies, in ideological and political indoctrinations. In fact, most of the aforementioned pedagogy of political education highlights the outstanding creations of Confucius through educational practice. In my opinion, the dialogue-teaching is similar to Socratic Method of "teaching by asking instead of telling" (even though there indeed involves telling, but mostly in an analogical evocation form). This is a method a primitive pedagogy instead of "advanced methodology" even though it involves interactions between all parties in educational relations. It symbolizes the tentative effort in pedagogical formats with an easy access

and casual organization. This inadequacy of institutionalization in conducting dialogue teaching is by no means the most democratic way of teaching because of the hidden subjectivity of the Master. As Wei-Ming Tu once explained, "dialogue is used to show Confucius in thought and action, not as isolated individual, but as a center of relationships. Actually the saying of the Analects reveals the inner person of Confucius-his ambitions, his fears, his joys, his commitments, and above all, his self-image."(Walter H. Slote, George A. De Vos, 10) The answering and replying between the masters and students and even the group discussion among the learner, though taking the form of an equalized partnership in "role play" model, but represents only the formalized and normative relations in educational rounds. Argumentative explanation and oral defense will finally turn to the arbitration of the Master, who in that educational relation, represent the truth teller. Therefore, the so-named "equality" in the pedagogy of political education, even though can be taken as legacy for modern teaching, modeled by modern education, but by no means the unbeatable master of present equalities and democracies in modern education.

Prospect of Confucian political education and its pedagogy in China

Confucian Analects is a miracle in human culture. Some people believes that no other book in the entire history has exerted a greater influence on a larger number of people over a long period of time than this slim volume. Timothy G. Reagan even claimed that "the closet analogy that one could draw to the role of the Analects in the Western tradition would probably be the role of the Bible.The Analects, in short, have played a comparable role in Chinese culture." (Timothy G. Reagan, 139) Patricia Ebrey also believes that Confucian Analects has

significant meaning to Chinese psychology, both in social-political perspective and in cultural paradigm. He asserted that “it influenced the value and habits of thought of Chinese for centuries.” (Patricia Ebrey, 17) In fact, even up to now, it is impossible to discuss the Chinese educational thoughts without repeatedly reference to Confucian Analects. But in the past century, Confucius and his Confucianism tumbled their ways in history, trying to survive the drastic changes in social-economic and political cultures. There existed seemingly two extremist attitudes upon Confucianism and its pedagogy on political education in the year of changes: one is the excessive exalting and the other is the excessive degrading of Confucian cultures. As a result of ideological manipulations, Confucianism was associated with the feudal tyranny and the Confucian doctrines became synonymous with obscurantism and oppression when revolutionary was putting on in stage. During the changing years, the staunchly anti-Confucian movement turns the pro-Confucian legacy upside down.

History always repeats itself in some similar ways as it goes by. The pedagogy of political education in Confucian Analects, even though enriched by the subsequent Confucianism scholars but firstly highlight the origin and mainstream of political teaching approach in Confucianism, toddles its way in a long running of years and days along with the fluctuating fate of Confucian philosophy. It is true that some people claim Confucian Analects belong to the past and present, with past in the sense of chronological years and present of the essence of its educational and pedagogical significance. In recent years, some Chinese scholars and researchers put forward a proposal to invite Confucianism back to the ruling doctrine of the country, demanding the urgent adaptation of Confucian classics to classroom pedagogical

curriculum. Some claimed that Confucius has created the most advanced teaching pedagogy in Chinese history, second to none in Chinese educational history. I'm not against the proposal of adopting Confucianism curricula. But to me, it's always an absurdity when someone overstates that Confucius conducted his teaching of politics in a way more modern than the pedagogy of present education.

Political education is still a necessary dose for today's politics in the world, no matter in what form, what kind of attention it receives, or how it struggles its way under changing circumstances. As in China today, the transforming society is crying for renovating legacies in political education. But it is known that for the past century, political education in China has been following a Marxist approach clearly different from the traditional political education which rooted in China for thousand of years. Will the Confucian political education and mainstream pedagogy reflected in Confucian Analects survive in a battling world of renovation and restoration? What is the dilemma and what are the favorable elements for this seemingly old-fashioned approach of teaching in presence while adopting Confucian pedagogy in present political education? I believe the biggest battle for Confucian political education and its pedagogy surviving in China now is the combat of cultural collisions, especially the political culture interior and exterior of one ethnic type, inside and outside of one nation. Even though cultural wars can be so confusing in disguised miscellaneous forms, it can always be reduced to the agreement and concord of morality and political. To simplify and narrow down the question, one may find the problem arises from the fact of whether harmony can be kept or not between the Confucian political education as cultural legacy and the transiting socialist political socialization.

It is known that politics is not merely politics but a combination of political personality and ethic practice. Political education, therefore, will have to bear the spiritual incarnation of wakened political awareness as a principle to any applicable teaching skills. Therefore, any pedagogy of political teaching will observe, intentionally or unintentionally, the social-political and ethical principles. Gert J. Hofstede believes that Confucian teaching abides by four principles, as of the following: One, the stability of society is based on unequal relationships between people. Two, the family is the prototype of all social organizations. Three, virtuous behavior towards other consists of not treating others as one would not like to be treated oneself. Four, virtue with regard to one's tasks in life consists of trying to acquire skills and education, working hard, not spending more than necessary, being patient, and persevering. (Hofstede, 208-209) These principles testify the Confucian belief of pursuing ethic excellence and cultivating moral fibers may surpass thus exalt political practice. Evidence can also be found in the story that when someone addressed Confucius, saying "Sir, why are you not engaged in the government?" Confucius then answered "What does the Shu-ching say of filial piety? You are final, you discharge your brotherly duties. These qualities are displayed in government. This then also constitutes the exercise of government. Why must there be THAT-making one be in the

government?" (Confucius, 16) It is no doubt that Confucius himself exaggerated the function of morality compared to his emphasis on the fulfillment of politics. But it is also fair enough to say that morality may live beyond politics in spiritual life yet sojourn it in secular world.

Pedagogy is the externalized product by apply in practice the educational principles. As also the art of deployment of educational psychologies and cultures, the pedagogy finalize its restaging and reconstructing by the essence and vitality it adapts to the educational needs, justified by the status quo social requests. The Confucian political education pedagogy, highlighted in Analects in the form of dialogue, including conversations, questions and answers between Confucius, his students and others, reflected the pristine educational performance and social requests. But as Sor-hoon Tan has asserted, the dialogue pedagogy is a record "of social inquiries in which everybody participates according to their abilities rather than one-directional transmission of knowledge, as witnessed in the reciprocity between learning and teaching... Though not always practiced with equal effectiveness, this method of acquiring knowledge persists as an ideal throughout the long history of Confucian domination of education in China." (Sor-hoon Tan, 97) If the aforementioned battle is going on today, then this Confucian pedagogy of political education will speak loud if real educational democracy and equality is needed tomorrow.

NOTES:

1. **Confucius**, *The Analects (Lun Yu)*, translated by Dim Cheuk Lau, Penguin Group (1979).
2. **Confucius**, *The Analects*, by William Edward Soothill, Dover Publications, inc. (1999).
3. **Confucius**, *The Analects*, 1st World Library-Literary Society (2004).
4. **Confucius**, *The Analects of Confucius*, Biblio Bazaar, LLC. (2008)
5. **John Henry Barrows**, *The World's Parliament of Religions*, Chicago: The Parliament Publishing Company (1893).

6. **Lionel Giles**, *The Sayings of Confucius: a New Translation of the Greater Part of the Confucian Analects*, New York; E.P.Dutton and Company (1910).
7. **David L. Hall and Roger T. Ames**, *Thinking Through Confucius*, Albany: State University of New York Press (1987).
- 8 **Daniel A Bell**, *Beyond Liberal Democracy: Political Thinking for an East Asian Context*, New Jersey: Princeton University Press (2006).
9. **Patricia Ebrey(ed.)**, *Chinese Civilization*, New York: The Free Press(1993).
10. **Masayuki Sato**, *The Confucian Quest for Order: the Origin and Formation of the Political of the Political thought of Xun zi*, Koninklijke Brill NV, leiden, The Netherlands: (2003).
11. **Wei-Ming Tu**, *Confucius and Confucianism*, Walter H. Slote and George A. De vos(ed.), *Confucianism and the Family*, Albany; State University of New York Press (1998).
12. **Timothy G. Reagan**, *Non-Western Educational traditions: Indigenous Approaches to Educational Thought and Practice*, third edition, New Jersey:Lawrence Erlbaum Associates, Inc.(2005).
13. **Geert Hofstede and Gert Jan Hofstede**, *Cultures and Organizations: Software of The Mind*, USA: Geert Hofstede BV.(2005).
14. **Daniel A Bell (ed)**, *Confucian Political ethic*, New Jersey: Princeton University Press(2008).
15. **Yi Lin**, *Grey Information: Theory and Practical Applications*, Springer-verlag London Limited (2006).
16. **Sor-hoon Tan**, *Confucian democracy; a Deweyan reconstruction*, Albany: State University of New York Press (2003).

© Yu Wen Li

UDC 101

PEDAGOGY OF POLITICAL EDUCATION IN CONFUCIAN ANALECTS: A CRITICAL PERSPECTIVE

Yu Wen Li (Pekin, P. R. China)

Judging both from its content and context, Confucian Analects is a book of political education. Due to Confucius's outstanding creation and contribution, the pedagogy of political education reflected in Confucian Analects highlights the features of dialogue-teaching, heuristic elicitation with analogical evocation, teaching in accordance with individual aptitude. Surviving the morality-politics battle, the prospect of Confucian pedagogy of political education will be justified by both educational and social needs.

Keywords: political education, pedagogy, pedagogy of political education, dialogue-teaching, morality.

REFERENCES

1. **Confucius**, *The Analects (Lun Yu)*, translated by Dim Cheuk Lau, Penguin Group (1979).
2. **Confucius**, *The Analects*, by William Edward Soothill, Dover Publications, inc. (1999).
3. **Confucius**, *The Analects*, 1st World Library-Literary Society (2004).
4. **Confucius**, *The Analects of Confucius*, Biblio Bazaar, LLC.(2008)
5. **John Henry Barrows**, *The World's Parliament of Religions*, Chicago: The Parliament Publishing Company(1893).
6. **Lionel Giles**, *The Sayings of Confucius: a New Translation of the Greater Part of the Confucian Analects*, New York; E.P.Dutton and Company (1910).
7. **David L. Hall and Roger T. Ames**, *Thinking Through Confucius*, Albany: State University of New York Press (1987).
- 8 **Daniel A Bell**, *Beyond Liberal Democracy: Political Thinking for an East Asian Context*, New Jersey: Princeton University Press (2006).
9. **Patricia Ebrey(ed.)**, *Chinese Civilization*, New York: The Free Press(1993).
10. **Masayuki Sato**, *The Confucian Quest for Order: the Origin and Formation of the Political of the Political thought of Xun zi*, Koninklijke Brill NV, leiden, The Netherlands: (2003).
11. **Wei-Ming Tu**, *Confucius and Confucianism*, Walter H. Slote and George A. De vos(ed.), *Confucianism and the Family*, Albany; State University of New York Press (1998).
12. **Timothy G. Reagan**, *Non-Western Educational traditions: Indigenous Approaches to Educational Thought and Practice*, third edition, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.(2005).
13. **Geert Hofstede and Gert Jan Hofstede**, *Cultures and Organizations: Software of The Mind*, USA: Geert Hofstede BV (2005).
14. **Daniel A Bell (ed)**, *Confucian Political ethic*, New Jersey: Princeton University Press(2008).
15. **Yi Lin**, *Grey Information: Theory and Practical Applications*, Springer-verlag London Limited (2006).

16. **Sor-hoon Tan**, *Confucian democracy; a Deweyan reconstruction*, Albany: State University of New York Press (2003).

Yu Wen Li – Professor of Educational Philosophy, Director of Center for political education, School of Marxism, Peking University, Assistant dean of Institute of Social Economy and Culture, Peking University.

E-mail: ywl1972@126.com

© В. А. Мищенко

УДК 316

СМИ: ТРАНСЛИРУЯ СИМВОЛЫ

В. А. Мищенко (Москва, Россия)

В статье представлено авторское осмысление проблем кризиса индивидуальной идентичности. Отмечается, что формирование идентичности напрямую связано с символическим опытом, который включает сферу наших представлений, ценностей, традиций, норм поведения, самих форм коммуникации. Важнейшей частью формирования и воспроизводства индивидуальной, а также коллективной идентичности, как общности людей, нации, государства являются национальные, государственные, региональные и т.д. символы, а также любые символические формы, транслируемые в процессе коммуникации.

Ключевые слова: *формирование идентичности, формы коммуникации, средства массовой информации, национальная самобытность, система ценностей.*

Кризис идентичности свойственен нашему времени. Причины этого кризиса отчасти аналогичны причинам кризисов индивидуальной идентичности. Здесь можно назвать отрицание символов, распад коллективной памяти, представленной традициями, утрату веры в общее будущее, прерывность в истории, несоответствие между представлением культуры о самой себе и её образами в других культурах, чувство неполноценности относительно более совершенной культуры и т.д.

Символы и социум

Формирование идентичности напрямую связано с символическим опытом, который включает сферу наших представлений, ценностей, традиций, норм поведения, самих

форм коммуникации. Именно система тех или иных символических представлений или предпочтений является тем, чем мы руководствуемся в нашей повседневной жизни, а значит, эти символические представления формируют общество как сообщество граждан. Поэтому в современном обществе ряд важнейших социальных проблем имеет социокультурное измерение, что напрямую можно отнести и к проблеме идентичности. Важнейшей частью формирования и воспроизводства индивидуальной, а также коллективной идентичности, как общности людей, нации, государства являются национальные, государственные, региональные и т.д. символы, а также любые символические формы, транслируемые в процессе коммуникации.

Мищенко Владимир Анатольевич – Вице-президент, исполнительный директор, Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы.

E-mail: mischenko@fap.ru

В определенном смысле символ может не отсылать к своему содержанию, а порождать смысл, взаимодействуя с контекстом, тогда получается своеобразная сеть, где смысл складывается из подвижных взаимозаменяемых частей. Часто коммуникация в масс-медиа и выстраивается подобным образом, являясь результатом сопоставления цитат и монтажа.

Визуальный аспект

Средства массовой информации претерпели в XX в. глобальные изменения, что привело к увеличению их роли и воздействия на современное общество, человечество вступило в эпоху информации. Усиление влияния СМИ на общество и на институты власти сформировало понятие СМИ как четвёртой власти. Это развитие информационных технологий приводит к тому, что меняется природа производства и распространения информации, коммуникация из вербальной, опирающейся на слово, становится визуальной, где основным является визуальный символ. Из последовательного повествования информация трансформируется к нелинейности и фрагментарности восприятия визуальных знаков. Особенность визуальных средств массовой информации (телевидение, Интернет, реклама) связана с тем, что визуальная система коммуникации оказывает более сильное воздействие на сознание человека, чем речь или письмо. Вербальная система коммуникации, являясь временной формой коммуникации, т.е. длящейся во времени, предполагает интерпретацию ее слушателем. Визуальная форма коммуникации (зрительные образы), более непосредственно воздействует на сознание. Таким образом, зрительные образы попадают в сознание, в основном, минуя анализ. С этим

связано широкое использование визуальной символики в средствах массовой информации, пиар-технологиях, рекламе. В то же время визуальные символы оказываются более трудно поддающимися исследованию, так как их воздействие больше затрагивает сферу иррационального, эмоции человека, чем обращается к его разуму. Влияние визуальных символов на сознание во многом подобно гипнозу, неслучайно существуют методики кодирования с помощью визуальных символов. Это свойство визуальной символики дает большой простор для манипулирования сознанием. На это обращают внимание многие исследователи, которые считают, что проблема, связанная с переходом на зрительный канал получения информации, произвела переворот в сути коммуникации. Если вербальный текст предполагает осмысление изложенных в нем идей, то видеообразы, создаваемые телевидением, воздействуют на сознание людей самым своим видом, помимо рефлексии. Таким образом, борьба идей в средствах массовой информации превращается в борьбу образов, имиджей. Происходит смена языка в публичной политике, имидж стал господствовать над речью.

Реальность, выстраиваемая телевидением, является результатом деятельности людей, это глобальное пространство-время, становящееся общемировым. Неважно когда произошло то или иное событие, и каким оно было на самом деле, главное – когда и как оно было показано. Противоречие между «действительным фактом» и его медийным «представлением» приводит к тому, что человек часто оказывается перед лицом ложного знания. Меняется сама система структурирования общества, происходит

процесс децентрализации, переход к сетевой модели общества. Если раньше гражданское общество представляло собой группу интеллектуалов, которые были сознательными гражданами, читавшими газеты и обсуждавшими политические проблемы, то в современную демократическую эпоху в формировании общественного мнения участвуют практически все граждане, которые образуют бесчисленное множество различных групп, сформированных, в том числе, и посредством СМИ.

Оформители представлений

В настоящее время говорить об общественности как о целостном феномене невозможно, она распадается на множество частей. С политической точки зрения важно, что изменения, произошедшие в сфере коммуникации, превратили публичную политику в медиа-процесс, что, в свою очередь, привело к изменению места коммуникации в политическом процессе. СМИ из средства коммуникации становятся целью, формируя новую общественную среду, претендуя на монополизацию циркуляции информации в обществе, на особую роль как системы, регулирующей поведение человека.

Главная задача нового общества – освобождение коммуникационных сил, которому способствует сам процесс коммуникации. Собственно, новые СМИ должны были стать таким средством эмансипации общества, обеспечивающим равный доступ к информации всем слоям населения. Человек определяется информацией, которой он владеет, а социальная жизнь превращается в информационную. Но остается вопрос о том, кто владеет или осуществляет контроль над СМИ, кто формирует эту информационную

среду. В этом смысле феномен коммуникации, осуществляемый посредством СМИ, необходимо трактовать с политической точки зрения.

Средства массовой информации обладают особым статусом оформителя представлений социального субъекта относительно политики, он получает из них не только информацию о политических областях, но и возможность убедиться в согласованности своих собственных суждений с ценностями и нормами общества. В процессе передачи политической информации могут воспроизводиться нормы, ценности, модели поведения, как принятые в данном обществе, так и навязываемые коммуникатором. В то же время в процессе коммуникации возможно создание новых ценностей, смыслов, моделей поведения. Современные информационные технологии позволяют одну и ту же информацию представлять таким образом, что она может вызвать как положительные, так и отрицательные эмоции, привести к нарушениям нормального психологического состояния людей, на которых направлено данное информационное воздействие. В этом смысле СМИ несут ответственность перед обществом. Опасность, связанная с глобализацией информационных технологий позволяет некоторым авторам говорить об «информационном неокOLONIALИЗМЕ», который разрушает традиционные ценности локальных цивилизаций, заменяя их ценностями присущими технологически развитым странам.

СМИ выполняют функцию символической репрезентации, как в отношении власти, так и в отношении к публике: те или иные источники информации выступают в качестве знака идентификации, принадлежности к той или иной партии или

группе. Для политических элит большое значение имеет контроль над информационными потоками. В основном выделяют несколько функций СМИ в обществе: информационная, регулятивная, идентификационная, социализирующая, мобилизационная, ориентационная, манипулятивная. Здесь возникает проблема выстраивания отношений власти, общества и СМИ. Только построение равноправных партнерских отношений, возможное при взаимной заинтересованности власти, общества и СМИ, может способствовать ослаблению манипуляций и выстраиванию более адекватной символической политики формирующей идентичность, как на государственном, так и на региональном уровнях.

Замещающая и трансформирующая

Проблема идентификации в СМИ оказывается связанной с символической политикой. Символическую политику можно определить как «особый род политической коммуникации, нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов; сознательное использование эстетически-символических ресурсов власти для ее легитимации и упрочнения посредством создания символических «эрзацев» (суррогатов) политических действий и решений». Участие в политической жизни общества может быть непосредственным или опосредованным, под которым понимается получение информационных сведений о политике. С помощью символических форм человек осмысливает политический мир в его конкретных проявлениях. Политик может

воздействовать в рамках определенной идеологии на символическую картину, формируя у людей ту или иную политическую картину. Лидер партии также является своеобразным символом этой партии, а партии являются символом социальных групп. При этом у власти всегда присутствует стремление сформировать такую символическую модель, которая позволила бы скрыть истинный смысл тех или иных процессов. При помощи символов осуществляется воздействие на наиболее проблемные зоны общественного сознания, чтобы вызвать тревогу, страх, ненависть и т.д. Основная цель этого – поддержание легитимности власти в глазах населения или создание видимости этого. Мир политики – мир символического замещения социальной реальности.

Роль средств массовой информации, как и других каналов коммуникации, реализующих и транслирующих символическую составляющую социальной жизни, оказывается, таким образом, важным фактором в формировании символической системы ценностей, представлений, норм и т. д., а, следовательно, и в формировании идентичности. Здесь возникает проблема использования средств масс-медиа. В том случае, если СМИ используются только властью, это приводит к одностороннему дискурсу и возможности манипулирования массовым сознанием. В условиях кризиса идентичности в современном сегментированном обществе востребованной является культурно-символическая политика. Поиск ключевых объединяющих символов – актуальнейшая задача настоящего времени.

© V. A. Mishchenko

UDC 316

MASS-MEDIA: BROADCASTING SYMBOLS*V. A. Mishchenko (Moscow, Russia)*

In the article the author analyze the problems of crisis of individual identity is presented. The author emphasize, that formation of identity directly is connected with symbolical experience which includes sphere of our representations, values, traditions, norms of behaviour, forms of the communications. The major part of formation and reproduction individual, and also collective identity as a generality of people, the nation, the states are national, state, regional, etc. symbols, and also any symbolical forms broadcast during the communications.

Keywords: *formation of identity, the form of the communications, mass media, national originality, system of values.*

Mishchenko Vladimir Anatolevich – Vice-president, executive director of Fund of Andrey Pervozvannyi and the Center of National Glory.

E-mail: mischenko@fap.ru

www.vestnik.nspu.ru

НАУКИ О ЗЕМЛЕ
ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ
И ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

© Н. Н. Пономарева

УДК 911 + 314 + 316.3/4

ПРОЦЕСС ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ: СУЩНОСТЬ, ОСОБЕННОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЯ В СТРАНАХ МИРА

Н. Н. Пономарева (Новосибирск, Россия)

В статье анализируется процесс старения населения. Цель статьи – показать старение населения как общемировую тенденцию демографического развития. Отмечается, что процесс старения населения идет двумя путями: как «сверху», так и «снизу». Раскрываются основные факторы, обусловившие этот процесс. Дается сравнительная характеристика старения населения в экономически развитых и развивающихся странах. Характеризуются демографические и социально-экономические последствия этого процесса.

Ключевые слова: старение населения, медианный возраст, степень демографической старости, коэффициент поддержки пожилых, пенсионный возраст.

Старение населения считают феноменом XX в., хотя этот процесс начал проявляться еще в XIX и неуклонно продолжается в XXI в., затрагивая уже не только экономически развитые, но и развивающиеся страны.

Экономически развитые страны еще с XX в. характеризуются очень высоким уровнем демографической старости. За последние десятилетия этот процесс стал глобальным явлением и приобрел огромные масштабы. Если в 1950 г. численность пожилого населения в мире составляла 205 млн. чел., в 2000 г. – уже 600 млн чел., что в 3 раза больше, то к 2050 г. она вновь утроится за 50 лет и составит 2 млрд. человек. В мировом масштабе темпы роста численности

пожилого населения составляют 2,6 % в год, то есть значительно опережают темпы роста населения в целом, которые оцениваются в 1,1 % в год. Ожидается, что до середины XXI в. численность пожилого населения по-прежнему будет расти опережающими темпами по сравнению с другими возрастными группами. По прогнозу в 2047 г. число пожилых людей в мире превысит число детей [5].

О нарастании демографического старения населения мира свидетельствует и увеличение медианного возраста, который делит население пополам. Если в 1950 г. медианный возраст населения мира не достигал 24 лет (т.е. половину человечества составляли люди моложе 24 лет, а другую половину – 24 года и

Пономарева Надежда Николаевна – кандидат географических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической географии и регионоведения Института естественных и социально-экономических наук, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: econgeo@inbox.ru

старше), то в 2012 г. он составил около 30 лет, к 2050 г. он поднимется до 38 лет, а к концу века (2100 г.) – до 42 лет [6].

Все это свидетельствует о том, что старение населения носит масштабный и долгосрочный характер.

Под старением населения понимают увеличение численности пожилого населения (60 лет и старше) и уменьшение числа детей (от 0 до 14 лет включительно) в общей численности населения страны.

Старение населения является результатом длительных демографических изменений, сдвигов в характере воспроизводства населения, в рождаемости и смертности и их соотношений, а также, частично, миграции.

Различают два типа старения населения:

1) старение «снизу», которое происходит из-за постоянного сокращения численности детей вследствие снижения рождаемости;

2) старение «сверху», что вызвано увеличением числа пожилых и старых людей¹ из-за сокращения смертности в старших возрастах и увеличением средней продолжительности предстоящей жизни.

Отчасти на возрастную структуру населения влияет миграция. Уезжают обычно молодые, а остаются старики. В результате в местах прибытия население «молодеет», а в местах убытия – «стареет».

И все же старение населения преимущественно связано не с миграциями, а с характером воспроизводства населения и увеличением средней ожидаемой продолжительности жизни.

Отсюда можно выделить две группы факторов, влияющих на процесс старения населения.

Факторы, влияющие на процесс старения «снизу»

К ним относится рождаемость, которая может быть выражена, прежде всего, через общий и суммарный коэффициенты рождаемости.

Среднемировой общий коэффициент рождаемости составляет 20 ‰ (2013 г.). В экономически развитых и развивающихся странах он существенно различается, составляя соответственно 11 ‰ и 22 ‰. Высокая рождаемость в развивающихся странах объясняется экономической потребностью в многодетности в условиях преобладания аграрной экономики с ручным трудом, где семья нуждается в большом количестве рабочих рук, где отсутствует пенсионное обеспечение и дети содержат престарелых родителей. В развивающихся странах более молодая возрастная структура населения, что также является одной из причин, объясняющей более высокую рождаемость.

При этом прослеживается закономерность – снижение рождаемости в мире (с 1950–1955 гг. коэффициент рождаемости сократился с 37,5 ‰). Причем в XX в. снижение рождаемости в экономически развитых странах шло быстрее, чем в развивающихся. За последние десятилетия картина изменилась и в настоящее время именно в развивающихся странах наблюдается снижение коэффициента рождаемости, в то время как в экономически развитых государствах он практически стабилизировался.

Отражением процесса старения населения «снизу» является и суммарный коэффициент рождаемости (количество

¹ В настоящее время в ООН принята следующая возрастная классификация старших поколений: человека в возрасте 60-74 года следует считать пожилым, с 75 лет – старым, а с 90 лет – долгожителем.

детей, которое рождает в среднем одна женщина за фертильный период – 15–49 лет включительно). Для простого замещения поколений суммарный коэффициент рождаемости должен быть не менее 2,15.

Снижение суммарного коэффициента рождаемости является общемировой тенденцией. В первой половине 60-х годов XX века он был равен 4,95 рождений на одну женщину, т.е. находился на высоком уровне (выше 4), к 2013 г. он снизился до 2,5, обеспечивая лишь простое воспроизводство поколений. Этот показатель снижается как в развитых, так и в развивающихся странах. Но в развитых он давно уже не обеспечивает простого воспроизводства населения (в 2013 г. – 1,6) в отличие от развивающихся государств (в 2013 г. – 2,6).

Факторы, влияющие на процесс старения «сверху».

К ним относится смертность и средняя ожидаемая продолжительность жизни.

Основным показателем уровня смертности является общий коэффициент смертности. Он также неуклонно снижается. По миру этот коэффициент в 2013 г. составил 8‰ вместо 19,5‰ в 1950–1955 гг. В развитых и развивающихся он не сильно различается. Как не парадоксально, в экономически развитых странах он выше (10‰), чем в развивающихся странах (7‰). Хотя этот показатель находится в обратной пропорциональной зависимости от уровня благосостояния, здравоохранения, профилактики заболеваний, условий труда и быта, политической стабильности и т.д. Однако более высокий показатель смертности в экономически развитых странах объясняется большей долей лиц пенсионного и предпенсионного возрастов, у которых смертность выше по естественным причинам. В развивающихся странах относительно

низкого показателя смертности удалось достичь, прежде всего, за счет массовой вакцинации населения от инфекционных заболеваний, хотя в отдельных беднейших странах и регионах этот показатель остается на очень высоком уровне – 16–18‰: Ботсвана, Сьерра-Леоне, ЦАР, ДРК, Лесото [4].

Постарение населения связано также с увеличением средней ожидаемой продолжительности жизни, которая растет с повышением благосостояния населения, по мере роста уровня развития производительных сил, с развитием здравоохранения.

Тенденция к повышению хорошо прослеживается в общемировых показателях. Если в начале XX века она составляла 35 лет, в середине века – 50 лет, в 2000 г. – 64 года, то в 2013 г. – 70 лет, т.е. с начала XX века увеличилась в 2 раза. По развитым и развивающимся странам показатели средней ожидаемой продолжительности жизни сильно различаются – примерно на 10 лет (соответственно 78 и 69 лет). Но в развивающихся странах прирост средней ожидаемой продолжительности жизни идет быстрее, чем в экономически развитых. Так, с 2000 по 2013 гг. в экономически развитых странах продолжительность жизни увеличилась на 2 года (с 76 до 78 лет), в то время как в развивающихся странах на 5 лет (с 64 до 69 лет), в наименее развитых странах – на 10 лет (с 51 до 61 года). В итоге, как в развитых, так и развивающихся странах с каждым годом численность пожилого населения становится все больше.

Таким образом, старение населения – это общемировой процесс, который идет как «снизу», так и «сверху». Но более динамично этот процесс в последние десятилетия наблюдается в развивающихся странах, хотя

эти страны характеризуются еще относительной демографической молодостью благодаря высокой доле детей (29%, 2013 г.) и невысокой доле пожилых людей (6%, 65 лет и старше, 2013 г.), сохраняющейся высокой рождаемости и невысокой продолжительности жизни. В то время как экономически развитые страны давно уже переступили порог демографической старости, достигнув очень высокого его уровня. Но по прогнозам за 50 лет XXI века наиболее значительным и быстрым увеличением пожилого населения будут характеризоваться именно развивающиеся страны, где его численность увеличится в 4 раза [2, с. 2].

Для оценки степени демографической старости населения, как правило, используют два показателя – удельный вес населения в возрасте 60 лет и старше (по широко распространенной шкале Ж. Божё-Гарнье и Э. Россета) или 65 лет и старше (по критериям ООН²) в общей численности населения.

В итоге доля пожилого населения (60 лет и старше) в мире неуклонно растет. Если в 1950 г. она составляла 8%, в 2000 г. – 10%, то к 2050 г., по прогнозам, достигнет 21%. Каждый пятый в мире будет относиться к пожилым людям. А доля детей с 2000 по 2050 гг. снизится на одну треть – с 30 до 21% [2, с. 8-9]. В свою очередь пожилое население тоже стареет. Самой быстрорастущей возрастной группой пожилого населения являются лица 80 лет и старше. Если в 2000 г. их было 70 млн чел., то за 50 лет их число увеличится более чем в 5 раз. Их численность ежегодно растет на 3,9%. Ожидается, что к 2050 г. из каждых

10 пожилых людей примерно двое будут старше 80 лет [2, с. 9; 5].

В экономически развитых странах доля пожилого населения уже составляет 20%, а по прогнозу к 2050 г. поднимется до 32% [6]. Причем с 1998 г. доля пожилого населения в этой группе стран уже превосходит долю детей. А к 2050 г. в некоторых развитых странах число пожилых людей будет превышать число детей более чем в 2 раза [2].

Наиболее высоким уровнем демографической старости характеризуются страны Западной Европы (в Италии и Германии удельный вес населения 60 лет и старше в 2012 г. составил 27%, в Финляндии – 26%, в Греции и Швеции – 25%) и Японии (32%) [6]. Их население относится к интенсивно стареющим нациям. Так, во втором десятилетии XXI века доля стариков в странах Западной Европы достигнет пика, ибо в пожилой возраст вступят поколения, родившиеся в период последнего «бэби-бума» (1946-1964 гг.)

Причины старения населения в странах Западной Европы, с одной стороны, связаны со спадом рождаемости и уменьшением доли детей и молодежи, а с другой – с ростом продолжительности жизни, которая превысила 81 год (2013 г.).

Еще одной интенсивно стареющей страной является Япония. Старение населения в Японии идет гораздо быстрее, чем в других странах. Доля пожилых (60 лет и старше) в общей численности населения составила в 2000 г. 23,2%, а в 2012 г. – уже 32% (рост составил почти 138%). Более того, с 2011 г. в Японии наблюдается демографический кризис (-2%, 2013 г.). Численность населения сокращается, при этом резко старея. Даже в тех странах Западной Европы, где также идет демографический кризис, процесс старения

² Демографами ООН построена трехступенчатая шкала: ниже 4% – молодое население, 4-7% – население на пороге старости, 7% и выше – старое население [3, с. 113].

населения не столь интенсивен, как в Японии, благодаря иммиграции иностранной рабочей силы. Япония же имеет более строгие иммиграционные законы (даже дети, родившиеся в Японии от родителей иностранцев, не могут так просто получить японского гражданства, а также брак с гражданином или гражданкой Японии гражданства не обеспечивает) и принимает иностранцев гораздо меньше, чем другая экономически развитая страна. Отсюда ни одна из стран мира не «седеет» так быстро, как Япония и старых людей в ней значительно больше, чем молодых. К 2050 г. доля пожилого населения (60 лет и старше) возрастет до 41%.

К странам с умеренно стареющим населением можно отнести США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию, где доля пожилого населения (65 лет и старше) уже достаточно высока и составляет 14–15% (2013 г.), но она все же меньше, чем во многих странах Европы и Японии. И доля детей в этих странах еще превышает долю лиц 65 лет и старше в отличие от стран Западной Европы и Японии.

В последнее время все ярче процесс старения населения стал проявляться в России, что связано с наблюдающимся демографическим кризисом в стране. В России в 2010 г. доля пожилого населения составила 12,88% (13%, 2013 г.), т.е. каждый восьмой житель находится в возрасте не менее 65 лет. В соответствие с этим показателем население России согласно критериям ООН можно назвать старым. Но, тем не менее, Россию пока еще нельзя отнести к числу самых «старых» стран, она по этому показателю уступает многим странам мира. Однако процесс старения населения как и в других странах мира постепенно прогрессирует.

Старение населения имеет серьезные демографические и социально-экономические последствия. На изменение демографической ситуации в стране процесс старения населения влияет не на прямую, а опосредованно через возрастную структуру населения. Увеличение доли лиц пожилого возраста и уменьшение доли лиц молодого возраста сказывается на снижении рождаемости, увеличении смертности по естественным причинам, а значит на уменьшении величины естественного прироста, замедлении динамики роста численности населения, а то и наступлении демографического кризиса, т.е. естественной убыли населения.

В экономической сфере старение населения ведет к постарению рабочей силы, т.е. увеличению в ней доли лиц старше 45 лет. Пожилые люди могут сохранять трудовую активность до 80 лет, а после этого возраста она практически прекращается. Трудовая активность высока у мужчин и женщин в первые пять лет после выхода на пенсию, а затем она резко сокращается. Поэтому со старением населения не только повышается доля лиц старших возрастов в рабочей силе, но и встает проблема нехватки трудовых ресурсов.

Постарение рабочей силы влияет и на ее производительность, а значит на экономический рост и развитие. С одной стороны, в связи с увеличением стажа работы растут трудовые навыки, опытность и квалификация – это положительно сказывается в традиционных отраслях экономики. Но с другой стороны, в перспективных отраслях экономики, опирающихся на информационные ресурсы, большое значение приобретают новые знания, умения адаптироваться к изменяющимся технико-технологическим

условиям; нужны, безусловно, молодые люди: они более мобильны в образовательном, профессиональном и территориальном плане. С возрастом снижается предпринимательская активность населения. Например, по данным исследования всемирной организации Global Entrepreneurship Monitor, проведенного в 53 странах в 2007 г., открытие новых компаний в странах с высоким уровнем доходов приходится в основном на молодежь. 40% всех «новых предпринимателей» (т.е. собственников компаний, основанных до 3,5 лет назад), участвующих в опросе моложе 35 лет, а 69% – не старше 45 лет. Лишь 9% опрошенных оказались в возрасте 55 лет и старше [1].

С постарением населения встает проблема пенсионного обеспечения пожилого населения. Жизнеспособность пенсионных систем зависит от соотношения между числом платящих в них взносы и числом получающих пенсии. В долгосрочной перспективе значение этого показателя существенно ухудшится, т.к. нагрузка на работающую часть населения большинства стран мира заметно возрастет и подчас до непосильных размеров. Об этом свидетельствует такой показатель, как коэффициент поддержки пожилых – это отношение числа лиц в возрасте от 15 до 64 лет к числу лиц в возрасте 65 лет и старше. Он показывает количество трудоспособного населения, приходящееся на одного пожилого человека.

Страны мира сильно различаются по этому показателю. Если общемировой показатель на 2010 г. составлял 9, то в развивающихся странах он был достаточно высоким и равен 11, что говорит еще о демографической молодости населения, в то время как в экономически развитых странах он

составлял всего 4. Германия, Италия и Япония как самые «старые» страны имели минимальный показатель – 3. Максимальный показатель наблюдался в странах Персидского залива в ОАЭ – 79, Катаре – 78 [4].

Коэффициент поддержки пожилых по прогнозам будет продолжать падать. Так, к 2050 г. в экономически развитых странах он снизится в 2 раза, а в развивающихся – в 2,85 раза и составит соответственно 2 и 4. Это, в свою очередь, уменьшает способность общества и правительства заботиться о своем стареющем населении. Отсюда, не случайно, в ряде стран Западной Европы уже сегодня правительство принимает меры по повышению возраста выхода на пенсию.

В настоящее время в большинстве экономически развитых стран пенсионный возраст составляет 65 лет. С 2012 г. в целом ряде стран Европы пенсионный возраст повышен: в Германии, Италии, Испании, Польше – до 67 лет, в Великобритании и Ирландии – до 68 лет. Во Франции на пенсию выходят с 60 лет, но к 2013 г. возраст выхода на пенсию увеличивается до 62 лет, а к 2018 г. – до 67 лет. В США намерены повысить пенсионный возраст в течение 2000–2027 гг. с 65 до 67 лет. В отдаленной перспективе – к 2060 г. – в Европе и США возраст выхода на пенсию собираются повысить до 70 лет как для мужчин, так и для женщин.

Причем, среди лиц пожилого возраста преобладают женщины, так как у них продолжительность жизни больше, чем у мужчин (соответственно: 68 лет и 73 года в среднем по миру, в развитых странах – 75 лет и 82 года, в развивающихся государствах – 67 лет и 71 год) [4]. В настоящее время среди населения в возрасте 60 лет и старше женщин примерно на 70 млн человек больше, чем мужчин. Среди лиц в возрасте 80 лет и

старше их почти в 2 раза больше, чем мужчин, а среди лиц в возрасте 100 лет и старше – в 4–5 раз больше [5]. Одинокие пожилые люди сталкиваются с большим риском подвергнуться социальной изоляции и экономическим лишениям и, соответственно, нуждаются в особой поддержке. В связи с более высокими показателями доживаемости и более низкой вероятностью повторного вступления в брак среди пожилых одиноких женщин больше, чем мужчин. В мировом масштабе доля одиноких среди женщин в возрасте 60 лет и старше составляет 19%, а у мужчин – лишь 8% [5].

Со старением населения связана необходимость расширения сферы медицинского обслуживания, сети медицинских, геронтологических учреждений,

качественной перестройки системы здравоохранения, т.к. основными их пользователями являются пожилые люди. Пенсионерам нужна лечебно-профилактическая и социальная помощь и их доступность.

Старение населения воздействует на структуру материального производства и сферы услуг, изменяя ассортимент товаров и услуг в соответствии с запросами пожилых людей. Запросам лиц старших возрастов должны отвечать возможности и удобства пользования средствами транспорта и т.д.

Таким образом, старение населения – это глубинный процесс, который сильно сказывается на всех сторонах жизни людей. И это глобальное явление, которое затронуло или затронет каждого человека в любой стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Глобальное** старение и кризис 2020-х годов. – Svargaman, 2012, 21 июля. – [Электронный ресурс]. – URL://<http://goldenfront.ru/articles/view/globalnyj-krizic-stareniya-2020-h-gg> (дата обращения: 14.10.2013).
2. **Доклад** второй Всемирной ассамблеи по проблемам старения, Мадрид, 8-12 апреля 2002 года. – ООН: Нью-Йорк, 2002. – 86 с.
3. **Народонаселение**: энциклопедический словарь. – М.: БРЭ, 1994. – 640 с.
4. **Основные** демографические показатели по всем странам мира в 2010, 2012, 2013 годах. – [Электронный ресурс]. – URL://<http://www.demoscope.ru> (дата обращения: 14.10.2013).
5. **Старение** населения мира, 1950-2050 годы. Резюме. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.un.org/russian/events/olderpers> (дата обращения: 14.10.2013).
6. **Щербакова Е.** Доля населения мира 60 лет и старше составляла 11 %, в 2050 году она поднимется до 22 %, медианный возраст повысится с 30 до 38 лет. – Демоскоп Weeclly, № 531–532, 12–25 ноября 2012 г. – [Электронный ресурс] – URL: <http://www.demoscope.ru> (дата обращения: 14.10.2013).

© N. N. Ponomareva

UDC 911+314+316.3/.4

PROCESS OF DEMOGRAPHIC AGEING: ESSENCE, FEATURES AND CONSEQUENCES IN THE WORLD COUNTRIES

N. N. Ponomareva (Novosibirsk, Russia)

In article the author analyzes process of aging of the population. The purpose of this article is to show population aging as a universal tendency of demographic development. It is noted that the process of population aging goes two ways: both "from above", and "from below". The major factors which have caused this process are revealed. The comparative characteristic of population aging in economically developed and developing countries is given. Demographic and social and economic consequences of this process are characterized.

Keywords: population aging, median age, degree of the old age demographic, coefficient of elderly people support, retirement age.

REFERENCES

1. **Global** aging and crisis of the 2020th years. – Svargaman, 2012, on July 21. – [Electronic resource]. – URL://http://goldenfront.ru/articles/view/globalnyj-krizic-stareniya-2020-h-gg (address date: 14.10.2013).
2. **The report** of the second World assembly on aging problems, Madrid, on April 8-12, 2002. – UN: New York, 2002. – 86 pages.
3. **Population:** Encyclopedic dictionary. – M: BRE, 1994. – 640 pages.
4. The main demographic indicators over all countries of the world in 2010, 2012, 2013. – [Electronic resource]. – URL://http://www.demoscope.ru (address date: 14.10.2013).
5. **World's** population aging, 1950-2050. Summary. – [Electronic resource]. – URL: http://www.un.org/russian/events/olderpers (address date: 14.10.2013).
6. **Shcherbakova E.** The share of a world's population of 60 years also is more senior made 11 %, in 2050 it will rise to 22 %, the median age will increase from 30 to 38 years. – Demoskop of Weecly, N 531–532, 12–25 of November, 2012. – [Electronic resource]. – URL: http://www.demoscope.ru (address date: 14.10.2013).

Ponomareva Nadezhda Nikolaevna – the candidate of geographical sciences, the professor, the head of the department of economic geography and a regional studies of Institute of natural and social-economic sciences, Novosibirsk State Pedagogical University.

E-mail: econgeo@inbox.ru

© О. А. Чикова, А. Г. Оболенская

УДК 501 + 33 + 37

МЕТОДЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК**В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

О. А. Чикова, А. Г. Оболенская (Екатеринбург, Россия)

Современные гуманитарные исследования в быстро изменяющемся мире требуют новых подходов и методов решения назревающих и уже имеющихся проблем. Изучение, рынков уже невозможно без математических методов, без выявления взаимосвязей и взаимозависимостей различных факторов, экзогенного характера, влияющих на ситуацию. Изучение конкурентоспособности субъектов экономики невозможно без определения значимых механизмов роста и прямых или косвенных стимуляторов развития. Методы математической статистики и моделирования играют немаловажную роль в изучении экономических процессов. В этой связи целесообразно обратиться к естественнонаучным методам. Одним из интересных направлений является эконофизика. Неудовлетворенность традиционными объяснениями экономистов была обусловлена несоответствием финансовых наборов данных существовавшим теоретическим моделям. Прогнозы на основе временных рядов – необходимый элемент любой инвестиционной деятельности, развития производственных сил и территорий.

Ключевые слова: эконофизика, теория перколяции, конкурентоспособность, броуновское движение, прогноз развития рынка.

Современные гуманитарные исследования в быстро изменяющемся мире требуют новых подходов и методов решения назревающих и уже имеющихся проблем.

Изучение, к примеру, рынка труда уже невозможно без математических методов, без выявления взаимосвязей и взаимозависимостей различных факторов, влияющих на

* Статья подготовлена по результатам работы Международной научно-практической конференции «Технологическое-экономическое образование в XXI веке» (24–27 сентября 2013 г.) в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» на 2012–2016 гг.

Чикова Ольга Анатольевна – доктор физико-математических наук, заведующий кафедрой технологии и экономики, Уральский государственный педагогический университет.

E-mail: chik63@mail.ru

Оболенская Алена Германовна – кандидат экономических наук, доцент Уральский государственный педагогический университет.

E-mail: a.obolenskaya@mail.ru

ситуацию на рынке. Изучение конкурентоспособности субъектов экономики невозможно без определения значимых механизмов роста, прямых или косвенных стимуляторов развития. Безусловно, методы математического моделирования играют важную роль в изучении экономических процессов. Тем не менее, сегодня используемые методы недостаточны для отслеживания всех нюансов и прогнозирования развития. В этой связи целесообразно обратиться к естественнонаучным методам, множество раз апробированным в научных исследованиях. Одним из интересных направлений является эконофизика, возникшая в середине 1990-х гг. как раз в результате попытки заняться сложными проблемами, изложенными экономикой, с точки зрения физических методов. Неудовлетворенность традиционными объяснениями экономистов была обусловлена несоответствием финансовых наборов данных существовавшим теоретическим моделям.

Эконофизика (от экономика и физика) – наука, которая применяет методологию физики к анализу экономических данных.

Сам термин эконофизика был введен американским физиком Х. (Гарри) Юджином Стэнли (en: Н. Eugene Stanley) для объединения множества исследований, в которых типично физические методы и приемы использовались при решении экономических задач [1–2]. Торжественное заседание, посвященное открытию эконофизики, было организовано в 1998 г. в Будапеште Дженосом Кертезсом и Имром Кондором.

В 1965 г. Бенуа Мандель Брот обнаружил, что динамика финансовых рядов (колебаний цен на бирже) совершенно

одинакова на малых и больших масштабах времени: по графику такого ряда практически невозможно определить, изображает он колебания цен в течение часа, суток или месяца. Это свойство Мандельброт назвал самоподобием, а обладающие им объекты – фракталами [3]. Исследования процессов с такими свойствами ведутся в физике весьма энергично, и разработанные методы анализа часто (но, не всегда) помогают заметить аномалии в поведении финансовых рядов – предвестники резких обвалов или взлётов цен, более эффективно, нежели стандартные приемы технического анализа, привычно используемые для анализа биржевых трендов.

Тренд в экономике – направление преимущественного движения показателей, основная тенденция временных рядов. При появлении во временном ряду длительной тенденции изменения экономического показателя, говорят, что имеет место тренд. В связи с этим экономико-математическая динамическая модель, в которой развитие моделируемой экономической системы отражается через тренд ее основных показателей, называется трендовой моделью. Для выявления тренда во временных рядах, а также для построения и анализа трендовых моделей используется аппарат теории вероятностей и математической статистики [2].

Тренд обычно рассматривается в рамках экономического анализа, где подразумевают направленность движения цен или значений индексов. Предсказание на основе временных рядов – необходимый элемент любой инвестиционной деятельности. Инвестиции – вложение средств, ограничение текущего потребления с целью получения дохода в будущем – основывается

на идее прогнозирования будущего. Соответственно, предсказание финансовых временных рядов лежит в основе деятельности всей индустрии инвестиций – всех бирж и внебиржевых систем торговли ценными бумагами, валютами.

Динамические процессы, происходящие в экономических системах, чаще всего проявляются в виде ряда последовательно расположенных в хронологическом порядке значений того или иного показателя, который в своих изменениях отражает ход развития изучаемого явления в экономике. Эти значения, в частности, могут служить для обоснования (или отрицания) различных моделей социально-экономических систем [4]. Они служат также основой для разработки прикладных моделей прогнозирования особого вида.

Во временных рядах экономических процессов колебания могут возникать более или менее регулярно. Если они носят строго периодический или близкий к нему характер и завершаются в течение одного года, то их называют сезонными колебаниями. В тех случаях, когда период колебаний составляет несколько лет, то во временном ряду присутствует циклическая компонента. Тренд, сезонная и циклическая компоненты называются регулярными, или систематическими компонентами временного ряда. Составная часть временного ряда, остающаяся после выделения из него регулярных компонент, представляет собой случайную, нерегулярную компоненту. Она является обязательной составной частью любого временного ряда в экономике, так как случайные отклонения неизбежно сопутствуют любому экономическому явлению.

Временной ряд экономических показателей можно разложить на четыре структурно образующих элемента [2]:

- тренд, составляющие которого обозначаются $U_t, t = 1, 2, \dots, n$;
- сезонная компонента, обозначаемая через $V_t, t = 1, 2, \dots, n$;
- циклическая компонента, обозначаемая через $C_t, t = 1, 2, \dots, n$;
- случайная компонента, которую обозначают $\varepsilon_t, t = 1, 2, \dots, n$.

Если систематические компоненты временного ряда определены правильно, то та, которая осталась (остаточная последовательность) после выделения из временного ряда этих компонент, будет случайной компонентой ряда. Эта компонента будет обладать следующими свойствами: случайностью колебаний уровней остаточной последовательности; соответствием распределения случайной компоненты нормальному закону распределения; равенством математического ожидания случайной компоненты нулю; независимостью значений уровней случайной последовательности, то есть отсутствием существенной автокорреляции.

Проверка адекватности трендовых моделей основана на проверке выполнимости у остаточной последовательности указанных четырех свойств. Если не выполняется, хотя бы одно из них, модель признается неадекватной; при выполнении всех четырех свойств модель адекватна.

Предварительный анализ временных рядов экономических показателей заключается в основном в выявлении и устранении аномальных значений уровней ряда, а также в определении наличия тренда и его характера в исходном временном ряду. К предварительной обработке временных рядов относятся методы изменения

временных рядов с целью более четкого выделения тенденций развития, сглаживания временного ряда.

Под аномальным уровнем понимается отдельное значение уровня временного ряда, которое не отвечает потенциальным возможностям исследуемой экономической системы и которое, оставаясь в качестве уровня ряда, оказывает существенное влияние на значения основных характеристик временного ряда, в том числе на соответствующую трендовую модель. Причинами аномальных наблюдений могут быть ошибки технического порядка, или ошибки при передаче информации.

В свою очередь, французский математик Луи Башелье ещё в самом начале XX в. в своей «Теории спекуляций» пытался описать динамику финансовых рядов по аналогии с броуновским движением – хаотическим движением молекул в жидкости или газе. Современные модели, обобщающие такой подход, порождают фрактальные процессы, очень похожие по статистическим параметрам на реальные финансовые ряды. Многие из этих моделей опираются на созданную в 1970–1990-е гг. теорию хаотических динамических систем – уравнений, порождающих сложную динамику, иногда почти неотличимую от случайного процесса. И верно, биржевые операции совершаются экономическими агентами по часто субъективным и спекулятивным мотивам, предсказать такие действия на основе технического анализа экономической ситуации в мировой экономической системе зачастую не просто, а иногда и вовсе невозможно.

Одной из популярных таких моделей является геометрическое броуновское движение, так же известное под именем экспоненциального броуновского движения.

Эта модель может достаточно успешно применяться для моделирования ценовой динамики рискованных активов – таких как акции, фондовые индексы, товарные фьючерсы и т.п. Она позволяет легко найти ожидаемое значение цены в любой момент времени. Для этого нужно лишь задать стартовое значение цены и знать ожидаемые доходность и волатильность.

Применение подобных уравнений оправданно в составлении финансовых прогнозов, хотя время, представляется, и ресурсозатратным.

На современном этапе развития экономических процессов, также представляется эффективным использование теории перколяции для описания социальных и финансовых процессов. Теория перколяции используется в физике для описания хаоса и представляет собой кластерную модель [5]. В облегченном виде кластерные модели используются государственными и муниципальными управленцами при размещении производительных сил в региональной экономике, в градостроительстве и т.п. элементы кластерной теории показали свою применимость в экономических процессах.

Суть теории перколяции заключается в следующем. Представим себе квадратную решетку и предположим, что каждый квадрат этой решетки или "ячейка" может находиться в двух состояниях "занято" или "пусто". Каждая ячейка занимается с вероятностью p независимо от состояния соседних ячеек. Эта модель в физике называется ячеечной перколяцией. Занятые ячейки либо изолированы друг от друга, либо образуют группы, состоящие из ближайших соседей. Кластер – группа занятых ячеек решетки, связанных с ближайшим соседом по стороне ячейки. Две занятые ячейки принадлежат одному

кластеру, если они соединены путем, состоящим из занятых ячеек

Один из простых способов изучения перколяции основан на использовании генератора случайных чисел. Вычислительная процедура при этом сводится к генерации случайного числа и его сравнению с некоторым порогом p (ячейка решетки считается занятой, если случайное число меньше p). Если вероятность занятия ячейки мала, то можно ожидать, что будут присутствовать только небольшие, изолированные кластеры. По сравнению с этим, если $p \sim 1$, то можно ожидать, что большинство занятых ячеек образуют один большой кластер, который протянется от одной стороны решетки до другой. О таком кластере говорят, что он "перекидывается" через решетку, и называют соединяющим кластером. С физической точки зрения переход из состояния, в котором существует соединяющий кластер, в состояние, в котором данного кластера не образуется, является математической моделью [5].

Характерной особенностью, присущей перколяции, является связность. Поскольку связность обнаруживает качественное изменение при конкретном значении некоторого параметра, который можно менять непрерывно, переход из состояния, не содержащего соединяющий кластер, в состояние с одним соединяющим кластером представляет собой качественный переход.

Подобные модели можно легко просчитывать и обрабатывать с помощью специальных информационных технологий, программных средств представленных на сайтах разработчиков ПО.

Наиболее популярным методом естественных наук в отношении социально-экономических исследований, безусловно, является корреляционный анализ [6].

Выделяют два основных вида проявления количественных связей между признаками: функциональная связь и корреляционная связь. Под функциональной связью понимается такой вид соотношения между двумя признаками, когда каждому значению одного из них соответствует строго определенное значение другого (площадь круга зависит от радиуса круга). Функциональная связь характерна для физико-математических процессов. Под корреляционной связью понимается такой вид соотношения между двумя признаками, когда каждому значению одного из них соответствует несколько значений другого взаимосвязанного с ним признака (рост и вес человека и т.п.). Корреляционная связь характерна для медико-биологических процессов.

Практическое значение установление корреляционной связи в экономических процессах заключается в выявлении причинно-следственных связей между факторным и результативным признаками (при оценки финансового благополучия, для определения связи между условиями труда, быта, состоянием здоровья и доходом, при определении зависимости частоты случаев увольнений от возраста, стажа, наличие производственных новаций и другое); установлении зависимости параллельных изменений нескольких признаков от какой-то третьей величины (например, при повышении резервной нормы происходит изменение ставок, инвестиционной активности, количества рабочих мест, зарплат и др). Известны два способа представления корреляционной связи: график (диаграмма рассеяния); коэффициент корреляции. Коэффициент корреляции, который одним числом дает представление о направлении и силе связи между признаками

или явлениями, пределы его колебаний от 0 до ± 1 . Различают прямую и обратную корреляционную связь. Сила корреляционной связи: сильная ($\pm 0,7$ до ± 1); средняя ($\pm 0,3$ до $\pm 0,699$); слабая (0 до $\pm 0,299$). Наиболее известные методы определения коэффициента корреляции: метод квадратов (метод Пирсона); ранговый метод (метод Спирмена) [7]. Методические требования к использованию коэффициента корреляции:

– измерение связи возможно только в качестве однородных совокупностей (например, измерение связи между количеством предприятий малого бизнеса и количеством занятых в совокупности, однородных по отраслевому и территориальному признаку;

– расчет может производиться с использованием абсолютных или производных величин;

– для вычисления коэффициента корреляции используется не сгруппированные вариационные ряды (это требование применяется только при вычислении коэффициента корреляции по методу квадратов);

– число наблюдений менее 30.

Метод ранговой корреляции (метод Спирмена) применяется когда:

– нет необходимости в точном установлении силы связи, а достаточно ориентировочных данных;

– признаки представлены не только количественными, но и атрибутивными значениями;

– ряды распределения признаков имеют открытые варианты (например, стаж работы до 1 года).

Метод квадратов (метод Пирсона) применяется когда:

– требуется точное установление связи между признаками;

– признаки имеют только количественное выражение.

Основная проблема при применении методов математической статистики для анализа опытных зависимостей в социально-экономических исследованиях – малый объем выборки [7]. Дело в том, что когда число экспериментальных точек велико (100 или более опытов), можно считать при расчете случайной ошибки, что распределение экспериментальных данных является нормальным. При малом числе опытов нет способов проверить это предположение. Для анализа малых выборок применяют непараметрические методы, которые позволяют решить следующие задачи:

1. Оценка степени зависимости между переменными (выявление временной зависимости);

2. Определение критерия различия для зависимых выборок (сравнение значений при одинаковых условиях);

3. Определение критерия различия для независимых выборок (величина мало меняется и необходимо сравнить, насколько значимо различаются полученные данные).

Используют непараметрическую альтернативу коэффициенту корреляции Пирсона – корреляцию Спирмена. Корреляцию Спирмена можно представить как вычисленную по рангам корреляцию Пирсона, т.е. в терминах доли изменения одной величины, связанной с изменением другой. Для решения 2 и 3 задачи традиционно используется t-критерий сравнения средних в двух группах данных.

Для решения задачи 2 авторы применяли критерий знаков. Это непараметрическая альтернатива t-критерию для зависимых выборок. Критерий применяется в ситуациях, когда

исследователь проводит два измерения (например, при разных условиях) одних и тех же субъектов и желает установить наличие или отсутствие различия.

Для решения задачи 3 применяли критерии серий Вальда-Вольфовица, Манна-Уитни и двухвыборочный критерий Колмогорова-Смирнова. Все эти критерии представляют собой непараметрические альтернативы t-критерию для независимых выборок [6].

Методы обработки данных естественно-научного эксперимента также актуальны при анализе результатов социально-экономических исследований [8]. Перечислим наиболее популярные из них.

1. Устранение тренда.

Такая задача возникает, когда интерес исследования заключается не в анализе медленных или (низкочастотных) вариаций сигнала $y(x)$ (для чего применяется сглаживание данных), а в анализе быстрых его изменений. Часто бывает, что быстрые (или высокочастотные) вариации накладываются определенным образом на медленные, которые обычно называют трендом. Часто тренд имеет заранее предсказуемый вид, например линейный.

Чтобы устранить тренд, можно предложить следующую последовательность действий: вычислить регрессию $f(x)$, например линейную, исходя из априорной информации о тренде; вычесть из данных $y(x)$ тренд $f(x)$.

2. Скользящее усреднение – один из самых популярных алгоритмов сглаживания.

Его суть в расчете для каждого значения аргумента x среднего значения по соседним w данным. Число w называется окном скользящего усреднения: чем оно больше, тем больше данных участвует в

расчете среднего, тем более сглаженная кривая получается. Естественно, что при малых w избранные кривые практически повторяют ход изменения данных, а при большом w отражают лишь закономерность их медленных вариаций.

3. Полосовая фильтрация.

В предыдущих пунктах была рассмотрена фильтрация двух типов. Быстрых вариантов сигнала (сглаживание) и его медленных вариаций (снятие тренда). Иногда требуется выделить среднemasштабную составляющую сигнала, уменьшив как более быстрее, так и более медленные его компоненты. Одна из возможностей решения этой задачи связана с применением полосовой фильтрации на основе последовательного скользящего усреднения.

Алгоритм полосовой фильтрации реализует такую последовательность операций:

1) приведение массива данных y_i к нулевому среднему значению путем его вычитание из каждого элемента y_i .

2) Устранение из y высокочастотной составляющей, имеющие целью получить сглаженный сигнал, например, с помощью скользящего усреднения с малым окном w .

3) Выделение из сигнала низкочастотной составляющей, например, путем скользящего усреднения с большим окном w , либо с помощью снятия тренда.

4) Вычесть из сигнала тренда, тем самым выделяя среднemasштабную составляющую исходного сигнала y .

Эти способы анализа весьма эффективны для работы с массивами социально-экономических показателей с большой рассеянностью.

В последнее время также возрос интерес к вейвлетному (или дискретному

волновому) преобразованию. Оно применяется, главным образом, для анализа нестационарных данных и для задач подобного рода оказывается более эффективным, чем преобразование Фурье. Основным отличием вейвлетного преобразования является разложение данных не по синусоидам (как для преобразования Фурье), а по другим функциям, называемым вейвлетобразующими. Вейвлетобразующие функции, в противоположность бесконечно осциллирующим синусоидам, локализованы в некоторой ограниченной области своего аргумента, а вдали от нее равны нулю или ничтожно малы.

Из-за своего математического смысла вейвлет-спектр имеет не один аргумент, а два. Помимо частоты, вторым аргументом b является место локализации вейвлетобразующей функции. Поэтому b имеет ту же размерность, что и x . Анализу подвергается функция, составленная из суммы двух

синусов, а график двухпараметрического спектра $C(a, b)$ выведен в виде привычных для вейвлет-анализа линий уровня на плоскости (a, b) .

Таким образом, применение естественнонаучных методов в гуманитарных исследованиях позволит описать явления общественной жизни с помощью математических моделей. Такой подход выявляет даже зависимости, определяет силу их влияния и дает возможность, с большей долей вероятности, спрогнозировать будущие процессы, а сегодняшние подвергнуть нужным коррективам. Применение таких методов особенно актуально, поскольку для финансовой активности любого субъекта современной быстро меняющейся экономики важно с максимальной точностью распланировать имеющиеся ресурсы для получения экономической пользы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гулд Х., Тобочник Я. Компьютерное моделирование в физике: в 2 частях. Ч. 2; пер. с англ. В. А. Панченко, А. Н. Полюдов, – М.: Мир, 1990. – 400 с.
2. Кирьянов Д. В., Кирьянова Е. Н. Вычислительная физика – М.: Полибук Мультимедиа, 2006. – 352 с.
3. Эфрос А. Л. Физика и геометрия беспорядка. – М.: Наука, 1982. – 176с.
4. Латуха О. А. Математическая модель инновационной деятельности современного вуза // Вестник НГПУ – 2011. – № 1. – С. 69–73.
5. Тарасевич Ю. Ю. Перколяция : теория, приложения, алгоритмы. – М.: 2012. – 112 с.
6. Рахаев Б. М., Карчаева Б. М., Кудалиева Л. М., Трамова М. Ш. Закономерные случайности экономического роста // TERRA ECONOMICUS. – 2006. – Т. 4. – № 1. – С. 106–115.
7. Боровиков В. Statistica: искусство анализа данных на компьютере. – СПб : Питер, 2003. – 688 с.
8. Поршнев С. В., Овечкина Е. В., Машенко М. В., Каплан А. В., Каплан В. Е. Компьютерный анализ и интерпретация эмпирических зависимостей. – М.: ООО «Бином-Пресс», 2009. – 336 с.

© O. A. Chikova, A. G. Obolenskaya

UDC 501 + 33 + 37

METHODS OF NATURAL SCIENCES IN SOCIAL AND HUMAN RESEARCH

O. A. Chikova, A. G. Obolenskaya (Ekaterinburg, Russia)

Modern scientific research in the rapidly changing world requires new approaches and methods to address existing problems. The study of markets are not possible without mathematical methods, without identifying linkages and interdependencies of various factors, exogenous factors affecting the situation. The study of the competitiveness of economic agents is impossible without definition of significant mechanisms of growth and straight lines or indirect stimulators of development. Mathematical statistics and modeling play an important role in the study of economic processes. In this connection it is useful to turn to the methods of the natural sciences. One of the interesting trends is econophysics. Dissatisfaction with traditional explanations of economists was due to the mismatch of financial data sets of existing theoretical models. Projections on the basis of temporary ranks is a necessary element of any investment activity, development of production forces and territories.

Keywords: *econophysics, percolation theory, competitiveness, Brownian motion.*

REFERENCES

1. **Gould H., Tobochnik Ya.** Computer modeling in physics: in 2 parts / Translate by V. A. Panchenko, A.N. Polyudov. – M.: Mir, 1990. – Part 2. – 400 p.
2. **Kiryanov A. I., Kiryanova E. N.** Computational physics. – M: Polybook Multimedia, 2006. – 352 p.
3. **Efros A. L.** Physics and geometry disorder. – M.: Nauka, 1982. – 176 p.
4. **Latuha O. A.** Mathematical model of innovative activity of modern high school // NSPU Bulletin – 2011. – № 1. – Pp. 69–73.
5. **Tarasevich Yu. Yu.** Percolation Theory, applications, algorithms. – M: 2012. – 112 p.
6. **Rahaev B. M., Karchaeva B. M., Kudalieva L. M., Tramova M. S.** Natural randomness of economic growth // TERRA ECONOMICUS. – 2006. – Vol. 4. – № 1. – Pp. 106–115.
7. **Borovikov V.** Statistica: art of the analysis of the data on your computer. – St. Petersburg : Piter. – 2003. – 688 p.
8. **Porshnev S. V., Ovechkin E. V., Mashchenko M. V., Kaplan A. V., Kaplan V. E.** Computer analysis and interpretation of the empirical dependences. – M: ООО «Binom-Press». – 2009. – 336 p.

Chikova Olga Anatolevna – the doctor of physical and mathematic sciences, the head of department of technology and economics, Ural State Pedagogical University.

E-mail: chik63@mail.ru

Obolenskaya Alena Germanovna – the candidate of economical sciences, associate professor, Ural State Pedagogical University.

E-mail: a.obolenskaya@mail.ru

www.vestnik.nspu.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

© В. А. Мищенко

УДК 316

ОБРАЗ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ*В. А. Мищенко (Москва, Россия)*

В статье поднимаются вопросы статуса социальных институтов в современном обществе, зависимости от массовых коммуникаций. Отмечается, что Россия с ее особой культурой и национальной самобытностью слабо использует фундаментальные обоснования своей ценностной привлекательности. Свойственные современному российскому обществу социальная разобщенность, утрата ценностных ориентаций обусловлены духовно-нравственным расколом, крушением прежней системы ценностей.

Ключевые слова: *социальный институт семьи, российская семья, средства массовой информации, национальная самобытность, система ценностей.*

В мультикультурных обществах эпохи постмодерна растут трудности в поддержании общенационального пространства. Острота проблемы заключается в том, что Россия, с ее особой культурой и национальной самобытностью, слабо использует фундаментальные обоснования своей ценностной привлекательности. Свойственные современному российскому обществу социальная разобщенность, утрата ценностных ориентаций обусловлены духовно-нравственным расколом, крушением прежней системы ценностей.

К тому же в XX в. мир стал гораздо более зависимым от массовых коммуникаций, и статус социальных институтов, таких как семья, стал определяться местом, которое они занимают в стране и мире. Ценностные ориентации семьи, которые репрезентуют СМИ, во

многом определяют современные модели семейного поведения, и создают значимые образцы – эталоны семьи, которые сопровождают человека всю жизнь и оказывают основополагающее влияние на его мировоззрение. Люди часто перенимают те социальные нормы поведения, которые транслируются СМИ.

Учитывая научный интерес к проблеме институционализации семьи и формирования ее позитивного образа в СМИ, довольно неожиданным оказалось, что образ традиционной семьи в России слабо изучается.

В рамках социологического знания такие исследования являются необходимыми с точки зрения теоретического осмысления проблемы, но также и с позиции влияния на формирование национально-государственной идентичности.

Мищенко Владимир Анатольевич – Вице-президент, исполнительный директор, Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы.

E-mail: mischenko@fap.ru

В нашем исследовании внимание фокусировалось на изучении контента образа семьи существующего в массовом сознании, особенностей его формирования в России. Что и позволило нам выявить и описать механизм преодоления ценностных расколов. В ходе всемирного исследования ценностей, проведенного под руководством Р. Инглхарта было установлено, что во всех странах преобладали люди со смешанными типами, но в более развитых странах ценностный синтез осуществлялся

преимущественно по постматериалистическому типу, а в менее развитых – по материалистическому типу. Постановка проблемы преодоления ценностного раскола в обществе на основе преодоления ценностного раскола в семье имеет как научное так и прикладное значение.

В настоящее время семья перестает быть ценностью для людей, исчезают мотивы, побуждающие вступать в брак, рожать и воспитывать нескольких детей. Это состояние называется кризисом семьи, который, в первую очередь, проявляется как кризис семейных ценностей.

Россия, будучи связанной вековыми традициями сосуществования с другими странами, встроена в глобальные межкультурные коммуникации, а также с ускорением этих процессов, переживает социокультурное напряжение: в подобных условиях любое общество стремится к консервации своей самобытности, поэтому открытость культуры для чужих влияний соседствует с особой критичностью по отношению к этому влиянию.

В условиях, когда большая часть традиционных, веками накапливаемых элементов социального опыта по формированию желаемых, эмоционально окрашенных образов семейного поведения

либо разрушены, либо умело подменены другими, разработка новых механизмов информационно-коммуникативного воздействия на массовое сознание с учетом его этнокультурного своеобразия является одной из важнейших задач управления общественными процессами в стране. Для граждан России важны поиски своей идентичности образных ориентиров, духовных и нравственных ценностей, которые оказываются целеполагающими в ситуации ценностного разлома.

Именно сегодня, когда весь мир вовлечен в процесс сложнейших перемен, нам представляется уникальная возможность структурировать наши традиционные ценности, опереться на них, как на стабилизирующую основу национальной идентичности.

Россия с ее особой развитой культурой, территориальной и национальной самобытностью пока менее, чем другие страны подвержена глобальному воздействию и стандартизации.

Более того, ее богатейшее культурное наследие, ценностный потенциал, позволяет сохранить традиционные семейные ценности и использовать их как ресурс для развития. Выбор достойных качеств, культивируемых в семье – это проблема отцов и детей, проблема супругов. Необходимо формирование системы семейных ценностей, выбор модели семейного поведения, решение проблемы социальной идентификации семьи, социализации детей и подростков. Большую помощь в этом процессе могут оказать в наше время СМИ, формируя модели оптимального семейного поведения в общественном мнении. Изучение имиджа семьи дает новый подход к решению этих проблем, возможность взглянуть на

результаты этого выбора со стороны. Во имя взаимного благополучия.

Технологии конструирования образа современной российской семьи, оценка их эффективности находится в центре внимания экспертно-аналитического сообщества. На наш взгляд их задача заключается не только в том, чтобы обеспечить разработку имиджевого капитала российской семьи, но и осуществить целенаправленные управляемые коммуникационные действия по формированию позитивного контекста по восприятию этого имиджа.

Для постсоветского периода характерна пропаганда в СМИ чуждых нашим гражданам западных эталонов жизни в целом, а также полоролевых моделей поведения в частности. При этом следует помнить, что изменение традиционных моделей полоролевого поведения, в конечном счете, неизбежно приводит к разрушению всего уклада жизни, принятого в той или иной культуре.

В условиях кризиса семейных ценностей важнейшим инструментом построения эффективного института, направленного на решение демографических проблем, являются технологии формирования и информационного сопровождения позитивного образа российской семьи. Насущной необходимостью выступает переориентация СМИ с пропаганды крайнего индивидуализма и агрессии, антисемейного образа жизни на повышение престижа семейного образа жизни, популяризацию позитивных моделей семьи, возрождение отечественных семейных традиций. Инструментами подобного влияния на общественное сознание является социальная реклама, СМИ.

СМИ и социальная реклама должна вызывать сильные эмоции, причем по силе своего воздействия она должна быть гораздо мощнее, любого коммерческого предложения.

В современных условиях медиапространство неизбежно вбирает в себя функции среды социализации индивидуума. СМИ, реклама, популярные передачи, художественные фильмы транслируют определенные ценностные установки в отношении института семьи и брака. Эти установки не могут не влиять на семейно-брачное поведение. Современные медиапродукты, ориентируют человека на гедонистический образ жизни, потребительское отношение к жизни. На этом фоне происходит девальвация образа традиционной российской семьи. Телевизионные и рекламные образы являются социальными раздражителями. Образ семьи, который наиболее часто встречается в современной информационной среде – это либо просто мать с ребенком, либо малодетная семьи (оба родителя и один ребенок). Эмпирические данные свидетельствуют, что доля демографически позитивной рекламной информации в ее общем объеме, использующем образ семьи, составила лишь 2,6 %. В телевизионном эфире доля социальной рекламы ничтожно мала. Социальная реклама, специализированная на семейных ценностях полностью отсутствует. На настоящий момент на общегосударственном уровне какая-либо систематическая работа по формированию и продвижению семейных ценностей не ведется.

Прежде всего, надо подчеркнуть, что в условиях дефицита и кризиса ценностей, модель современной семьи является инструментальной – это семья с обоими

родителями, в которой не менее трех детей, которая не просто связана с ростом благосостояния, но и традиционалистской политической культурой. Появление общественного запроса на более рациональную организацию общества.

Позволить усилить ресурсные возможности социальной рекламы, СМИ, которые устранят существующие деформации и разрушенные базовые структуры повседневности. В тоже время, кризис ценностей показал, что рационализация общественной системы не поможет быть сведена к восстановлению публично - правовой основы института семьи, но также и общественной атмосферы, контекста восприятия позитивного образа семьи и семейных ценностей. Без гражданского участия подлинный прорыв в преодолении кризиса ценностей не осуществить.

В сегодняшних российских реалиях важной проблемой является отсутствие информационного продукта, формирующего традиционные ценности, которые могли бы оздоравливать жизнь российских семей. Например, в американских фильмах, предназначенных для семейного просмотра, в семье у главных героев обязательно несколько детей – это осознанное действие, которое закладывает в общественное сознание многодетность как норму. У нас же норма, навязываемая массовой культурой, «глянцевыми» изданиями, не подразумевает многодетности. Есть поводы и для оптимизма: в российском обществе присутствует довольно распространенная установка на двухдетность, которая при соответствующем информационном воздействии и улучшении социально-экономических условий, способна послужить основой для распространения в будущем

установки уже на многодетность. Также часто можно услышать упреки (в подавляющем большинстве случаев справедливые и обоснованные), что СМИ, перенасыщенные продукцией развлекательного содержания и преследуя коммерческую выгоду, скорее ориентируют человека на безнравственный образ жизни. Но при этом нельзя не признать того, что корректировка содержания материалов СМИ, а тем более меры запретительного характера окажутся продуктивными только в том случае, если в противовес всем существующим отрицательным тенденциям будут найдены позитивные образцы, базирующиеся на институтах и личной заинтересованности.

Для россиян нет сомнений в точности формулы «Святость материнства», поэтому платформой по продвижению семейных ценностей послужит позитивный образ семьи, сформировать и внедрить который в общественное сознание позволит комплекс информационно-коммуникативных приемов и технологий социальной рекламы.

Главный инструмент в борьбе за образ российской семьи в конкурентной среде – профессионально подготовленная, аргументированная, структурированная информация, которая должна включать в себя основополагающие элементы сильного имиджа, чтобы имидж российской семьи не подвергался эрозии, он должен строиться на смыслообразующей платформе, целях и традиционных ценностях.

В своем исследовании нам удалось использовать инструментарий, позволяющий воздействовать на формирование позитивного образа семьи, при этом сохранять традиционные основы семейных отношений, формируя тем самым тот облик семьи, который должен стать символом современной России – это традиционная

семья с тремя детьми. Необходимо, чтобы это стало трендом, направлением развития, символом успеха. В пространстве массовых коммуникаций «тренд» – это новое направление, имеющее принципиально важное продвижение в информационное пространство имидж традиционной российской семьи.

Такой инструментарий появляется благодаря государственно общественному партнерству, взаимодействию институтов гражданского общества с властью, технологическая же конструкция восприятия позитивного образа российской семьи в этом отводится СМИ и социальной рекламе. Необходимо выработать у людей социальные, поведенческие стереотипы, которые являются внешним выражением системы ценностей, присутствующей в обществе. На сегодняшний день, продуцируя те социальные стереотипы семьи, брачных отношений, образа современной женщины, современного мужчины в условиях разрозненности, фрагментарности, иррациональности коммуникативного пространства мы получим потерю национальной идентичности.

Решение этих задач невозможно без изучения состояния массового сознания, и того какое отражение в нем находят происходящие в России трансформации. Понимание того, что граждане вкладывают в понятие «Семья России», позволит не только оценить преобразования в стране, но и даст возможность для прогнозирования становления института семьи.

В течение ряда лет мы собирали и анализировали эмпирические данные о восприятии образа российской семьи российскими гражданами, что позволило определить страновую специфику, а также выявить общие тенденции развития сближающих ценностей, интеграционных основ для сотрудничества с другими государствами. Такой объединяющей идеей может выступить институционализация традиционной, многодетной семьи. Целенаправленно формируя позитивный образ семьи, используя возможности управления и коррекции, оказывая регламентирующее влияние на установки, мотивацию поведения людей мы обеспечим устойчивую основу социума.

© V. A. Mishchenko

UDC 316

IMAGE OF THE RUSSIAN FAMILY IN MASS MEDIA*V. A. Mishchenko (Moscow, Russia)*

In the article the author analyze the questions of the status of social institutes in modern society, dependence on mass communication. The author emphasize, that Russia with its special culture and national originality poorly uses fundamental substantiations of the valuable appeal. Peculiar to a modern Russian society social dissociation, loss of valuable orientations are caused by spiritually-moral split, wreck of former system of values.

Keywords: *social institute of family, the Russian family, mass media, national originality, system of values.*

Mishchenko Vladimir Anatolevich – Vice-president, executive director of Fund of Andrey Pervozvannyi and the Center of National Glory.

E-mail: mischenko@fap.ru

© Е. В. Гребенкин, А. А. Гребенкина, В. Хаббергер

УДК 373.3/.5(075.8) + 364.442 + 371 + 316.6

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КОНФЛИКТНОЙ КУЛЬТУРЫ У ПЕДАГОГОВ И ШКОЛЬНИКОВ

Е. В. Гребенкин, А. А. Гребенкина (Новосибирск, Россия),
В. Хаббергер (Нюрнберг, Германия)

Статья посвящена проблеме формирования конфликтной культуры у педагогов и школьников. Анализируется феномен «педагогический конфликт», рассматриваются различные виды конфликтов, факторы, оказывающие влияние на конфликтное поведение учителя, стереотипы разрешения педагогических конфликтов. Определены личностные характеристики педагогов и школьников, препятствующие и способствующие конструктивному разрешению педагогических конфликтов. Отображены необходимые условия разрешения педагогических конфликтов, подчеркивается необходимость профессионального разрешения конфликтов на основе инновационных педагогических технологий.

Ключевые слова: школьная среда, конфликт, конфликтная ситуация, конфликтоген, смысловой барьер, конфликтная культура, стратегия поведения в конфликте, управление конфликтом.

Проблема конфликта всегда привлекала к себе внимание исследователей, поскольку конфликт является постоянным спутником человеческой жизнедеятельности. В современной ситуации конфликтологическая тематика в психолого-педагогической науке развивается наиболее интенсивно. Об этом свидетельствуют и защищенные диссертации, и

опубликованные монографии, и проводимые конференции, мастер-классы.

Одной из наиболее востребованных и обсуждаемых среди школьных педагогов проблем, является проблема конфликтности и агрессивности школьной среды [4–5; 7]. На курсах повышения квалификации и педагогических консилиумах учителя просят показать им наиболее эффективные алгоритмы

Гребенкин Евгений Владимирович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: rusforscher@mail.ru

Гребенкина Анна Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия.

E-mail: annushka_2007@mail.ru

Вольфганг Хаббергер – дипломированный социальный педагог, руководитель школьными проектами, школа Нюрнберга.

E-mail: rusforscher@mail.ru

предупреждения и разрешения конфликтных и криминальных ситуаций. Однако те знания, которые они получают в теории практически невозможно применить на практике. За очень короткий срок, нельзя научить педагога привыкшего к роли судьи, играть роль равноправного и мудрого наставника, особенно, если он сам этого не желает.

В процессе многолетних наблюдений за школьными учителями, установлено, что конфликты с учениками являются одним из ключевых источников стресса и эмоционального выгорания в педагогической деятельности.

Педагоги, имеющие большой педагогический стаж и опыт, отмечают, что современные школьники ведут себя более самоуверенно и вызывающе, чем их предшественники, разговаривают с учителями на равных, а это значит, что с ними приходится обращаться деликатней, проявляя чудеса педагогической эквилибристики при выборе способов реагирования на различного рода провокации.

Исследования, проведенные в школах Германии, показали, что конкуренция в области образования значительно обострилась и уже охватила уровень начальной школы. Связанное со школьной успеваемостью внешнее давление на детей невероятно возросло (особенно в новых федеральных землях Германии). Острая конкуренция без гарантированного вознаграждения является типичным условием для конкуренции и борьбы за лидерство.

Специфика немецкой системы образования такова, что только хорошее или отличное окончание начальной школы служит «входным билетом» в более престижные учебные заведения, т. е. необходимым, но не достаточным условием для хорошей профессиональной карьеры [4].

В российских школах наблюдаются похожие тенденции. По мере усложнения требований и школьных программ, часть детей в силу индивидуальных или социальных причин «остаётся за бортом». Плохая успеваемость, проблемы с родителями, негативное отношение со стороны педагогов и сверстников, приводят подростка к нежеланию учиться, способствует бегству из школы.

Разумеется, проблема конфликтности школьной среды намного острее, чем проблема наличия или отсутствия базовых знаний, и навыков у учителей школ по работе с конфликтами. По мнению большинства педагогов, из всех конфликтов, которые возникают в системе школьного образования, самыми распространенными являются межсубъектные (межличностные) конфликты, следовательно, конкретизация этой субъективной стороны педагогической деятельности дает почву для анализа факторов, под влиянием которых они формируются в образовательных учреждениях.

В настоящее время в педагогической литературе широко обсуждается вопрос о необходимости формирования конфликтной культуры у современного учителя [5–6]. Объективные факторы, вызывающие конфликты в школе были, есть и будут всегда, их, безусловно, нельзя принимать как должное. Тем не менее, проблема возникновения и решения школьных конфликтов возникает вследствие субъективных факторов, то есть неправильно выстраиваемых взаимоотношений между педагогами, учениками и родителями.

Один из ведущих российских конфликтологов А. Я. Анцупов под педагогическим конфликтом определяет конфликт между педагогом (учителем) и учащимися (группой учащихся), объектом которого является учебное задание, правило поведения на занятиях в учебном заведении, а также нравственные

нормы, регулирующие личностные отношения педагога и учеников [2, с.163].

Конфликт в педагогическом процессе – форма проявления противоречий, конструктивное решение которых может способствовать личностному росту конфликтующих сторон [1, с. 12].

Конфликт в школе – совокупность противоречий и действий, вследствие которых причиняется физический или психический вред, ухудшаются межличностные отношения в ученическом или педагогическом коллективах [3, с. 21].

Наиболее часто в школе наблюдаются следующие виды конфликтов:

- конфликты между школьниками;
- конфликты между учащимися, учителями и родителями;
- конфликт учителя с самим собой;
- конфликты с коллегами и школьным руководством [2, с. 15–19].

Ни одна классификация конфликтов не может считаться завершенной и поэтому является относительной и условной. Главная цель любой классификации заключается в рационализации конфликта, а также поиске адекватных способов его объяснения. В общем виде при возникновении конфликтов можно выделить две стороны: объективную и субъективную.

Объективное начало конфликта обусловлено в первую очередь сложной и противоречивой ситуацией, в которой учитель или ученик оказываются против своей воли. Субъективная сторона конфликта связана с тем, что каждый из них (особенно учитель) пытается доказать или навязать свою точку зрения оппоненту. Личная (субъективная) позиция учителя в данном случае является ключевым конфликтогеном.

В психолого-педагогической литературе описываются два наиболее распространенных

способа решения конфликта – это жесткий (противостояние, нацеленное на подчинение оппонента) и гибкий (переговоры с целью достижения компромисса). Практически у всех участников конфликта второй способ его разрешения занесен в «Красную Книгу». Внутри каждой из этих групп и во взаимодействиях групп или их отдельных представителей, как правило, последовательно выбирается жесткий (силовой) вариант, при котором решение конкретной проблемы – не главное: решается на самом деле вопрос: Кто будет владеть преимуществом и диктовать свои условия?

Поскольку возникновение педагогических конфликтов, складывается из разных факторов: «смысловые барьеры», противоречивые и неправильно выстроенные отношения между родителями, учителями и школьниками, объективная оценка учебно-воспитательной деятельности учителя и обучения ученика, должна строиться на изучении способов их взаимодействия.

Бесконфликтное существование в школе – утопия! Более того, в определенных случаях конфликт является ключом открывающим путь к разрешению назревших противоречий, которые мешают нормальному развитию отношений.

К сожалению, не каждая школа имеет в своем педагогическом коллективе специалистов, способных грамотно и компетентно работать с конфликтными ситуациями, нерешенные проблемы в конечном итоге перерастают в затяжные баталии и «военные действия», которые замалчиваются или трансформируются таким образом, что их урегулирование становится возможным исключительно при помощи вышестоящих организаций, сотрудников инспекции по делам несовершеннолетних, прокуратуры, полиции.

Выявление источников социальной напряженности в каждом классе, школе и за

ее пределами позволит снизить временные затраты на их урегулирование и уменьшит вероятность возникновения рецидивов. В нашем сознании конфликт, с одной стороны, ассоциируется с агрессией, глубокими эмоциями, спорами, угрозами и враждебностью. С другой – является отправной точкой для развития самосознания у человека, поскольку в противоречивости конфликтных ситуаций заложены и позитивные моменты, связанные с субъективным осмыслением проблемы и жизненной ситуации.

Школа является зеркалом социальных отношений и реальных процессов происходящих в обществе, в школе дети учатся взаимодействовать с ровесниками и взрослыми. Конфликты необходимо учиться решать в начальной стадии их возникновения, не доводя до перехода в стадию деструктивного конфликта. Отрицательное влияние конфликтов на жизнь ребенка может привести его к социальной изоляции не только в школе, но и после ее окончания. Негативный эмоциональный опыт запоминается намного лучше, чем какие-либо другие события. Именно в процессе работы с негативной информацией проявляются различия школьников в подходах к кризисным ситуациям в обучении и в жизни.

Конструктивное управление конфликтом должно быть направлено на его интегративное разрешение, т.е. на выигрыш всех участников, алгоритм интегративного разрешения состоит в том, чтобы переформулировать предмет конфликта, перейдя от предъявляемых участниками конфликтных позиций к стоящим за ними с большой вероятностью неконфликтным или менее конфликтным интересам.

Каждая педагогическая ситуация уникальна. Стратегию управления конфликтом учитель должен выбирать с точки зрения

оценки последствий развития конфликтной ситуации. У хорошего учителя всегда есть возможность предвидеть начало конфликтной ситуации в классе.

Определяя стратегию поведения в конфликте, учителю следует в первую очередь выяснить причину конфликта, определить цели ученика (или учеников), наметить сферы сближения точек зрения с учащимся, уточнить их поведенческие особенности. При этом важно помнить, что точно так же, как ни один стиль руководства не может быть эффективным во всех без исключения ситуациях, так ни один из стилей разрешения конфликтов (конкуренция, сотрудничество, компромисс, уклонение, приспособление, медиация, конференция) не может быть выделен как самый оптимальный.

Позитивные отношения и максимально уютно оформленные помещения в школе, гибкое расписание уроков не менее важны, чем просто хорошая успеваемость или высокие показатели учащихся по ЕГЭ. У учителей, школьников и родителей должна быть общая цель, которая будет способствовать улучшению психологического микроклимата в школе. Для ее реализации, в первую очередь, необходимо начинать работу со взрослыми, так как именно они являются примером для школьников.

В настоящее время в России объектом педагогического воздействия в основном, являются школьники, а конфликтные учителя и родители остаются вне поля зрения специалистов. Только в случаях рукоприкладства данная проблема приобретает общественный резонанс, но кроме формального обсуждения ничего не происходит. Работа с конфликтами в школе требует специальной подготовки учителей, организации рефлексии их деятельности, педагогических консилиумов по обсуждению коммуникативной этики учителя-

ля, умению слушать и слышать учеников, применению современных воспитательных подходов к ученикам и изучению их менталитета.

В Германии, например, используются разнообразные способы профилактики и урегулирования конфликтов, но, ни один из них не является универсальным. Причина этого заключается в том, что у подростков и взрослых могут быть различные предрасполагающие факторы для совершения действий агрессивной направленности [4]. У конфликтных людей встречаются не один, а несколько вариантов патологий (немотивированная агрессия, истерико-невротические реакции, злоупотребление алкоголем, проблемы в личной жизни и т.п.) которые из-за своей комплексности требуют применения мер комбинированного характера.

Один из ведущих специалистов в области профилактики конфликтов В. Хайтмайер разделяет ее на три основные группы программ: 1) программы ориентированные на педагогов и школьников с ярко выраженными признаками конфликтного поведения; 2) программы, ориентированные на улучшение качества воспитания; 3) программы ориентированные на ближайшее окружение подростка (микросоциум).

Большинство конфликтов, возникающих в школе, формируются в условиях семьи. Пристальное внимание к проблемам школьников без разрешения взрослых конфликтов, приведет к нулевым результатам и диссонансу в отношениях и ценностях, преодолеть который без новых конфликтов будет уже невозможно. Умение грамотно и конструктивно разрешать конфликтные ситуации может и должно стать одним из ведущих навыков у современных педагогов, работающих в современной школе.

Выбор стратегии и тактики работы с педагогами школьниками или родителями во многом зависит от сложившейся обстановки в данном регионе, городе или сельской местности и степени ее общественной опасности. Педагогический коллектив и попечительский совет школы, в целом, должны самостоятельно справляться с нестандартными и конфликтными ситуациями.

Для успешной разрешения данной проблемы необходимо системно работать с педагогическим коллективом и родителями, проводить регулярные семинары и тренинги, приглашать грамотных и неконфликтных специалистов, а также способствовать внедрению медиации и медиативных процедур на территории школы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анцупов А. Я. Профилактика конфликтов в школьном коллективе. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – 208 с.
2. Анцупов А. Я., Баклановский С. В. Конфликтология в схемах и комментариях. – СПб: Питер, 2005. – 288 с.
3. Гребенкин Е. В. Методология изучения конфликтов в отечественной и зарубежной педагогической науке // Философия образования. – 2011. – № 5 – С. 161–166.
4. Гребенкин Е. В., Хаббергер В. Особенности конфликтного поведения младших школьников и школьников подросткового возраста: взгляд из России и Германии // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2012. – № 1(5). – С. 16–24.

5. **Гребенкин Е. В.** Школьная конфликтология для педагогов и родителей. – Ростов н/Д: Феникс, 2013. – 171 с.
6. **Психология: комплексный подход** / М. Айзенк, П. Брайант, Х. Куликэн, и др.; под ред. М. Айзенка; пер. с англ. С. Б. Бенедиктова. – Мн.: Новое знание, 2002. – XVI: пер. с нем. / под ред. Х. Ремшмидта. – М.: Мир, 2000. – 656 с.
7. **Пушкарёва Е.А., Судоргина Л. В.** Культура самоопределения: адаптационные механизмы личности // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2012. – № 4. – С. 80–87.

© E. V. Grebenkin, A. A. Grebenkina, W. Habberger

UDC 373.3/.5 (075.8) + 364.442 + 371 + 316.6

THE PROBLEM OF FORMATION THE CONFLICT CULTURE OF TEACHERS AND PUPILS

*E. V. Grebenkin (Novosibirsk, Russia), A. A. Grebenkina (Novosibirsk, Russia),
W. Habberger (Nuremberg, Germany)*

The article deals with the formation of the conflict culture among teachers and pupils. It analyzes the phenomenon of "pedagogical conflict", discusses various types of conflicts, factors influencing the conflict behavior of the teacher, teaching conflict resolution stereotypes. Defined Personality characteristics of teachers students, contributing to preventing constructive resolution of teachers conflicts are defined. Showing the necessary conditions of pedagogical conflicts resolution, stresses the need for professional conflict resolution based on innovative pedagogical technologies.

Keywords: school environment, conflict, conflict situation konfliktogen, semantic barrier, culture conflict, the strategy of behavior in conflict, conflict management.

REFERENCES

1. **Antsupov A. Y.** Prevention of conflicts in the school community. – M.: humanity. ed. Centre VLADOS 2003. – 208 p.
2. **Antsupov A. Y., Baklanovskiy S. V.** Conflict in diagrams and comments. – SPb.: Peter, 2005. – 288 p.
3. **Grebenkin E. V.** Methodology of the conflicts study in the domestic and foreign pedagogical science // Philosophy education. – 2011. – N 5. – Pp.161–166.
4. **Grebenkin E. V., Habberger W.** Features of disputed behavior of younger pupils and pupils of teenage age: the sight from Russia and Germany // Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin. – 2012. – N 1(5). – C. 16–24.
5. **Grebenkin E. V.** School conflict science for teachers and parents. – Rostov n/D: Phoenix, 2013. – 171 p.
6. **Psychology : an integrated approach / M. Eysenck and others, ed . M. Ayzenka ; Per . from English.** SB Benediktova. – Mn. : New Knowledge, 2002. – XVI: Per .with it. / Ed. H. Remshmidta. – Moskow: Wiley, 2000. – 656 p.
7. **Pushkareva E. A., Sudorgina L. V.** Culture of self-determination: adaptable mechanisms of the person // Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin. – 2012. – № 4. – Pp. 80–87.

Grebenkin Evgeny Vladimirovich – the candidate of pedagogical sciences, the senior lecturer of faculty of pedagogic and psychology, Novosibirsk State Pedagogical University.

E-mail: rusforscher@mail.ru

Grebenkina Anna Aleksandrovna – the candidate of pedagogical sciences, the senior lecturer of faculty of humanitarian and social and economic disciplines, Novosibirsk State architecturally-art academy.

E-mail: annushka_2007@mail.ru

Wolfgang Habberger– dipl social teacher, the head school projects school (dipl. Sozialpädagoge, Scul-sozialpädagoge (Fürth)).

E-mail: rusforscher@mail.ru

© О. А. Латуха

УДК 658

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ БЕНЧМАРКИНГА В ЗДРАВООХРАНЕНИИ

О. А. Латуха (Новосибирск, Россия)

В статье анализируются вопросы применения современных инструментов управления, позволяющих повысить конкурентоспособность организации и совершенствовать качество управления. Бенчмаркинг является одним из инструментов управления, под которым в современной экономической литературе понимают процесс анализа и сравнительной оценки методов, применяемых организацией при осуществлении своих функций. Такой процесс анализа и оценки может проводиться внутри организации путем сравнения работы отдельных сотрудников или подразделений, либо путем сопоставления деятельности и результатов с работой и показателями других организаций.

Ключевые слова: система организации здравоохранения, оценка деятельности, управление, эффективность, качество управления.

В отечественной экономике активно внедряются современные инструменты управления, позволяющие повышать конкурентоспособность организации и совершенствовать качество управления. Бенчмаркинг является одним из инструментов управления, которому в современной экономической литературе уделяется внимание.

Под бенчмаркингом понимают процесс анализа и сравнительной оценки методов, применяемых организацией при осуществлении своих функций. Такой процесс анализа и оценки может проводиться внутри организации путем сравнения работы отдельных сотрудников или подразделений, либо путем сопоставления деятельности и результатов с работой и показателями других организаций. Применение бенчмаркинга

имеет множество направлений. К примеру, бенчмаркинг в логистике позволяет быстро и с малыми затратами выявить проблемы ситуации в логистических системах; бенчмаркинг при разработке стратегий, операций и управленческих функций организации позволяет выявить способы оценки стратегий и цели работы в сравнении с организациями-лидерами.

Возможность применения бенчмаркинга для управления организацией заключается в том, что производственные, маркетинговые и другие функции становятся более управляемыми и результативными, когда организация системно исследует и внедряет лучшие организационные подходы, методы и конкурентные преимущества передовых организаций.

Латуха Ольга Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры организации здравоохранения и общественного здоровья ФПКиППВ, Новосибирский государственный медицинский университет.

E-mail: latuha@mail.ru

Практика мировой экономики показывает, что для достижения организацией конкурентных преимуществ необходимо изучать, знать и использовать опыт своих конкурентов, уже добившихся успехов в различных направлениях деятельности. Конкурентный бенчмаркинг, при котором происходит отказ от соперничества в пользу сотрудничества, можно считать движущей силой в современной экономике. В современных условиях ни одна организация не может адекватно развиваться, не уделяя серьезного внимания изучению сильных черт своих конкурентов, не обучаясь у лучших в своей области. Кроме того, организация может многому научиться у других организаций, применяя методику бенчмаркинга.

Рассмотрим возможности применения бенчмаркинга в системе организации здравоохранения. Системы здравоохранения различных государств имеют много как общих, так и отличительных особенностей. Это накладывает свой отпечаток на путь их развития. Например, в Великобритании работает преимущественно государственная система здравоохранения, в Германии – преимущественно страховая. В нашей стране в 1991 г. произошло лавинообразное наложение государственной и страховой системы здравоохранения при общей тенденции экономического кризиса. Это привело к тому, что отечественная система здравоохранения приобрела свою специфику развития.

Во-первых, значительные размеры территории. Регионы находятся в различных климатических и социально-экономических условиях развития. Различия в финансировании, удаленности от центра, потребности населения в оказании медицинской помощи.

Во-вторых, не развиваются в должном объеме частные медицинские практики. Причиной этому, возможно, является то, что в течение длительного периода существования социалистического строя (около 70 лет) медицинская помощь оказывалась гражданам бесплатно. Кроме того, в период кризиса 1990-х гг., большая часть населения (приблизительно 89 %) оказалась за чертой бедности. В данных условиях развивать частные медицинские практики было просто невозможно. В последнее время, уровень доходов населения увеличился, однако изменение сложившегося фундамента системы здравоохранения, внедрение рыночных механизмов управления происходит медленными темпами.

В-третьих, система организации здравоохранения в различных регионах нашего государства существенно отличается друг от друга. Возможно, это связано с тем, что в период кризисного развития промышленности и мировой торговли, регионы осуществляли политику в области здравоохранения по своему усмотрению и в зависимости от возможностей муниципального бюджета. Так, например, в Красноярском крае, в котором градообразующим предприятием является ОАО горно-металлургический комбинат Норильский никель (крупнейший в мире производитель никеля и палладия, один из крупнейших производителей платины, меди, кобальта, родия, серебра, золота, иридия, рутения, а также селена, теллура и серы), в систему здравоохранения края вкладываются дополнительные инвестиции, поскольку комбинат осуществляет серьезные вливания в бюджет региона. В Астраханской области таких крупных предприятий нет, уровень жизни населения значительно ниже и, соответственно, система здравоохранения

области развивается более медленными темпами. В Новосибирской области, по мнению специалистов, большой процент поступлений финансовых средств в бюджет происходит за счет торговли, и, как следствие, наблюдается развитие в системе здравоохранения большего числа частных медицинских практик.

Таким образом, в России сложилась система организации здравоохранения, полноценного аналога которой в мире не существует. Кроме того, мы привыкли полагать, что система здравоохранения развивается по своим, одной ей присущим законам, отличным от законов других отраслей экономики. Однако, если рассмотреть мировую практику развития инновационных отраслей, то найдем среди них много общих моментов. Инновационная отрасль отличается от любой другой тем, что не может опираться на свой опыт, так как она является новой, но может использовать лучший опыт других отраслей, подстраивая его под себя. В данном контексте необходимо изучить опыт ведущих мировых организаций по применению бенчмаркинга, как инструмента управления, и применить его для развития отечественной системы здравоохранения.

Термин – бенчмаркинг (benchmark) – не новый. Он был введен в экономической литературе в 1970-х гг. Значением слова benchmark является «нечто, обладающее определенным количеством, качеством и способностью быть использованным как стандарт или эталон при сравнении с другими предметами» [1]. По сути, бенчмаркинг – это процесс эталонного сопоставления.

Как инструмент управления бенчмаркинг представляет собой систематическую деятельность, направленную на поиск, оценку и обучение на лучших

примерах развития организации, не зависимо от размера, сферы экономики и территориального положения. Бенчмаркинг является искусством обнаружения того, что другие делают лучше, а также изучения, усовершенствования и применения методов работы других. На первый взгляд, может показаться, что, речь идет о старом методе: деятельность передовых компаний всегда анализировалась и изучалась, лучшее бралось на вооружение. Однако на рубеже 1970-х гг. некоторые корпорации начали развивать теорию, в основу которой было положено сравнение деятельности не только предприятий конкурентов, но и передовых фирм из других отраслей, при этом фирмы стремились количественно измерить различия в управлении предприятиями. Концепция и методы, которые они разработали, позволили сократить затраты, повысить прибыль и оптимизировать динамику структуры и выбор стратегии деятельности предприятия [2].

Бенчмаркинг – это не просто технология сравнения с эталоном, это технология сравнения с лучшим на данном уровне развития определенной системы. Отличительной чертой системы бенчмаркинга от других методик сопоставления с лучшими результатами является то, что сравнение идет не столько с лидерами в данной отрасли, сколько с лучшими организациями, находящимися в похожих условиях существования. Применяя данную методику в здравоохранении, руководителям необходимо ориентироваться не на лучшие показатели работы медицинских организаций в нашей стране и за рубежом, а на лидеров среди организаций здравоохранения одного номенклатурного уровня у себя в регионе или соседних областях. И только достигнув высшего уровня на данном этапе, необходимо

наметить более высокий уровень развития своей деятельности и завоевывать новые позиции, ориентируясь сначала на общероссийский, а потом уже на мировой уровень.

К примеру, возьмем для сравнения показатели работы Центральной районной больницы (ЦРБ), городской больницы и областной больницы. В этих лечебно-профилактических учреждениях различный уровень оснащения медицинским оборудованием, различная возможность оказания платных медицинских услуг (у сельского населения ниже платежеспособность), различный уровень квалификации специалистов. Поэтому, если ЦРБ будет ориентироваться на показатели качества оказания медицинской помощи областной больницы, она, возможно, никогда их не достигнет. Однако у ЦРБ есть возможность ориентироваться на показатели городской больницы и использовать ее опыт в своей деятельности. Соответственно, городская больница может стремиться к показателям областной больницы, областная – ориентироваться на краевую в соседнем регионе, краевая – на деятельность специализированного научно-исследовательского института, НИИ – на деятельность ведущих клиник в России и за рубежом и т.д.

Кроме того, частная медицинская организация может применять в своей работе опыт банковской сферы в вопросах обслуживания населения, опыт предприятий, внедряющих систему менеджмента качества ISO 9000 для повышения качественных результатов работы и т.д.

Эффективный менеджмент с успехом применяется во многих отраслях промышленности и сферы услуг, в т.ч. и в здравоохранении разных стран. Бенчмаркинг позволяет не ставить перед медицинской организацией невыполнимых целей, и, в тоже

время, постоянно повышать ее уровень развития. Другими словами, позволяет развиваться по законам рыночной экономики. Бенчмаркинг может применяться в системе здравоохранения на различных уровнях: от деятельности персонала и отделения, до работы департаментов здравоохранения.

Здравоохранение является социально значимой отраслью. Ее первоочередной задачей является повышение уровня общественного здоровья и здравоохранения. В этом случае бенчмаркинг целесообразно применить в системе повышения качества оказания медицинских услуг населению. Конечно, классическое представление о том, что уровень здоровья населения обусловлен многими факторами, и от организации системы здравоохранения зависит только в 8-10 % [3]. Все же, большинству отечественных ЛПУ явно не хватает четко выработанной стратегии развития в рыночных условиях.

В настоящее время при осуществлении программ модернизации здравоохранения нужны не только спонтанная закупка оборудования и ремонт помещений, который происходит во многих лечебно-профилактических учреждениях фрагментарно, а необходимо, прежде всего, обращать внимание на цели и задачи организации, осуществлять планы стратегического развития, повышать качество медицинских услуг и качество обслуживания населения, разрабатывать отраслевые стандарты и у многих из этих вопросов есть готовое решение, если не в здравоохранении, так в других отраслях. Поэтому, на наш взгляд, применение мирового опыта ведущих производителей и, в частности методики бенчмаркинга, позволит системе здравоохранения уверенно развиваться по выбранной траектории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Michael J.** Spendolini the benchmarking book. – N. Y.: American Management Association, 1992. – 256 p.
2. **Титова В. А., Макаренко О. В.** Бенчмаркинг как инструмент формирования инновационного потенциала предприятия // Инновации. – 2006. – № 7. – С. 101–107.
3. **Медик В. А., Осипов А. М.** Общественное здоровье и здравоохранение: медико-социологический анализ. – М., 2012. – 358 с.

© O. A. Latuha

UDC 658

OPPORTUNITIES OF APPLICATION BENCHMARKING IN PUBLIC HEALTH SERVICES*O. A. Latuha (Novosibirsk, Russia)*

In the article the questions of application of modern tools of the management are analyzed, allowing to raise competitiveness of the organization and to improve quality of management. Benchmarking is one of tools of management as which in the modern economic literature understand process of the analysis and a comparative estimation of the methods applied by the organization at realization of the functions. Such process of the analysis and an estimation can be spent inside of the organization by comparison of work of separate employees or divisions, or by comparison of activity and results to work and parameters of other organizations.

Keywords: *system of the organization of public health services, an estimation of activity, management, efficiency, quality of management.*

REFERENCES

1. **Michael J.** Spendolini the benchmarking book. – N. Y.: American Management Association, 1992. – 256 p.
2. **Titova V. A., Макаренко O. V.** Benchmarking as the tool of formation of innovative potential of the enterprise // Innovations. – 2006. – N 7. – Pp. 101–107.
3. **Medik V. A., Osipov A. M.** Public health and public health services: the medical and sociological analysis. – M., 2012. – 358 p.

Latuha Olga Aleksandrovna – the candidate of economics sciences, the associate professor of faculty of the organization of public health services and public health, Novosibirsk State Medical University.

E-mail: latuha@mail.ru

www.vestnik.nspu.ru

БИОЛОГИЧЕСКИЕ, ХИМИЧЕСКИЕ,
МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

© С. А. Джафарова, А. И. Джафаров

УДК 544.431.7 + 577.32 + 58.04

СВОБОДНОРАДИКАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАГРЯЗНЕНИЯ БИОСФЕРЫ ТЯЖЕЛЫМИ МЕТАЛЛАМИ

С. А. Джафарова, А. И. Джафаров (Баку, Азербайджан)

В работе исследовалось влияние солей различных тяжелых металлов на накопление продуктов ПОЛ в вегетативных органах – корне, стебле и листьях. Исследовано действие солей Cd, Co, Mn, и Mo, растворы которых были введены в питательный растворы, на проростки растений овса и гороха.

Интенсивность ПОЛ оценивалась по изменению содержания гидроперекисей, МДА и по интенсивности хемилюминесценции. Исследования проводились на этиолированных растениях овса и гороха, выращиваемых на питательных растворах. В результате проведенных исследований установлено, что растворы солей кадмия, кобальта, марганца и молибдена внесенные в определенных концентрациях вызывали защитное усиление интенсивности ПОЛ и накопление его продуктов в вегетативных органах. Причем из исследуемых тяжелых металлов более заметное усиление ПОЛ в вегетативных органах вызывали соли кобальта в концентрации 10^{-4} М у обоих исследуемых растений. Кроме того, при действии солей кобальта, по сравнению с другими вегетативными органами, наивысшая интенсивность ПОЛ обнаружена в листьях овса и гороха. Показано, что по сравнению с овсом растение гороха более толерантно к действию тяжелых металлов, судя по величине продуктов ПОЛ.

Ключевые слова: тяжелые металлы, этиолированные растения, ПОЛ, ГП, МДА, ХЛ, вегетативные органы.

В настоящее время биосфера резко загрязнена гербицидами, пестицидами, азот и фосфорорганическими соединениями и, наконец, тяжелыми металлами.

Тяжелые металлы, как супертоксиканты XXI в., попадающие в атмосферу, воду и почву интенсивно мигрируют и поглощаются растительными объектами, после чего вклю-

* Статья подготовлена по результатам работы Международной научно-практической конференции «Свободные радикалы и антиоксиданты в химии, биологии и медицине» (1-4 октября 2013 г.) в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» на 2012–2016 гг.

Джафарова Севиндж Ахверди – кандидат биологических наук, доцент, научный сотрудник, Институт Физики, Национальная Академия наук Азербайджана

E-mail scafarova@yahoo.com

Джафаров Ахверди Исмайыл – доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт Физики, Национальная Академия наук Азербайджана.

E-mail scafarova@yahoo.com

чаются в пищевую цепь живых организмов, оказывая на растения, животных и человека отрицательное влияние, подавляя рост, развитие и снижая урожайность сельхоз культур, оказывают мутагенное, тератогенное и канцерогенное действие, а также «извращают» метаболические процессы в жизненно важных органах [1, 3, 5, 8]. Наиболее важную задачу в проблеме загрязнения биосферы тяжелыми металлами представляет выяснение всех аспектов механизма их действия.

Установлено, что все тяжелые металлы переменной валентности оказывают каталитическую активность на свободнорадикальное окисление липидов с образованием различных радикальных продуктов [2, 4]. Поэтому имеются предпосылки интенсификации свободнорадикального окисления ненасыщенных жирных кислот в составе липидов, как в водной среде, так и в почве и в самом растении при повышенной концентрации в среде тяжелых металлов. Отсюда становится понятным, что для защиты растений от окислительно-деструктивного стресса вызванного действием тяжелых металлов, необходимо изучить особенность динамики накопления продуктов перекисного окисления липидов в разных органах растений с действием различных тяжелых металлов.

Методы

Наши исследования проводились на растениях гороха и овса. Изучалось действие тяжелых металлов (Cd, Co, Mn и Mo),

внесенных в питательные растворы проростков. Изменение интенсивности перекисного окисления липидов (ПОЛ) изучалось в корнях, стеблях и листьях гороха и овса. Об интенсивности ПОЛ судили по изменению содержания гидроперекисей (ГП), МДА и по интенсивности ХЛ. Содержание ГП и МДА определялось методом Asakawa и Matsushita [7]. Интенсивность ХЛ регистрировалась на фотометрической установке с использованием ФЭУ-85

Полученные данные подвергались статистической обработке по методу Ракицкого с определением критерия Фишера Стьюдента.

Результаты и обсуждение

Исследование влияния тяжелых металлов на интенсивность перекисного окисления липидов в органах растений является своевременным ввиду возросшего уровня загрязнения окружающей среды тяжелыми металлами. Как показано в таблицах 1 и 2 у растений овса и гороха в зависимости от способа выдержки в растворах солей тяжелых металлов в исследуемых органах растений (в корнях, стеблях, листьях и семенах) интенсивность накопления гидроперекисей (ГП) и малонилдиальдегида (МДА), а также хемилюминесценции (ХЛ) возрастала, что указывало на возрастание интенсивности ПОЛ в опытных растениях под действием солей тяжелых металлов Cd, Co, Mn и Mo в значительной степени.

Таблица 1

Влияние введения растворов солей тяжелых металлов в питательную среду безхлорофильного растения овса на интенсивность в его органах перекисного окисления липидов (ПОЛ)

Концентрация растворов солей тяжелых металлов, М	Продукты перекисного окисления липидов								
	Гидроперекиси нмоль/мг липид $X_{\pm m, n} = 9$			МДА нмоль/мг белок, $X_{\pm m, n} = 9$			ХЛ имп/10сек $X_{\pm m, n} = 9$		
	корень	стебель	листья	корень	стебель	листья	корень	стебель	листья
Контроль	12,3 $\pm 0,68$	10,4 $\pm 0,61$	5, 1 $\pm 0,28$	11,6 $\pm 0,67$	8,4 \pm 0,46	4, 1 $\pm 0,22$	970 ± 53	54 0 ± 35	31 0 ± 20
Соли кадмия									
$CdSO_4$, 10^{-5} М	14,6 $\pm 0,72$	11,7 $\pm 0,67$	7,14 $\pm 0,39$	14,4 $\pm 0,8$	11,3 $\pm 0,66$	6, 3 $\pm 0,24$	124 0 ± 70	77 0 ± 44	58 0 ± 35
10^{-4} М	21,6 $\pm 1,2$	16,6 $\pm 0,86$	6,9 \pm 0,26	19,5 $\pm 0,9$	14,2 $\pm 0,71$	6, 1 $\pm 0,21$	174 6 ± 98	91 0 ± 48	42 0 ± 25
$CdCl_2$, 10^{-5} М	13,7 $\pm 0,7$	10,1 $\pm 0,66$	8 \pm 0, 44	13,1 $\pm 0,7$	10,2 $\pm 0,56$	6, 1 $\pm 0,23$	117 0 ± 61	70 5 ± 42	55 0 ± 32
10^{-4} М	18,3 $\pm 1,06$	14,8 $\pm 0,82$	6,2 \pm 0,25	16,8 $\pm 0,93$	13,1 $\pm 0,72$	5 \pm 0,27	170 0 ± 94	83 0 ± 46	40 0 ± 36
Соли кобальта									
$CoSO_4 \cdot 7H_2O$, 10^{-5} М	19,1 \pm 1,1	17,3 \pm 0,96	13,4 \pm 0,70	18,7 \pm 11,02	13,5 \pm 0,71	6,9 \pm 0,26	1630 \pm 90	990 \pm 990	605 \pm 30
10^{-4} М	28,4 \pm 1,9	24,44 \pm 1,4	18,36 \pm 1,02	32,9 \pm 1,8	23,1 \pm 1,28	13,9 \pm 0,71	425 \pm 135	1210 \pm 60	1060 \pm 4 0
$CoCl_2 \cdot 6H_2O$, 10^{-5} М	19,9 \pm 1,2	16,9 \pm 0,85	12,9 \pm 0,69	18,9 \pm 1,04	13,1 \pm 0,70	6,8 \pm 0,25	1510 \pm 50	885 \pm 25	610 \pm 30
10^{-4} М	29,9 \pm 1,66	22,1 \pm 1,1	18,7 \pm 1,1	30,8 \pm 1,66	20,7 \pm 1,1	12,1 \pm 12,1	2300 \pm 105	1090 \pm 40	1080 \pm 3 4
Соли марганца									
$MnSO_4 \cdot 5H_2O$ 10^{-4} М	12,9 \pm 0,69	11,1 \pm 0,65	4,810,26	11,9 \pm 0,66	8,1 \pm 0,41	3,9 \pm 0,21	1009 \pm 20	530 \pm 25	310 \pm 20
10^{-3} М	14,1 \pm 0,7	12,3 \pm 0,68	5,6 \pm 0,28	13,4 \pm 0,69	9,8 \pm 0,52	4,2 \pm 0,23	1090 \pm 20	600 \pm 24	610440
10^{-2} М	27,1 \pm 1,4	27,8 \pm 1,54	18,2 \pm 1,06	27,9 $\pm 0,55$	19,6 \pm 1,06	2,3 $\pm 0,68$	1910 \pm 85	1080 \pm 45	1054 \pm 3 0
$MnCl_2 \cdot 4H_2O$ 10^{-4} М	12,2 \pm 0,66	11,3 \pm 0,69	4,9 \pm 0,27	11 \pm 0,65	8 \pm 0,36	4,2 \pm 0,23	990 \pm 40	480 \pm 26	270 \pm 15
10^{-3} М	13,1 \pm 0,72	11,2 \pm 0,64	4,8 \pm 0,4	11,9 \pm 0,64	8,1 \pm 0,42	4 \pm 0,21	1000 \pm 35	510 \pm 25	500 \pm 20
10^{-2} М	23,9 \pm 1,32	22,9 \pm 1,4	16,2 \pm 0,85	21,8 \pm 1,21	16,1 \pm 0,89	12 \pm 0,68	1710 \pm 40	480 \pm 20	900 \pm 30
Соли молибдена									
$Na_2MoO_4 \cdot 2H_2O$ 10^{-5} М	12,8 \pm 0,34	12,4 \pm 0,47	5,2 \pm 0,83	18,5 \pm 1,81	11,9 \pm 0,27	6,1 \pm 0,31	1450 \pm 48	880 \pm 36	510 \pm 41
10^{-4} М	23,6 \pm 1,73	17,4 \pm 0,19	9,9 \pm 0,62	21,7 \pm 3,37	15,4 \pm 0,75	10,7 \pm 0,03	1870 \pm 42	1180 \pm 27	720 \pm 35
$(NH_4)_2Mo_3O_7 \cdot H_2O$, 10^{-5} М	14,1 \pm 0,51	12,6 \pm 0,49	5,2 \pm 0,68	19,5 \pm 0,43	12,7 \pm 0,13	6,9 \pm 0,17	1470 \pm 35	930 \pm 30	520 \pm 24
10^{-3} М	27,5 \pm 1,39	21,5 \pm 1,52	13,6 \pm 0,77	23,7 \pm 1,54	18,7 \pm 1,84	13,1 \pm 0,24	2160 \pm 53	1340 \pm 43	830 \pm 47

Таблица 2

Влияние введения растворов солей тяжелых металлов в питательную среду безхлорофильного гороха на интенсивность накопления продуктов перекисного окисления липидов (ПОЛ) в различных органах растения

Концентрация растворов солей тяжелых металлов, М	Продукты перекисного окисления липидов								
	Гидроперекиси, нмоль/мг липид $X_{\pm m, n} = 9$			МДА нмоль/мг белок, $X_{\pm m, n} = 9$			ХЛ имп/10сек $X_{\pm m, n} = 9$		
	корень	стебель	лист	корень	стебель	лист	корень	стебель	лист
Контроль	16.1±0.89	11.8±0.67	7,3±0.4	24.8±1,3	15.1±0,86	8,2±0.36	1200±40	750±16	400±18
Соли кадмия									
CdSO ₄ , 10 ⁻⁵ М	17.5±0,97	13.6±0,7	10.6±0.7	28,7±0.95	18,4±1,9	11,6±0.64	1460±35	950±21	600±16
10 ⁻⁴ М	25.8±1.38	16.7±0.86	9.1±0.52	38,9±2,2	27,4±1,3	10.2±0,65	1970±40	1200±32	510±18
CdCl ₂ , 10 ⁻⁵ М	16,9±0.9	12.9±0.69	10,2±0.60	27.1±40,9	16.1±0,89	10.48±0,67	1300±30	820±20	540±12
10 ⁻⁴ М	23.6±1,37	15.9±0.76	8.8±0.42	36.7±2.0	25.1±1,2	9.4±0,52	1810±45	1100±28	490±10
Соли кобальта									
CoSO ₄ · 7H ₂ O, 10 ⁻⁵ М	19,4±1.1	16,7±0.78	10,1±0,55	34,9±0,9	14,9±0,75	14.7±0.82	1706±40	1160±26	680±16
10 ⁻⁴ М	35.8±1.4	25.7±1.2	18.98±1.0	43.5±2.4	30.9±1.4	19.8±1.14	2680±55	1700±30	980±22
CoCl ₂ · 6H ₂ O, 10 ⁻⁵ М	18.1±1.06	16.1±0.86	11.1±0,68	35,4±2,0	13,2±0,7	12,1±0,65	1600±30	1080±20	540±12
10 ⁻⁴ М	32.9±1.82	24.2±1,32	16.80±0,85	43.1±2.4	30.2±1,2	18.9±0.95	2490±50	1590±40	805±18
Соли марганца									
MnSO ₄ · 5H ₂ O 10 ⁻⁵ М	17,1±0,95	12.0±0,62	7.70±0,41	37,8±0,96	15,9±0,81	9.1 ±0,46	1900±40	800±18	470±16
10 ⁻⁴ М	19.4±1.1	15.2±0,81	10.1±0,48	37.8±2,0	17,3±0,89	9.9±0.56	1710	910±21	510±15
10 ⁻³ М	33.5±1.86	23.6±1,1	16.6±0,91	39.7±2.1	26.1±1.3	17,6±0,9	24.90±60	1500±25	960±20
MnCl ₂ · 4H ₂ O 10 ⁻⁴ М	16.4±0.86	11,1±0,65	6,1±0,33	24,1±1.3	14,1±0.6	8,1±0,41	1050±28	700±22	409±16
10 ⁻³ М	18.1±1.0	14.6±0.75	9,1±0,55	32.1±1.75	1610.76	8.31±0,41	1610±34	800±20	430±18
10 ⁻² М	31.6±1.75	21.3±1,2	16.6±0.85	37.4±2,01	23.8±1.2	16.1±0.86	2500±40	1340±30	900±22
Соли молибдена									
Na ₂ MoO ₄ · 2H ₂ O 10 ⁻⁵ М	16,6±1.0	13.8±0,71	7,3±0.41	31,7±1,7	18,6±0.9	10,1±0,6	1680±42	1090±24	600±18
10 ⁻⁴ М	27.4±1.4	18,8±1.04	12,1±0.69	34,9±1.8	22,1±1,1	14.8±0.8	2100±44	1390±28	810±24
(NH ₄) ₂ MoO ₇ · H ₂ O, 10 ⁻⁵ М	17.9±0.96	14±0.77	7.4±0.41	32,7±1.6	19,4±1,0	11±0,62	1700±35	1140±25	610±20
10 ⁻⁴ М	31.3±1.61	22.9±1,27	15.8±0.87	36,9±2.1	25.4±1.3	17,2±0,65	2390±55	1550±38	920±25

По результатам исследований, представленных в таблицах 1 и 2 влияние растворов тяжелых металлов на накопление продуктов ПОЛ в корнях, стеблях и листьях, внесенных в питательные растворы у проростков растений гороха и овса, в зависимости от типа тяжелых металлов отличалось.

Соли кадмия (CdSO_4 и CdCl_2) в корнях, стеблях и листьях опытных растений увеличивали концентрацию ГП и МДА и интенсивность ХЛ. Как видно из таблицы соли CdSO_4 оказывали более сильное влияние на изменение интенсивности ПОЛ, чем соли CdCl_2 . Это связано с тем, что CdSO_4 лучше всасывается корневой системой, чем CdCl_2 [6].

Кроме того, соли Cd у исследованных растений в большей степени увеличивали концентрацию ГП и МДА, а также интенсивность ХЛ в тканях корневой системы и стеблей. Так, при добавлении в питательную смесь для этиолированных растений овса в концентрации 10^{-4} М CdSO_4 , в корнях количество гидроперекисей по сравнению с контролем возрастало в 1.75 раза, в листьях в 1.35 раза; количество МДА увеличивалось в корнях по сравнению с контролем в 1.7 раза, в листьях – 1.5. У аналогично обработанных растений гороха в корнях в 1.6, в листьях в 1.24 раза наблюдалось увеличение ГП. Интересно что, при применении солей кадмия в концентрации 10^{-4} М накопление ГП и МДА в листьях наблюдалось в меньшей степени, чем при концентрации 10^{-5} М. Среди исследованных нами растений влияние солей кадмия на процесс перекисного окисления липидов более заметным оказалось у растения овса. Как видно из таблицы 1, после обработки солями кадмия содержание ГП у овса

возрастает в корнях в 1.75 раза, в стеблях – 1.59 и в листьях – 1.35 раза; у гороха – 1.6, 1.4 и 1.24 раза, в тех же органах соответственно.

На фоне наблюдаемого увеличения количества ГП в исследованных органах у различных растений также отмечалось возрастание накопления МДА. Например, при добавлении CdSO_4 в концентрации 10^{-4} М в питательную смесь для этиолированных растений овса, количество МДА увеличивалось по сравнению с контролем в корнях – 1,68 раз, в стеблях – 1,69 раз и в листьях – 1,48; у гороха в корнях – 1,57 раз, в стеблях – 1,8 раза, в листьях – 1,24 раза.

Как отмечалось ранее, нами было выявлено, что наиболее чувствительным на влияние солей кадмия оказался овес, после него следовал горох и, наименее чувствительной была кукуруза, о чем судили по изменению интенсивности накопления продуктов ПОЛ в различных органах растений – в листьях, корнях и стеблях.

Соли кобальта (Co) также увеличивают интенсивность ПОЛ. В органах растений таблица 1 и 2 намного значительнее, чем соли кадмия. Особенности влияния солей кобальта на процесс ПОЛ подробно изложены ниже:

Соли Co увеличивали ПОЛ во всех изучаемых растениях значительнее в листьях по сравнению с другими органами. Например, после выдержки этиолированного растения овса в растворе CoSO_4 с концентрацией 10^{-4} М количество ГП возрастало в корне в 2.3 раза, стеблях – 2.35 раз и в листьях – 3.6 раза. Такая же картина наблюдалась и в изменении содержания МДА. В таблице видно что в корне количество МДА возрастало в 2.83 раза, в стеблях – 2.75 раз, в листьях оно выросло в 3.4 раза.

Возрастание накопления продуктов ПОЛ под влиянием солей кобальта по сравнению овсом, у растения гороха наблюдалось в меньшей мере. Так, в корнях у обработанного гороха количество ГП было выше в 2.22, в стеблях – 2.18, и в листьях – 2.6 раза, чем в контроле. Соли кобальта оказывали такое же влияние на изменение содержания МДА у другого исследованного растения.

Среди тяжелых металлов соли марганца также влияли на ПОЛ у растений гороха и овса. Рассмотрение влияния различных концентраций $MnSO_4$, $MnCl_2$, позволило установить, что у всех изучаемых растений соли Mn в концентрации 10^{-4} М не оказывали значительного влияния на процесс ПОЛ и интенсивность ХЛ, как видно из таблиц 1 и 2. Влияние же солей марганца в концентрации 10^{-2} М на процесс ПОЛ в исследованных растениях выглядело, как показано ниже:

а) после выдержки в солях Mn ($MnSO_4$ и $MnCl_2$) накопление ГП и МДА в листьях, по сравнению с корнями и стеблем, было значительнее. Например, у этиолированного растения овса по сравнению с контролем влияние $MnSO_4$ в концентрации 10^{-2} М вызвало увеличение накопление ГП в корне – 2.2 раза, в стеблях – 2.67 и в листьях – 3.57 раза. Количество МДА в корнях – 2.4 раза, в стеблях – 2.3, в листьях – 3 раза также возрастало по сравнению с контролем. Интенсивность ХЛ в тканях у овса: в корнях – 1.96 раза, в стеблях – 2 раза, в листьях – 3.4 раза – по сравнению с контролем увеличивалась;

б) если сравнить изменение процесса ПОЛ во всех изучаемых растениях после

выдержки в солях Mn, то можно заметить, что наиболее интенсивно происходит накопление продуктов ПОЛ у овса.

Соли молибдена, как соли других тяжелых металлов, также увеличивали интенсивность ПОЛ у исследованных растений овса, гороха. Однако, надо отметить, что среди солей молибдена натрий молибдат (Na_2MoO_4) по сравнению с Co и Mn оказывал незначительное влияние на интенсивность ПОЛ. Это объясняется тем, что в этом соединении молибден, будучи 6-ти валентным, не является донором, тогда, как в тетрамолибдате аммония $(NH_4)_4Mo_3O_7$ 4-х валентный молибден у растений гороха и овса в значительной степени увеличивает содержание ГП и МДА, а также и интенсивность ХЛ в таких вегетативных органах растений, как корень, стебель и лист.

Таким образом, обобщая результаты исследования, можно прийти к следующему заключению: при выдержке этиолированных растений в растворах солей тяжелых металлов, они в значительной мере увеличивают интенсивность ПОЛ в вегетативных органах растений: в корне, стебле и листе. Среди изучаемых тяжелых металлов, соли Co значительнее всех остальных влияют на ПОЛ растений. После применения растворов солей кадмия, в изучаемых растениях, продукты ПОЛ меньше всего накапливались в листьях. При применении солей Co и Mn наибольшее накопление продукты ПОЛ отмечалось в листьях овса и гороха, кроме того, среди всех исследованных растений проростки гороха оказались наиболее толерантными к действию тяжелых металлов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башмаков Д. И., Лукашкин А. С. Аккумуляция тяжелых металлов некоторыми высшими растениями в разных условиях местообитания // *Агрохимия*. – 2002. – № 9. – С. 66–71.
2. Кислицин А. Н., Клабукова И. Н., Трофимов А. Н. О химизме жидкофазного окисления α -пинена кислородом воздуха // *Химия растительного сырья*. – 2004. – № 3. – С. 109–116.
3. Козначенко В. И., Пашин Ю. В., Соболева Л. С., Сальникова Л. Е. Изучение мутагенного действия хлористого кадмия на млекопитающих // *Биологические науки*, 1987. – № 11. – С. 102–105.
4. Мерзляк М. Н., Юферова С. Г. Окисление липидных компонентов в изолированных хлоропластах под действием света // *Физиология растений*. – Т. 22. – С. 896–902.
5. Минеев В. Г., Анциферова Е. Ю, Большева Т. Н., Касатиков В. А. Распределение кадмия и свинца в профиле дерновоподзолистой почвы при длительном удобрении ее осадками сточных вод // *Агрохимия*. – 2003. – № 1. – С. 45–49.
6. Степанюк В. В. Влияние соединений кадмия на урожай и элементный состав сельскохозяйственных культур // *Агрохимия*. – 1998. – № 6. – С. 74–79.
7. Asakawa Matsushita Colonring conditions of thiobarbituric and test for detecting lipid hydroperoxides // *Lipids*. – 1980. – Vol. 15. – № 3. – Pp. 137–140.
8. Singh O. V., Pandey R. et. al. Phytoremediation an overview of metallic ion decontamination from soil // *Applied Microbiol Biotech.* – 2003. – № 61. – Pp. 405–412.

© S. A. Jafarova, A. I. Jafarov

UDC 544.431.7 + 577.32 + 58.04

FREE RADICAL ASPECTS OF HEAVY METAL POLLUTION OF THE BIOSPHERE

S. A. Jafarova, A. I. Jafarov (Baku, Azerbaijan)

In this paper we investigate the effect of different salts of heavy metals on the accumulation of lipid peroxidation products in the vegetative organs (roots, stems and leaves). Effects of salts Cd, Co, Mn, and Mo were investigated on based on introduced its salts in the nutrient solution in seedlings of oats and peas.

Lipid peroxidation was assessed by changes in the content of hydroperoxides, MDA and intensity of chemiluminescence. Studies were conducted on etiolated plants oats and peas grown in nutrient solutions. The studies found that solutions of salts of cadmium, cobalt, manganese and molybdenum made in certain concentrations induced protective intensification of lipid peroxidation products, and its accumulation in vegetative organs. Cobalt salts at a concentration of 10^{-4} M caused the most noticeable increase in lipid peroxidation in vegetative organs of plants. Furthermore, the highest intensity of lipid peroxidation is found in the leaves oats and pea at action cobalt salts. It is shown that the pea plant more tolerant to heavy metals, according to the magnitude of lipid peroxidation products.

Keywords: heavy metals, etiolated plants, lipid peroxidation, glutathione peroxidase, MDA, chemiluminescence, vegetative organs.

REFERENCES

1. **Bashmakov V. I., Lukashin A. S.** Accumulation of heavy metals by some higher plants in different habitat conditions // Agrochemistry. – 2002. – N 9. – Pp. 66–71.
2. **Kislitsin A. N., Klabukova I. N., Trofimov A. N.** On the chemistry of the liquid phase oxidation of α -pinene air oxygen // Chemistry of plant raw materials. – 2004. – N 3. – Pp. 109–116.
3. **Koznachenko V. I., Pashin Yu. V., Soboleva L. S., Sal'nikova L. E.** Study of the mutagenic action of cadmium chloride in mammals // Biological Sciences. – 1987. – N 11. – Pp. 102–105.
4. **Merzlyak M. N., Yuferova S. G.** The oxidation of lipid components in isolated chloroplasts by light // Vegetable Physiology, Vol 22. – Pp. 896–902.
5. **Mineev V. G., Antsiferova E. Yu., Bolysheva T. N., Kasatkov V. A.** Distribution of cadmium and lead in the profile of sod-podzolic soil during prolonged fertilizer its sewage sludge // Agrochemistry. – 2003. – N 1. – Pp. 45–49.
6. **Stepanjuk V. V.** Effect of cadmium compounds on the yield and elemental composition of crops // Agrochemistry. – 1998. – N 6. – Pp. 74–79.
7. **Asakawa Matsushita** Colonring conditions of thiobarbituric and test for detecting lipid hydroperoxides / Lipids. – 1980. – Vol. 15. – N 3. – Pp. 137–140.

8. **Singh O. V., Pandey R. et.al.** Phytoremediation an overview of metallic ion decontamination from soil / Applied Microbiol Biotech. – 2003. – N 61. – Pp. 405–412.

Jafarova S. A. – PhD, Docent, Research Associate of Institute of Physics, Azerbaijan National Academy of Sciences.

E-mail scafarova@yahoo.com

Jafarov A. I. – Doctor of Biological Sciences, Professor, Leading Researcher of Institute of Physics, Azerbaijan National Academy of Sciences.

E-mail scafarova@yahoo.com

© Т. М. Гусейнов, Р. Т. Гулиева, Ф. Р. Яхъяева, Э. Д. Багирова

УДК 618.2 + 576.32 + 576.36

ПЕРОКСИДАЗНАЯ АКТИВНОСТЬ ГЕМОГЛОБИНА (В ПРИСУТСТВИИ GSH) В ЛИЗАТАХ ЭРИТРОЦИТОВ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН С Г-6-ФД ДЕФИЦИТОМ ПРИ ВОЗДЕЙСТВИИ ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ПОЛЯ ВЫСОКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ*

Т. М. Гусейнов, Р. Т. Гулиева, Ф. Р. Яхъяева, Э. Д. Багирова (Баку, Азербайджан)

Результаты наших экспериментов показали, что эритроциты здоровых беременных женщин оказались более устойчивыми к воздействию электрического поля высокой напряженности, чем эритроциты женщин с патологией глюкозо-6-фосфатдегидрогеназы. В связи с интенсивным расходом селена в течение беременности, эритроциты женщин на поздних сроках беременности более устойчивы к индуцированному окислению, чем эритроциты беременных женщин, носителей гена недостаточности энзима глюкозо-6-фосфатдегидрогеназы.

Ключевые слова: электрические поля высокой напряженности, селен, глутатионпероксидаза, глюкозо-6-фосфатдегидрогеназа, гемолиз, метгемоглобин, перекисное окисление липидов.

Ранее было показано, что физиологическое уменьшение насыщенности селеном эритроцитов и гемоглобиновых фракций лизатов эритроцитов в ходе беременности женщин приводит к ослаблению резистентности

гемоглобина к индуцированному фотоокислению. Также был установлен факт снижения не только активности глутатионпероксидазы (ГП), но и пероксидазной активности самого гемоглобина в лизатах эритроцитов [1].

* Статья подготовлена по результатам работы Международной научно-практической конференции «Свободные радикалы и антиоксиданты в химии, биологии и медицине» (1-4 октября 2013 г.) в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» на 2012–2016 гг.

Гусейнов Токай Магеррам – доктор биологических наук, заведующий лабораторией экологической биофизики, институт физики, Национальная Академия наук Азербайджана.

E-mail: thuseynov@physics.ab.az

Гулиева Ругия Таирага – научный сотрудник, институт физики, Национальная Академия наук Азербайджана.

E-mail: ruhiyya.guliyeva@yahoo.com

Яхъяева Флорида Радик – научный сотрудник, Институт Физики, Национальная Академия наук Азербайджана.

E-mail: flora_yahya@mail.ru

Багирова Эльмира Джавадхан – старший научный сотрудник, Институт Акушерства и Гинекологии.

E-mail: s.axundova@mail.ru

В другой работе было установлено, что малые дозы воздействия электрического поля высокой напряженности (до 30 кВ/м, 5 час. эксп.) приводят к повышению активности ГП, а большие дозы (более 50 кВ/м, 5 час. эксп.) к подавлению ГП активности, окислительной модификации гемоглобина (накопление метгемоглобина), ускорению процесса гемолиза, накоплению продуктов реагирующих с тиобарбитуровой кислотой [2]. Однако вопрос о влиянии высоких доз воздействия электрических полей на пероксидазную активность гемоглобина (в присутствии GSH) не рассматривался.

Кроме того, нам представляется интересным рассмотрение влияния электрического поля высокой напряженности (ЭПВН) на изменение активности глутатионпероксидазы и показателей окислительной модификации гемоглобина и эритроцитов беременных женщин, носителей гена недостаточности фермента глюкозо-6-фосфатдегидрогеназы (Г-6-ФД). Это важно по двум причинам. Во-первых, эта патология широко распространена в Азербайджане. Во-вторых, при этой патологии имеет место не только активация перекисного окисления липидов (ПОЛ) мембран эритроцитов и склонность к гемолизу, но и нарушение сопряженного с углеводным обменом метаболизма селенфермента ГП, важного эритроцитарного антиоксидантного (АО) фактора защиты гемоглобина и эритроцитов от окислительной деструкции.

Целью настоящей работы является установление возможной связи между содержанием селена в гемоглобине и пероксидазной активностью гемоглобина при воздействии электрического поля высокой напряженности на лизаты эритроцитов беременных женщин на начальных и поздних сроках бе-

ременности, как в норме, так и у носителей дефицита гена Г-6-ФД.

Материалы и методы.

Исследовали донорскую кровь женщин-волонтеров детородного возраста (n=30), кровь носителей дефицита фермента Г-6-ФД (n=32), беременных женщин (n=28) (начальные (n=18) и поздние (n=10) сроки беременности) и женщин носителей гена дефицита Г-6-ФД (n=16) (начальные (n=8) и поздние (n=8) сроки беременности). Волонтеры и беременные женщины не получали витаминно-минеральные комплексы, способные повлиять на уровень селена в крови.

Компоненты крови выделяли стандартным методом центрифугирования [3]. Получение гемоглобиновых фракций осуществляли гель-хроматографическим способом, как описано в ранних публикациях [1].

Накопление метгемоглобина (MetHb) оценивали по полуэмпирическим формулам предложенным Szebeni J. et al. [4]. Активность глутатионпероксидазы в лизатах эритроцитов определяли по методу Моина [5]. Содержание селена в исследуемых образцах (лизаты эритроцитов и др.) определяли флуориметрически с применением специфического селенчувствительного реагента – 2,3'-диаминонафталина [6]. Интенсивность окислительных процессов оценивали по накоплению продуктов реагирующих с тиобарбитуровой кислотой (ТБК) [7]. Содержание гемоглобина в лизатах и элюатах определяли стандартным цианметгемоглобиновым методом [8]. Отмытые суспензии эритроцитов разделялись на две части: контрольные и опытные, подвергаемые влиянию электрического поля промышленной частоты высокой напряженности (50 кВ/м, 8 час. экспозиция), в которых определяли содержание селена и активность фермента ГП. Опыты проведены в

трехкратной повторности. Статистическая обработка осуществлялась с применением t-критерия Стьюдента [9].

Результаты и их обсуждение.

Ранее нами было установлено, что содержание селена в лизатах эритроцитов у беременных женщин на начальных сроках беременности близко к контрольному уровню, но на поздних сроках беременности уменьшается в $\approx 1,7$ -2 раза. Активность ГП в лизатах эритроцитов у беременных женщин на начальных сроках беременности составляет $\approx 285 \pm 20$ мкМоль GSH/мин на г Hb, а на поздних сроках беременности глутатионпероксидазная активность лизатов эритроцитов уменьшается на ≈ 20 % [1].

В настоящей работе было выявлено, что содержание селена в лизатах эритроцитов у беременных женщин на начальных сроках беременности составляет $0,090 \pm 0,026$ мкг/мл, а к концу срока беременности уменьшается в $\approx 1,7$ раза, что касается активности ГП, то она на начальных сроках беременности равно $\approx 380 \pm 25$ мкМоль GSH/мин на г Hb, но к концу срока беременности изменяется незначительно (≈ 15 %). У беременных женщин носителей гена дефицита Г-6-ФД содержание селена в лизатах эритроцитов уменьшается на ≈ 20 %, в сравнении со здоровыми женщинами, а активность ГП в лизатах эритроцитов в течение беременности уменьшается на 30-50 % по сравнению с контролем (волонтеры и нормально беременные женщины) (табл. 1).

Таблица 1

Содержание селена и активность ГП энзима в лизатах эритроцитов женщин в норме и в различные сроки беременности

	Лизаты эритроцитов	
	Se, мкг/мл	ГП, мкМоль GSH/мин на 1г Hb
Доноры	$0,093 \pm 0,027$	
Беременные женщины (нач. срок берем.)	$0,090 \pm 0,026$	380 ± 25
Беременные женщины (позд. срок берем.)	$0,053 \pm 0,021$	323 ± 21
Беременные женщины носители гена дефицита Г-6-ФД (нач. срок берем.)	$0,075 \pm 0,020$	286 ± 23
Беременные женщины носители гена дефицита Г-6-ФД (позд. срок берем.)	$0,045 \pm 0,022$	232 ± 20

При воздействии электрического поля высокой напряженности (50 кВ/м, 8 час. экспозиция) оказалось, что эритроциты у беременных женщин на поздних сроках беременности менее устойчивы к индуцированному

полем окислению, чем контрольные образцы, и у беременных женщин в случае дефицита Г-6-ФД это свойство еще более выражено. Так, накопление активных продуктов реагирующих с ТБК в рассмотренных образцах, и

особенно для случая дефицита энзима Г-6-ФД, а также у беременных женщин на позд-

них сроках беременности увеличивается в 1,5-2 раза (рис. 1 а, б).

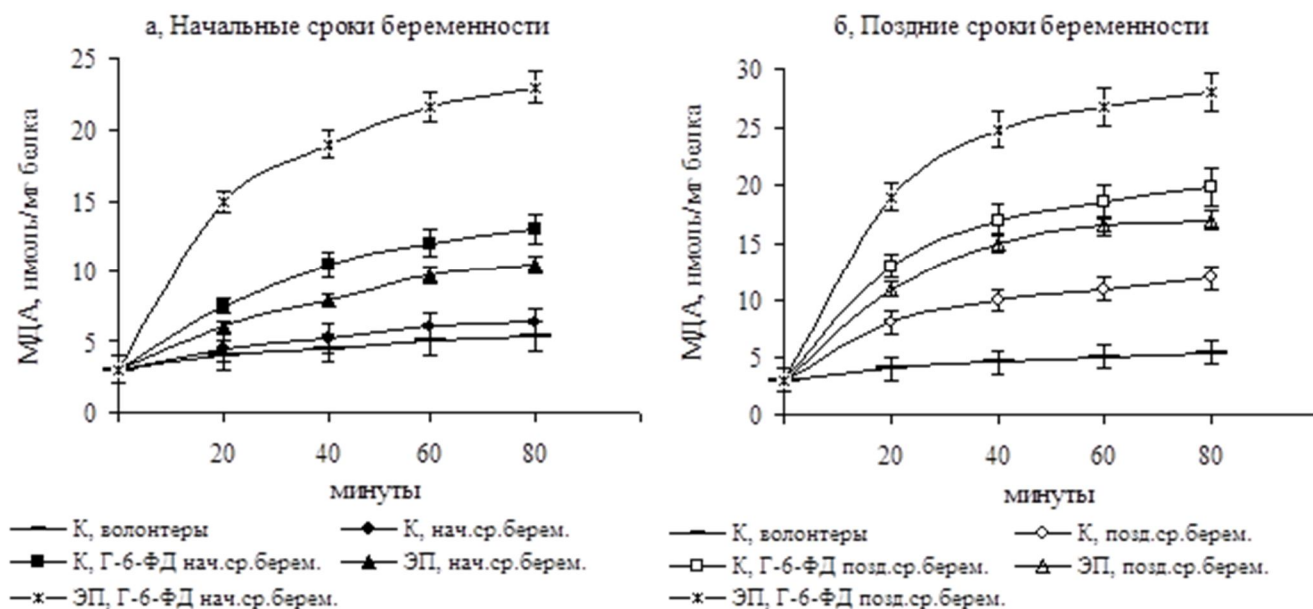

Рис. 1 (а, б) Кинетика накопления ТБК активных продуктов в суспензии эритроцитов нормально беременных женщин и женщин носителей гена дефицита Г-6-ФД при воздействии электрического поля (модель аскорбатзависимого ПОЛ: 10^{-4} М FeSO_4 + 10^{-4} М аскорбиновая кислота + 2 мл суспензии эритроцитов, 25°C) (К – контроль; ЭП – электрическое поле)

Сравнивая кривые накопления метгемоглобина и гемолиза при воздействии электрического поля пришли к выводу, что кривая накопления MetHb имеет более крутую характеристику, что косвенно свидетельствует о том, что окислительная деградация эритроцитов начинается с окисления самого гемоглобина. Наибольшую склонность к окислению проявляют эритроциты (как сам гемоглобин, так и мембранные структуры) с дефицитом энзима Г-6-ФД, беременных жен-

щин на поздних сроках беременности, как нормальных, так и носителей патологических генов Г-6-ФД (рис. 2 а, б).

Для установления возможной связи между содержанием селена в гемоглобиновой фракции и ее пероксидазной активностью произведено гель-хроматографическое разделение селенопротеиновых фракций в лизатах у женщин на начальных и поздних сроках беременности без и с патологией Г-6-ФД.

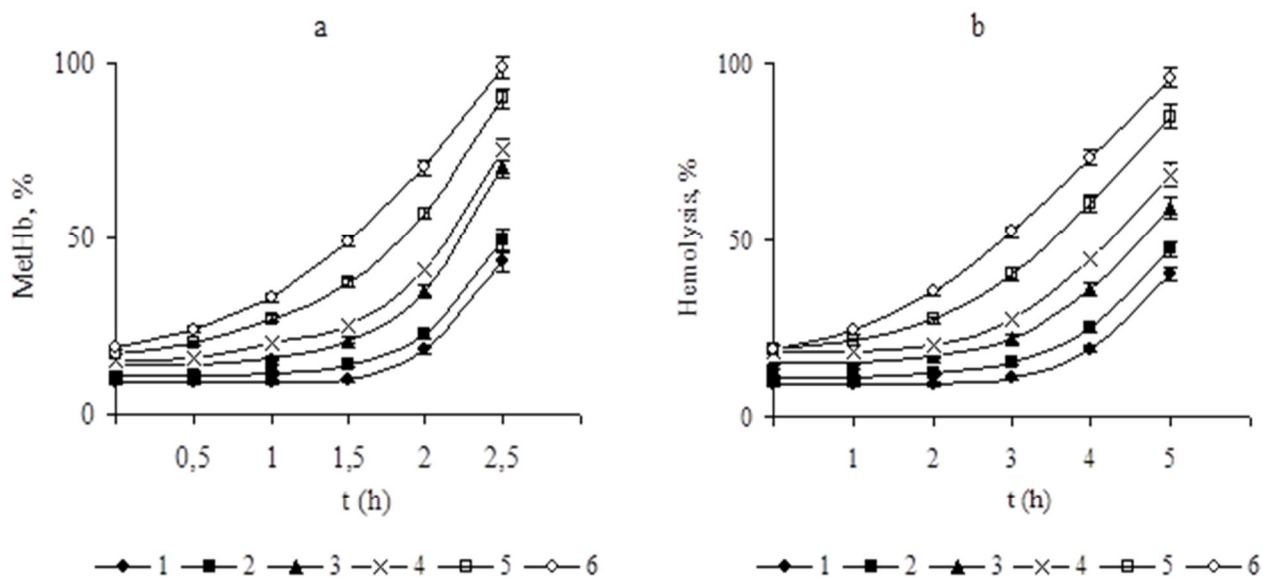

Рис. 2 (а, б) Накопление MetHb и гемоллиз в суспензии эритроцитов при воздействии электрического поля (50 кВ/м, 5 час. эксп.)
 1 – контроль; 2 – начальный срок беременности; 3 – контроль-Г-6-ФД; 4 – поздний срок беременности; 5 – Г-6-ФД нач. ср. берем.; 6 – Г-6-ФД позд. ср. берем.

Сравнительное рассмотрение распределения содержания селена, активности ГП (в том числе и квази-ГП) лизатов эритроцитов у женщин на начальных и поздних сроках беременности показывает (табл. 2), что в ходе беременности происходит некоторое снижение содержания селена и активности ГП, как в неокрашенных (содержащих ГП) фракциях, так и окрашенных (содержащих гемоглобин) фракциях. Однако уменьшение содержания селена и активности ГП в неокрашенных фракциях незначительно ($\approx 10\%$), в окрашенных фракциях содержание селена падает в ≈ 2 раза, а пероксидазная активность гемоглобина в присутствии глутатиона падает на $\approx 45\%$. Для случая беременных женщин с патологией Г-6-ФД было установлено, что содержание селена и активности ГП в неокрашенных фракциях падает $\approx 8\%$ и 40% соответственно, в окрашенных фракциях содержание селена падает в $\approx 2,2$ раза, а перок-

сидазная активность гемоглобина в присутствии глутатиона падает на $\approx 60\%$. Это очевидно связано с тем, что в лизатах гемоглобин составляет более 95% общего протеина, в то время как содержание белка в неокрашенных фракциях очень низко ($\approx 0,01 - 0,05$ мг/мл), а в окрашенных фракциях содержание гемоглобина максимально.

Данные представленные в таблице 2 показывают, что при воздействии ЭПВН наблюдается снижение содержания селена и активности ГП, как в неокрашенных, так и окрашенных фракциях в обоих случаях (т.е. беременные женщины без и с патологией Г-6-ФД). В обоих случаях это уменьшение более заметно для лизатов эритроцитов у женщин на поздних сроках беременности по сравнению с начальными сроками беременности. Сопоставление содержания селена в гел-хроматографических профилях, не подвергнутых и подвергнутых влиянию ЭПВН, эрит-

роцитарных лизатов показывает, что деструктивное окисление лизатов эритроцитов обуславливает определенную миграцию селена из нижних окрашенных фракций в верхние, т.е. окислительная деградация гемоглобина сопровождается его олигомерной фрагментацией.

Сравнивая изменения в спектре гель-хроматографических показателей лизатов эритроцитов у женщин на начальных и поздних сроках беременности, нетрудно заметить, что влияние ЭПВН на лизаты эритроцитов у женщин на поздних сроках беременности

приводит к большим сдвигам в показателях, чем для лизатов эритроцитов у женщин на начальных сроках беременности, т.е. имеет место большее снижение ГП активности, как самого ГП энзима, так и гемоглобина (квази-ГП), и по олигомерной фрагментации гемоглобина, прослеживается миграция селена из нижних зон в верхние. Для случая беременных женщин с патологией Г-6-ФД, учитывая, что изначально содержание селена и активность ГП были низкими по сравнению с нормально беременными женщинами, наблюдается еще больший сдвиг в показателях.

Таблица 2

Удельное содержание селена (мкг/ на г Hb) и активность ГП (мкмоль GSH/мин на г Hb) в гель-хроматографических фракциях лизатов эритроцитов у женщин на н.с.б. и п.с.б.

Лизаты эритроцитов беременных женщин (n=4)	Фракции							
	1-5 неокрашенные		6-7 окрашенные		8-10 окрашенные		11-12 окрашенные	
	ГП	Se	ГП	Se	ГП	Se	ГП	Se
Нач.ср.берем	574±20	1,76±0,09	83±8	0,185±0,014	138±10	0,136±0,013	следы	следы
Позд.ср.берем	517±15	1,62±0,08	75±5	0,147±0,012	124±12	0,083±0,015	следы	следы
Г-6-ФД Нач.ср.берем.	478±22	1,50±0,07	76±8	0,158±0,013	126±10	0,116±0,014	следы	следы
Г-6-ФД Позд.ср.берем.	356±21	1,43±0,06	53±6	0,122±0,007	96±12	0,074±0,006	следы	следы
После воздействия ЭПВН (50 кВ/м, 8 час. эксп.)								
Нач.ср.берем	345±20	1,27±0,05	33±7	0,134±0,012	56±10	0,063±0,008	следы	следы
Позд.ср.берем	310±14	1,10±0,04	30±4	0,093±0,010	50±12	0,047±0,007	следы	следы
Г-6-ФД Нач.ср.берем.	317±24	1,08±0,08	16±7	0,112±0,008	23±10	0,051±0,007	следы	следы
Г-6-ФД Позд.ср.берем.	285±22	0,96±0,05	12±4	0,071±0,007	46±12	0,036±0,005	следы	следы

Таким образом, мы можем заключить, что повреждающий окислительный эффект ЭПВН для гемоглобина более выражен для

лизатов эритроцитов у женщин на поздних сроках беременности, которые обладают более сниженным АО статусом и содержанием

селена, чем лизаты эритроцитов у женщин на начальных сроках беременности. Кроме того, в лизате эритроцитов, при длительной экспозиции в ЭПВН, происходит угнетение пероксидазной активности, как самого ГП энзима, так и гемоглобина. Потеря пероксидазной активности гемоглобина является следствием окислительной деструкции гемоглобина. Эти процессы более заметны для случая лизатов эритроцитов у беременных женщин с патологией Г-6-ФД, обладающих меньшим про-воокислительным потенциалом по сравнению с нормально обеспеченными.

Таким образом, в рамках данной работы показано, что несмотря на значительное уменьшение содержания селена в лизатах эритроцитов у беременных женщин в обоих случаях, как на начальных, так и поздних сроках беременности, активность истинного ГП энзима падает незначительно, в то время как пероксидазная активность гемоглобина угнетается существенно, что свидетельствует об определенной связи между содержанием селена в гемоглобиновых фракциях и пероксидазной активностью гемоглобина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусейнов Т. М., Яхьяева Ф. Р., Гулиева Р. Т. Влияние селена на устойчивость гемоглобина к фотоокислительным процессам // Украинский биохимический журнал, 2012. – т. 84, № 2. – С. 53–60.
2. Huseynov T. M., Quliyeva R. T., Dadashov M. Z., Bagirova E. J., Mamedova T. A., Yakhyayeva F. R. Oxidative stability of red blood cells with different saturation with selenium to the effects of power frequency electric field / The Eight International Conference on Technical and Physical Problems in Power engineering. – Fredrikstad, Norway, 2012. – 5–7 September. – Pp. 431–434.
3. Dodge J. T., Mitchell C., Hanahas D. J. The preparation and chemical characteristics of hemoglobin-free ghosts of human erythrocytes // Arch. Biochem. Biophys. Acta. – 1963. – Vol. 100. – Pp. 119–130.
4. Szebeni J., Winterbourn C. C., Carrell R. W. Oxidative interactions between haemoglobin and membrane lipid. A liposome model // Biochem. J., 1984. – Vol. 220. – № 3. – Pp. 685–692.
5. Моин В. М. Простой специфический метод определения активности глутатионпероксидазы в эритроцитах // Лаб. дело, 1986. – № 12. – С. 724–727.
6. Назаренко И. И., Кислова И. В., Гусейнов Т. М. и др. Флуориметрическое определение селена 2,3-диаминонафталином в биологических материалах // Аналит. химия, 1975. – № 4. – С. 733–738.
7. Mengel C. F., Kann H. E. Effect of in vivo hyperoxid of erythrocytes, III in vivo peroxidation of erythrocytes lipid / J. Nutr. Chemical Invest., 1966. – Vol. 45. – Pp. 1150–1159.
8. Eilers R. J. // Am. J. Clin. Pathol., 1967. – Vol. 47. – Pp. 212–214.
9. Худсон Д. Ж. Статистика для физиков. – М.: Изд. «Мир», 1990. – 242 с.

© T. M. Huseynov, R. T. Guliyeva, F. R. Yahyaeva, E. D. Bagirova

UDC 618.2 + 576.32 + 576.36

PEROXIDASE ACTIVITY OF HEMOGLOBIN (IN THE PRESENCE OF GSH) IN LYSATES OF ERYTHROCYTES PREGNANT WOMEN WITH G-6-PD DEFICIENCY ON EXPOSURE HIGH ELECTRIC FIELD

T. M. Huseynov, R. T. Guliyeva, F. R. Yahyaeva, E. D. Bagirova (Baku, Azerbaijan)

The results of our experiments showed that the red blood cells healthy pregnant women were more resistant to the effects of high electric field than the red blood cells of women with disorders of glucose-6-phosphate dehydrogenase. Due to the intensive consumption of selenium during pregnancy, erythrocytes women in late pregnancy are more resistant to induced oxidation than red blood cells of pregnant women carrying the gene deficiency of the enzyme glucose-6-phosphate dehydrogenase.

Keywords: high voltage electric field, selenium, glutathione peroxidase, glucose-6-phosphate dehydrogenase, hemolysis, methemoglobin, lipid peroxidation.

REFERENCES

1. **Huseynov T. M., Yakhyayeva F. R., Guliyeva R. T.** The effect of selenium on the stability of hemoglobin to photooxidative processes // Ukrainian Biochemical Journal, 2012, vol. 84, № 2, p. 53-60.
2. **Huseynov T. M., Quliyeva R. T., Dadashov M. Z., Bagirova E. J., Mamedova T. A., Yakhyayeva F. R.** Oxidative stability of red blood cells with different saturation with selenium to the effects of power frequency electric field / The Eight International Conference on Technical and Physical Problems in Power engineering. Fredrikstad, Norway, 5-7 September, 2012, p. 431-434.
3. **Dodge J. T., Mitchell C., Hanahas D. J.** The preparation and chemical characteristics of hemoglobin-free ghosts of human erythrocytes // Arch. Biochem. Biophys. Acta, 1963, v. 100, p. 119-130.
4. **Szebeni J., Winterbourn C. C., Carrell R. W.** Oxidative interactions between haemoglobin and membrane lipid. A liposome model // Biochem. J., 1984, v. 220, № 3. p. 685-692.
5. **Moin V. M.** Simple and specific method for determining the activity of glutathione peroxidase in erythrocytes // Lab. Delo, 1986, № 12, p. 724-727.
6. **Nazarenko I. I., Kislova I. V., Huseynov T. M. et al.** Fluorimetric determination of selenium with using 2,3-diaminonaphthalene in biological materials // Analytical Chemistry, 1975, № 4, p. 733-738
7. **Mengel C. F., Kann H. E.** Effect of *in vivo* hyperoxid of erythrocytes, III *in vivo* peroxidation of erythrocytes lipid, J. Nutr. Chemical Invest., 1966, v. 45, p. 1150-1159.
8. **Eilers R. J.** // Am. J. Clin. Pathol., 1967, v. 47, p. 212-214.
9. **Hudson D. J.** Statistics for Physicists. – Moscow.: Publishing "Mir", 1990, 242 p.

Huseynov Tokai Maharram – Doctor of Biological Sciences, Head of Laboratory of Ecological Biophysics, Institute of Physics, Azerbaijan National Academy of Sciences.

E-mail: thuseynov@physics.ab.az

Guliyeva Rugiya Tairaga – Research associate, Institute of Physics, Azerbaijan National Academy of Sciences.

E-mail: ruhiyya.guliyeva@yahoo.com

Yakhyayeva Florida Radik – Institute of Physics, Azerbaijan National Academy of Sciences.

E-mail: flora_yahya@mail.ru

Bagirova Elmira Dghavadghan – Institute of Gynecology and Obstetrics.

E-mail: s.axundova@mail.ru

www.vestnik.nspu.ru

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

© Е. А. Костина, А. М. Егорычев, А. Ригер

УДК 159.9 + 316.3/4

РУССКИЕ: ХАРАКТЕР, МЕНТАЛЬНОСТЬ, СТЕРЕОТИПЫ ПОВЕДЕНИЯ*

Е. А. Костина (Новосибирск, Россия), А. М. Егорычев (Москва, Россия),
А. Ригер (Аахен, Германия)

В статье анализируется восприятие русских и русской действительности россиянами и представителями зарубежья. Цель статьи – представление результатов социологического исследования, посвященного особенностям национального характера русских, их менталитета, а также проблеме восприятия русских представителями России и иных культур. Отмечается, что каждый народ имеет свои неповторимые характеристики, свою уникальную культуру, но время от времени в мировом сообществе сознательно создаются ложные этнические характеристики русского народа. В статье комментируется содержание книги В. И. Жельвиса «Xenophobe's guide to the Russians», которая повлияла на наш интерес к проблеме русских и явилась причиной разработки нами анкеты для опроса респондентов об их отношении к русским и России в целом. Структурно анкета представляет собой вопросы с множественным выбором ответов и вопросы открытого типа, дающие респонденту возможность высказать собственное мнение. В анкетировании принимали участие 3 группы респондентов: россияне, проживающие в России; россияне, проживающие за рубежом; представители зарубежья. В статье демонстрируются некоторые вопросы анкеты, процент полученных ответов от обозначенных выше групп респондентов, и излагаются выводы авторов статьи, вытекающие из проведенного анализа.

Ключевые слова: национальный характер, ментальность нации, стереотип поведения, русские, культура.

Интерес к России, русскому народу уже многие столетия остается неизменно высо-

ким. Это, прежде всего, касается иностранцев, всех кто интересуется Россией, желает ее искренне понять.

* Статья подготовлена по результатам работы научно-образовательного центра «Кросс-культурные компетенции» в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» на 2012–2016 гг.

Костина Екатерина Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: ea_kostina@mail.ru

Егорычев Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры социальной педагогики, Московский городской педагогический университет.

E-mail: chelovekcap@mail.ru

Ригер Ангелика – доктор наук, профессор отделения Межкультурная коммуникация – Романистика, Рейн-Вестфальский технический университет.

E-mail: mail@angelica-rieger.de

Общеизвестно, что представителями западной культуры русские (славяне) воспринимаются достаточно сложно и противоречиво. Чаще всего мы предстаем перед ними как люди непонятные и непредсказуемые (Н. Я. Данилевский, И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, Н. Лосский, Д. С. Лихачев, А. О. Бороноев, П. И. Смирнов, С. Валянский, Д. Калужный, Н. Горин, А. В. Сергеева, П. Я. Циткилов и др.).

К сожалению, и сегодня нет достаточно четкого и ясного представления о характере русского человека. Все также много говорится и пишется несправедливого и зачастую просто неразумного и даже оскорбительного о русском человеке, его характере, привычках, стереотипах поведения. В качестве примера можно привести книгу профессора филологии Владимира Жельвиса «Xenophobe's guide to the Russians» [4], опубликованную на русском языке под названием «Эти странные русские» [1]. Книга на английском языке была приобретена нами в Лондоне в январе 2013 г. Так как издание выполнено на английском языке, очевидно, что оно предназначено для англичан, чтобы последние лучше узнали русских.

Несколько слов об авторе (из книги): Владимир Ильич Жельвис живет в древнем русском городе Ярославле, где он читает лекции студентам местного педагогического университета. Родился в Ленинграде, ... получил университетское образование. Написав две диссертации, по филологии и психолингвистике и книгу о психологических и социальных аспектах брани, он научился ругаться на 80 языках, что, с его точки зрения, очень помогает ему в его преподавательской деятельности.

Содержанием своей книги Владимир Ильич Жельвис заставил нас глубоко задуматься о природе русской ментальности, сте-

реотипах восприятия русских в мировом обществе и тех ложных, сознательно создаваемых этнических характеристиках, которые описывают русский народ.

Не надо никому объяснять, сколь трудный путь прошел русский (славянский) этнос в своем развитии и становлении, какие тяжелые, зачастую невозполнимые потери понес: постоянные войны, защита своего Отечества, голод, разруха, титаническое напряжение всех жизненных сил народа в борьбе за выживание и сохранение своей государственности. И это – на всем протяжении его исторического пути. В этой, поистине титанической, истории становления русского общества и государства ковался и закреплялся характер русского человека, менталитет всего народа.

К *основным, лучшим* чертам и качествам славянского национального характера, которые присущи, в большей степени, русским, украинцам и белорусам, относятся, прежде всего, добрый нрав, простота, сострадание, долготерпение, внутренняя эмоциональность, доверчивость, стремление к справедливости, коллективизм (соборность), великодушие, широта души, патриотизм, общительность. Разумеется, каждое из обозначенных качеств, присуще, в определенной степени, любому народу. Вопрос – в степени развития этих качеств, в особой их концентрации и силе проявления в национальном характере. Истоки обозначенных качеств русского (славянского) этноса есть отражение его трудной истории. Эти характеристики русского народа часто не воспринимаются представителями западной культуры. Справедливо отмечает А. В. Сергеева: «Иностранцам часто бывает свойственен *культуроцентризм*, когда «правильной» считается только собственная культура, а все остальные кажутся странными, «нецивилизационными» или недоразвитыми, что мешает

понять «странности» и «непоследовательность» в поведении россиян» [2, с. 7–8].

Вернемся к книге Владимира Ильича Жельвиса. Покупая ее в Лондоне, мы ни в коей мере не ожидали, что книга произведет на нас такое отрицательное впечатление. Мы бы не удивилась, если бы иностранец, в силу каких-то причин, не позволяющих ему объективно судить о русском народе, негативно о них отозвался. Но когда русский профессор (или, скорее, российский, судя по его фамилии и принятой позиции) представляет русских и Россию англо-говорящему миру в том свете, как он это делает в книге, это вызывает возмущение. Мы были в разных странах, есть страны и люди, которых мы любим всем сердцем. Мы полностью осознаем, что Россия несовершенна, но мы бы никогда не представили свою страну так, как это делает профессор Жельвис. Зачем столько иронии, нелюбви и негативной окраски в выражении не самых плохих характеристик великого русского народа?

Кратко прокомментируем содержание книги В. И. Жельвиса «Xenophobe's guide to the Russians». Господин профессор дает следующие характеристики русскому народу, выделяя национальные черты, якобы свойственные ему:

1. В результате своих свободных рассуждений профессор делает вывод, что русские – нация фаталистов [4, с. 2].

2. В. И. Жельвис рассуждает о том, что русские не просто любят толпу, это – способ их существования:

“Imagine thousands of seals sunning themselves on a vast rock, so closely pressed against each other that it looks as if it is one big, black, gleaming beast. This is them, the Russians. ...” [4, с. 8].

«Представьте себе тысячное стадо тюленей, наслаждающихся солнцем на скали-

стом океанском берегу. Они так тесно прижались друг к другу, что кажется, будто перед нами – одно сверкающее на солнце большое черное животное. Это они, русские» [1].

3. Мнение господина профессора относительно моды и пожилых людей:

“... Being well dressed is very prestigious in Russia, and every dandy of both sexes is measured by the clothes he or she wears. It is different with older people. Youngsters may and should dress well, but old pepper-pots should know their place. It is almost indecent when an elderly lady or, still worse, man is dressed in the latest fashion. Who does the old fool think he is? A gigolo?” [4, с. 17].

«Быть хорошо одетым в России очень престижно, и молодая персона любого пола оценивается, прежде всего, по одежке. С пожилыми людьми дело обстоит иначе. Молодежи положено хорошо одеваться, но старым перечницам следует знать свое место. Почти неприлично выглядит старая женщина или, того хуже, старик, одетые по последней моде. Этот старый дурак думает, он – кто? Жигало?» [1].

4. Характеристика русской бабушки:

“The person who really spares the rod and thus spoils the child is *babushka*, the grandmother.

The typical *babushka* having reached retirement age, which is in Russia 55, immediately throws out her make-up, forgets the name of the hairdresser, casts off all her more or less wearable clothes and dons an old padded coat that her late granddad wore when he went fishing. Together with a pair of rubber boots, this makes a fine outfit, perfectly good for taking care of her beloved grandchild.” [4, с. 25].

«Русская бабушка – вот особа, которая своими неумными заботами изрядно портит внуков. Достигнув пенсионного возраста, а в России для женщин это 55 лет, бабушка тут

же выкидывает коробку с косметикой, выбрасывает из памяти имя своего парикмахера, убирает прочь всю более или менее приличную одежду и натягивает на себя старое пальто, которое надевал еще ее дедушка, отправляясь на зимнюю рыбалку. Вкупе с парой резиновых сапог у нее получается прекрасный ансамбль для того, чтобы посвятить свою жизнь заботе о любимом внуке» [1].

5. Говоря о советских временах, автор заявляет, что «... education was of poor quality but you never paid a *kopek*, even for university» [4, с. 27–28].

«... образование было низкого качества, но никто не платил ни копейки, даже в университете».

Уверены, что если задать вопрос о качестве образования в СССР любому русскому, вы услышите совершенно противоположное мнение. Собственно, высокий уровень советского образования всегда признавался мировым сообществом. Но самое изумительное здесь то, что доктор Жельвис получил образование в Советском Союзе. Это означает, что он плохо образован?

6. Ниже – мнение профессора о проявлении русской культуры в обществе:

“... if you are displeased with a service on a shop or a restaurant, you can tell the shop assistant or the waiter exactly what you think of him, his relatives, his in-laws, his habits and his sexual bias. But fist fighting in public is not approved...” [4, с. 29].

«... если вам не нравится, как вас обслуживают в магазине или ресторане, вы можете высказать продавцу или официанту все, что думаете о нем, о его родственниках, близких и дальних, о его привычках и сексуальных пристрастиях. Но драка на людях осуждается» [1].

Очень сомнительно, что оскорбление в русском (российском) обществе одобряется, а не осуждается.

7. Мнение относительно потребления алкоголя:

“Drinking is much more important for a Russian than eating. Russia is a drinking country. ... The chief national drink is vodka.” [4, с. 33–34].

«Напитки гораздо важнее в жизни русского, чем пища. Россия – страна пьющих. ... Основной национальный напиток – водка» [1].

Да, один из (а не единственный) русских национальных напитков – водка. Но это – как виски в Шотландии, саке – в Японии, бехеревка – в Чехии и т.д. Каждая страна имеет свой национальный алкогольный напиток. Господин Жельвис просто зачем-то повторяет когда-то и кем-то придуманную характеристику, что русские самая пьющая нация.

8. Отношение русских к запасам на зиму:

“Russians eat tons of jam. In autumn there can be a serious shortage of sugar in the shops as every housewife hurries to make use of cheap fruit and fill all the jars she can find with apple jam, cherry jam, plum jam, strawberry jam.” [4, с. 39].

«Русские едят варенье тоннами. Летом и осенью в магазинах, случается, пропадает сахар, потому, что каждая хозяйка спешит воспользоваться дешевизной фруктов и заполняет все банки, что есть у нее дома, яблочным, вишневым, сливовым, клубничным и другим вареньем» [1]

Естественно, не каждая хозяйка это делает, но в любом случае подобная ситуация легко объясняется климатическими условиями России: короткое лето, долгая зима, отсутствие свежих фруктов и ягод, а то, что

можно купить в магазинах – не очень дешево. Только почему так много сарказма?

9. О русском юморе:

“The Russian sense of humour is poignant and rough, and often rude and obscene.”

«Русский юмор – острый и резкий, часто – грубый и неприличный».

Например:

“A woman with a dog is getting into a taxi. The taxi driver asks without returning:

“Where shall we take this bitch?”

“It’s not a bitch. It’s a male dog.”

“I’m not talking to you.” [4, с. 44].

«Женщина с собакой садится в такси.

Не оборачиваясь, таксист спрашивает:

– Куда мы повезем эту суку?

– Это – не сука. Это – кобель.

– Я не с Вами разговариваю».

Оставим без комментариев. Заметим только, что доктор наук преподает в педагогическом университете.

10. А это – о русском труженике-крестьянине:

“Russian peasants are a singular lot. Active in warm seasons, they are all but hibernate in the long winter. There is not much you can do when the ground is waist-deep in snow. Their two best companions, which help them wile away the monotony, are the television and a bottle of *samogon*, home-made spirit mostly distilled from sugar” [4, с. 52–53].

«Русские крестьяне – люди особого склада. Активные в теплое время года, долгой зимой они чуть ли не впадают в спячку. А что еще делать, если земля по пояс засыпана снегом? Хорошо, что есть два лучших друга, помогающие нарушить монотонность существования. Это телевизор и бутылка самогона. Причем самогон умельцы изготавливают практически из любого сырья» [1].

И снова одно и то же – пьянство русских. Просто навязчивость какая-то.

11. И опять о пьянстве:

“Besides being a healthy hobby, winter fishing has another attractive side. ... The only way to prevent yourself from catching your death of cold is to take along a bottle of vodka. How can your wife possibly object to your using this universal medication to stay alive?” [4, с. 72].

«Зимняя рыбалка, помимо того, что человек дышит свежим воздухом, имеет еще одну привлекательную сторону. ... Единственное средство, не позволяющее замерзнуть насмерть – это взять с собой бутылку водки. Ну как сможет против этого возразить жена, если перед ней – универсальное лекарство от смерти мужа?» [1].

И снова пьянство, и снова присутствие негативности в восприятии русского народа.

12. В который раз о пьянстве:

“... A popular joke goes:

“What is the Russian way to do business?”

“To steal a crate of vodka, sell it, then spend the proceeds on buying drink” [4, с. 82].

«Как говорится в популярной шутке:

– Что такое русский бизнес?

– Это украсть ящик водки, продать его, а потом на все деньги купить спиртное» [1].

И опять – о пьянстве русской нации. Какая-то паранойя.

13. О глупости наших учителей:

“... There are still many Russian educators who teach schoolchildren that their parents find the babies in the cabbage patch, or buy them on elite shops with foreign currency.” [4, с. 87].

«Еще есть много представителей в системе российского образования, которые учат детей тому, что родители нашли их в капусте или купили в элитных магазинах на иностранную валюту»

И вот здесь мы не можем не задаться вопросом: автор книги – в здравом уме?

Если после изложенного у Вас появится желание прочитать названную книгу самим, вы найдете в ней еще много «интересного» о русских и их характере.

Как мы уже отмечали, настоящая книга повлияла на наш интерес к проблеме русских, особенностям их национального характера и менталитета, а также – к проблеме восприятия русских представителями зарубежной культуры. В этой связи нами был организован и проведен опрос респондентов об их отношении к русским и России в целом. В исследовании мы используем термин «россияне», охватывая каждого, кто живет в России, и

имеет российское гражданство (вне зависимости от национальной принадлежности).

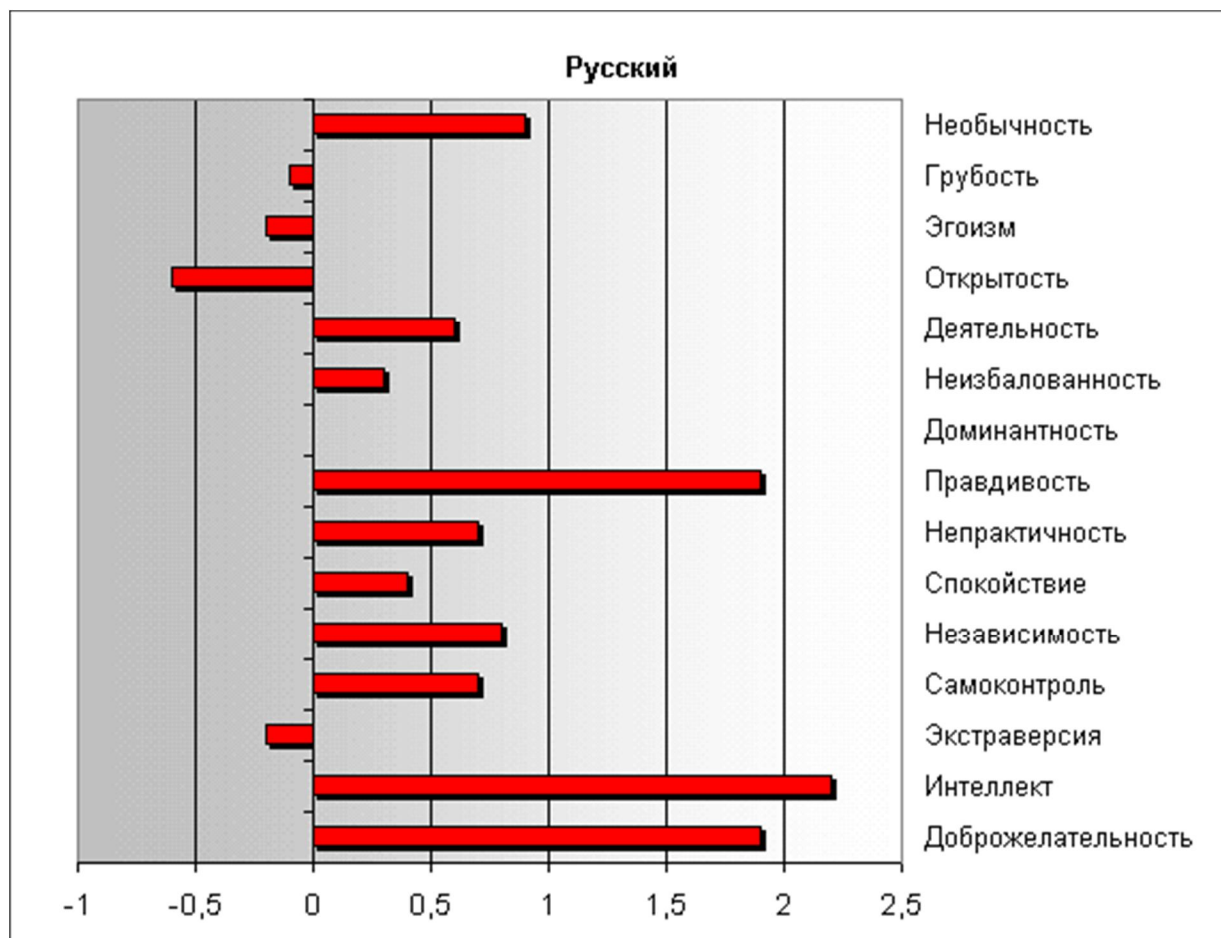
Наша цель – показать, что мы, русские, – не такие, какими представлены в этом «шедевре», книге В. И. Жельвиса «Xenophobe's guide to the Russians».

Обратимся к российским ученым, занимающимся вопросами изучения русского этноса, его сущностных характеристик.

В. Шалак, доктор наук, научный сотрудник института философии Российской академии наук, выявил, что основными стереотипными чертами русских являются правдивость, интеллект и доброжелательность [3], что можно увидеть на рисунке 1.

Рисунок 1.

Диаграмма, демонстрирующая стереотипные черты русских

Эксперт А.В. Сергеева в своей книге [2], адресованной иностранцам, собирающимся работать в России, описывая русских и выявляя их определенные черты, дает им следующие характеристики:

– русские имеют большой опыт в потреблении алкоголя. В этой сфере они «сильнее» любого представителя запада. Выпив много, они, как правило, не теряют разума и способности стоять на ногах;

– непристойные шутки и анекдоты считаются грубыми и неприличными в обществе;

– русские – открытые, добрые, искренние, всегда готовы помочь, гостеприимные, эмоциональные и способны найти выход из любой ситуации.

Как видим, выводы Владимира Шалака и Аллы Сергеевой диаметрально противоположны тому, что излагается в книге Владимира Жельвиса.

Нами была разработана анкета, содержащая ряд вопросов, касающихся проблемы восприятия России и русских. В опросе

участвовало 129 респондентов, среди которых:

– 66 россиян, живущих в России.

– 6 россиян, проживающих за рубежом;

– 57 иностранных граждан.

По национальной принадлежности респонденты распределяются следующим образом: русские – 48,5 %; бельгийцы – 32 %; немцы – 6,5 %; евреи – 1,5 %; голландцы – 1,5 %; канадцы – 1 %; татары – 1 %; азербайджанцы – 1 %; армяне – 1 %; турки – 1 %; фламандцы – 1%; уйгуры – 1 %; американцы – 1 %; англичане – 1 %; хорваты – 1 %.

Представим результаты нашего исследования.

Структурно анкета являет собой вопросы с множественным выбором ответов, часть вопросов открытого типа, что дает респонденту возможность высказать собственное мнение.

Мы продемонстрируем некоторые вопросы и процент полученных ответов по группам респондентов.

Вы любите Россию?

Ответы	Россияне в России	Россияне за рубежом	Иностранцы
Очень сильно	58	83,3	40,3
Не очень	30	16,7	12,3
Совсем не люблю	9	—	—
Не знаю	3	—	45,6
Нет ответа	—	—	1,8

Как видим, на первом месте по ответу «очень сильно» стоят россияне, живущие за рубежом (83,3 %), на втором – россияне, живущие в России (58 %), на третьем – иностранцы (40,3 %). То, что в своих чувствах любви к России на первое место вышли россияне, живущие за рубежом, вполне объяснимо. Литературные источники не один раз обсуждали вопрос обостренной любви наших соотечественников, проживающих вне своей

Родины. Настораживает большой процент россиян, живущих в России и не очень любящих свою страну (30 %), а 9 % совсем не любят Россию». Удивило и порадовало нас то, что почти половина опрошенных иностранцев выразили на максимуме свои чувства к России – очень сильно (40,3 %), при том, что другая половина уклонилась от ответа по вполне объяснимой причине – «не знаю» (45,6 %).

Почему Вы любите Россию?

(опрос среди тех, кто любит Россию)

Ответ	Россияне в России	Россияне за рубежом	Иностранцы
Загадочная страна	25	—	6,7
Интересная культура	16,7	20	51
Хорошие, добрые люди	22,3	20	15,6
Красивая природа	25	—	8,9
Большие перспективы развития	5,5	—	2,2
Другое	5,5	60	15,6

Среди причин, по которым опрошенные определяют свое чувство любви к России, лидируют: интересная культура и хорошие, добрые люди. Минимальный выбор среди всех групп опрошенных получила причина «большие перспективы развития». Интересные мнения получены в свободном выражении в ответах тех, кто выбрал «другое»:

Почему Вы не любите Россию?

(среди тех, кто не любит Россию)

Ответ	Россияне в России	Россияне за рубежом	Иностранцы
Очень суровый климат	26,7	33,3	26,1
Отсутствие высокой европейской культуры	20	—	4,3
Русские – грубый и невоспитанный народ	10	33,3	—
Отсутствие демократических свобод	16,7	—	43,5
Другое	26,6	33,3	26,1

Основные ответы, по которым опрашиваемые не любят Россию, распределились следующим образом (в порядке убывания):

– россияне, живущие в России: очень суровый климат (26,6 %), отсутствие высокой европейской культуры (20 %), отсутствие демократических свобод (16,7 %), русские – грубый и невоспитанный народ (10 %);

– россияне, живущие за рубежом: очень суровый климат (33,3 %), русские – грубый и невоспитанный народ (33,3 %):

1. Живущие в России: история; уникальность; Родина.

2. Живущие за рубежом: Родина.

3. Иностранцы: никогда не был в России, мало знаю о ней; огромное гостеприимство, чудесные люди, великолепный студенческий обмен; социалистические политические взгляды и ностальгия по СССР.

– иностранцы: отсутствие демократических свобод (43,5 %), очень суровый климат (26,1 %), отсутствие высокой европейской культуры (4,3 %).

Если у россиян, живущих как в России, так и за рубежом, на первом месте среди причин «нелюбви» к России – очень суровый климат, то у иностранцев – отсутствие демократических свобод. Примечательно, что они вообще не считают, что русские – грубый и невоспитанный народ.

Ответы в пункте «другое»:

1. Живущие в России: много хаоса; русское авось; мало по-настоящему добрых и открытых людей; отсутствие альтернатив; сильно развитая коррупция; низкий уровень медицины; нет перспектив развития; неблагоприятные погодные условия, невысокий уровень культуры обычных граждан, национализм; нетерпимость.

2. Живущие за рубежом: тяжелые условия жизни.

3. Иностранцы: никогда не был в России; отсутствие гражданских прав; нувориши, коррупция, отсутствие популярности в политике; города не очень красивые, все серое, холодная погода.

Как Вы думаете, что самое ценное в России?

Ответ	Россияне в России	Россияне за рубежом	Иностранцы
Территория и природные ресурсы	27,9	36,4	36,9
Богатая культура	27,9	9	29,8
Люди	14,7	36,4	7,1
Православие	4,4	9	11,9
Исторический опыт выживания	11,8	9	9,5
Высокий духовный потенциал	11,8	—	3,6
Другое	1,5	—	1,2

Рейтинг самого ценного в России для опрашиваемых групп (первые три места):

– россияне, живущие в России: территория и природные ресурсы (27,9 %), богатая культура (27,9 %), люди (14,7 %);

– россияне, живущие за рубежом: территория и природные ресурсы (36,4 %), люди (36,4 %), все остальные ценности имеют одинаковый факторный вес – 9 %.

– иностранцы: территория и природные ресурсы (36,9 %), богатая культура (29,8 %), православие (11,9 %).

Все три группы опрошенных из предложенных ценностей на первое место поставили территорию и природные ресурсы.

Ответы в пункте «другое»:

1. Живущие в России: огромная поддержка населения государством; Россия – транспортная магистраль Евросоюза, США, Китая и других азиатских стран.

2. Иностранцы: владение материальными запасами; водка; не понятен вопрос: ценное с точки зрения европейцев или русских?

Какая главная черта характера русских?

(первые 5 черт, выделенные респондентами в каждой группе)

Россияне в России	Россияне за рубежом	Иностранцы
душевность	душевность	патриотизм
доброта	доброта	доброта
терпение	коллективизм	практичность
простота	патриотизм	трудолюбие
коллективизм	жизнерадостность	коллективизм

Это – один из главных вопросов, ради которого проводилось исследование. Собственно, все полученные ответы по трем группам опрошенных, несмотря на разную психологию восприятия России и русских, не имеют существенных различий и противоречий. Черты, характеризующие национальный

характер русских, повторяющиеся у всех опрошенных, – доброта и коллективизм. В целом, выделенные респондентами в каждой группе главные черты характера русских отличаются высоким уровнем положительной оценки. В них не присутствует ни одного отрицательного качества.

Россия для вас – это...

Ответ	Россияне в России	Россияне за рубежом	Иностранцы
Развитая европейская страна	5,1	—	14
Плохо развитая европейская страна с невысокой культурой	15,4	16,7	1,75
Азиатская страна с культурой, полностью отличающейся от европейской	—	—	12,25
Евразийская страна с самобытной культурой	66,7	83,3	65
Другое	12,8	—	7

Опрошенные представители трех групп проявили единство в определении. Россия для них – это евразийская страна с самобытной культурой:

- россияне, живущие в России – 66,7 %;
- россияне, живущие за рубежом – 83,3 %;
- иностранцы – 65 %.

Ответы в пункте «другое»:

1. Живущие в России: сравнительно развитая страна, объединяющая российскую и европейскую культуры; слабо развитая европейская страна с высокой культурой; евразийская страна с самобытной культурой, но очень неопределенным будущим; Россию

нельзя назвать, ни европейской, ни азиатской страной; у России – своя собственная необычная культура; у России – свой собственный путь развития, и попытки походить на Европу или Азию мешают процессу развития России.

2. Иностранцы: не европейская, не азиатская, неопределенная; русская душа; не знаю; это страна – с большой открытостью, с одной стороны, с другой стороны – люди думают, что Америка – враг. Хотя некоторые американцы также считают это в отношении России (стилистика ответа сохранена – примечание авторов).

Вы бы хотели жить в России?

Ответ	Россияне за границей	Иностранцы
Да	0	17,9
Нет	60	75
Не знаю	40	7,1

Любопытно, что желающих жить в России среди россиян, проживающих за грани-

цей – нет. А вот таких иностранцев – 17,9 %

Вы бы хотели открыть свой бизнес в России?

Ответ	Россияне в России	Россияне за рубежом	Иностранцы
Да	44	20	5,3
Нет	19,5	80	73,7
Не знаю	36,5	—	21

В ответах на этот вопрос присутствует осторожность, объясняемая, по всей видимости, существующими сложными и достаточно

противоречивыми социально-экономическими отношениями в нашей стране.

Россия оказывает влияние на культуру Европы и ее развитие?

Ответ	Россияне в России	Россияне за рубежом	Иностранцы
Да	45	20	39,7
Нет	12,5	40	13,8
Сомневаюсь	42,5	40	44,9
Другое	—	—	Россия и Европа влияют друг на друга

Почти половина россиян, живущих в России (45 %) считает, что наша страна оказывает определенное влияние на культуру Европы и ее развитие. Около 40 % иностранцев придерживаются такого же мнения (39,7 %). И лишь пятая часть проживающих россиян за рубежом считает также (20 %).

Вы хотели бы поработать некоторое время в России?

Получены следующие ответы иностранцев: да – 34,5 %; нет – 31 %; не знаю – 34,5 %.

Ваше отношение к браку представителей Вашей страны с русскими?

Любопытно, что половина опрошенных иностранцев одобряет брак представителя своей страны с русскими – 56,1 %; нейтрально относятся 38,6 %; не одобряют 5,3 %.

Таковы результаты проведенного исследования. Количество людей, принявших

участие в опросе – не очень велико, но и это число показывает, что мы, русские, – не такие, какими нас описывает доктор Желвис в своей книге. Необходимо отметить тот факт, что представители других культур достаточно адекватно оценивают Россию и русских. По некоторым показателям иностранцы дают более позитивную оценку, чем сами россияне.

Завершая, хотелось бы сделать акцент на том, что прежде, чем делать какие-либо выводы, прежде, чем судить о нации в целом, необходимо узнать этот народ ближе, вникнуть в особенности его культуры, всегда помня, что нация зачастую состоит из миллионов людей, и все они очень разные. В каждом конкретном случае нельзя забывать, что любой народ – не хороший или плохой, а просто другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Жельвис В. И.** Эти странные русские. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://psylib.org.ua/books/inostra/txt15.htm> (дата обращения : 29.08.2013).
2. **Сергеева А. В.** Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. – М.: Флинта, Наука, 2007. – 320 с.
3. **Шалак В.** Стереотипы национальных характеров – 3. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vaal.ru/show.php?id=171> (дата обращения : 29.08.2013).
4. **Zhelvis V.** Xenophobe's guide to the Russians. – London, 2012. – 90 p.

© E. A. Kostina, A. M. Egorychev, A. Rieger

UDC 159.9 + 316.3/4

THE RUSSIANS: CHARACTER, MENTALITY, BEHAVIOUR STEREOTYPES

*E. A. Kostina (Novosibirsk, Russia), A. M. Egorychev (Moscow, Russia),
A. Rieger (Aachen, Germany)*

In the paper authors analyze the perception of the Russians and the Russian reality by some representative of Russia and foreign countries. The aim of the paper is to present the results of the social survey devoted to the peculiarities of the national character of the Russians, their mentality, as well as to the problem of perceiving the Russians by the representatives of Russia and other cultures. The authors emphasize that a people has their unique traits, their unique culture, but from time to time in the world community they create false ethnic characteristics of the Russian people. In the paper the authors comment the book by V. I. Zhelvis “Xenophobe’s guide to the Russians”, which influenced their interest in the problem of the Russians and caused the working out of the questionnaire to carry out the survey of the respondents about their attitude to the Russians and Russia on the whole. Structurally the questionnaire is a number of multiple choice questions and open questions giving respondents an opportunity to express their own opinions. Three respondent groups were questioned: Russian citizens, Russians living abroad, foreigners. In the paper the authors demonstrate some questions of the survey, the percent of the answers received from the mentioned above respondent groups and make conclusions resulting from the analysis conducted.

Keywords: national character, nation mentality, behaviour stereotype, Russians, culture.

REFERENCES

1. **Zhelvis V. I.** These strange Russians. URL: <http://psylib.org.ua/books/inostra/txt15.htm>
2. **Sergeeva A. V.** The Russians: behaviour stereotypes, traditions, mentality. – Moscow: Flinta, Science, 2007. – 320 p.
3. **Shalak V.** Stereotypes of national characters – 3. URL: <http://www.vaal.ru/show.php?id=171>
4. **Zhelvis V.** Xenophobe’s guide to the Russians. – London, 2012. – 90 p.

Kostina Ekaterina Alekseevna – the candidate of pedagogical sciences, associate professor, dean of the faculty of foreign languages, Novosibirsk State Pedagogical University.

E-mail: ea_kostina@mail.ru

Egorychev Aleksandr Mikhailovich – the doctor of philosophy sciences, professor of the social pedagogy chair, Moscow City Pedagogical University.

E-mail: chelovekcap@mail.ru

Rieger Angelica – Doctor, University-Professor Interkulturelle Studien – Romanistik, Rhein-Westfälische Technische Hochschule.

E-mail: mail@angelica-rieger.de

© Р. И. Телешова

УДК 372.016 + 811.133.1

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ АНРИ ТРУАЙЯ**Р. И. Телешова (Новосибирск, Россия)*

В статье рассматривается влияние русской культуры и русского языка на творчество современного французского писателя Анри Труайя, имеющего русские корни, но по воле судьбы прожившего во Франции большую часть своей жизни и считавшего себя французским писателем, наделенным русским духом. Анализируются роль семьи в сохранении родного языка и русских традиций в жизни писателя, размышления Анри Труайя об отличительных особенностях русского языка и интертекстуальное включение русских слов во французский художественный текст. Частое влечение в канву художественного повествования русизмов, передающих местные реалии, является доминантным стилистическим приемом «русских циклов» писателя. Выявляемые русизмы, вводимые во французские тексты, являются формой манифестации русскости и русского мира и выполняют функцию создания «местного колорита», образа России, которая тесно связывает писателя и его многочисленных персонажей. Имплицитные русизмы наряду с традиционными эксплицитными русизмами определяют их стилистическую экспрессию, зависящую также от частоты употребления. Стилистическая экспрессия русской лексики определяется ее необычным материально-звуковым оформлением, способствующим возникновению ассоциативных связей между русскими словами и национальной средой, в которой функционирует соответствующий язык. Русская лексика употребляется преимущественно в транслитерации в речи автора или персонажей русского происхождения. Случаи использования русизмов на кириллице во французском тексте являются единичными. Тематические группы русизмов разнообразны, но наибольшей активностью отличается обширная группа наименований предметов быта. Писатель-билингв Анри Труайя, разделяя мнение исследователей-филологов, неоднократно указывает на особый статус такого лингвистического феномена как «язык изгнания». Писатель, не ставя задачей исследовать лингвистические тонкости данного явления, всё же четко заявляет о существовании такого языка. Анри Труайя объясняет это явление тем фактом, что русские эмигранты считают своей миссией сохранить ценности и традиции русской культуры и русского языка. Большинство его литературных персонажей, наделенные, как и сам писатель, билингвизмом и бикультурализмом, считают новое французское окружение временным условием своего существования.

* Статья подготовлена по результатам работы научно-образовательного центра «Кросс-культурные компетенции» в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» на 2012–2016 гг.

Телешова Раиса Ивановна – кандидат филологических наук, доктор филологических наук Тулонского университета (Франция), профессор, заведующая кафедрой французского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.
E-mail : raissa.telechova@gmail.com

Описательные фрагменты русской направленности в произведениях Анри Труайя позволяют писателю приблизить страну его рождения, а читателю, владеющему французским языком, насладиться красотой этих описаний и в отдельных случаях усовершенствовать навыки перевода реалий русской культуры.

Материалом для исследования послужили произведения Анри Труайя, недоступные в своем большинстве в России и подаренные писателем автору данного исследования.

Ключевые слова: *Анри Труайя, французская литература, русский язык, эксплицитные и имплицитные русизмы, интертекстуальность, русскость, русский мир, билингвизм, бикультурализм, транслитерация.*

LA LANGUE RUSSE DANS LA VIE ET L'ŒUVRE D'HENRI TROYAT

Un écrivain français mâtiné de russe. Henri Troyat le dit dans la correspondance avec son compatriote qui est venu plusieurs fois en Russie [4]. Le romancier parle souvent de son expérience de Russe francisé, d'écrivain français nourri de lointains souvenirs russes [4]. Il est né à Moscou en 1911 et a quitté la Russie en 1920 avec ses parents. Il est arrivé en France et y est devenu un grand homme de lettres. La reconnaissance française vient rapidement. Il est, en effet, à la fois romancier, nouvelliste, fresquiste franco-russe et biographe. Lauréat du Prix du Roman Populiste (1935) et du Prix Goncourt (1938). Il est couronné également par le Prix du Prince Rainier de Monaco et élu à l'Académie Française en 1959. La reconnaissance russe d'Henri Troyat, elle est venue beaucoup plus tard par rapport à ses succès français et mondiaux. Ses œuvres sur la Russie des tsars n'ont pas été diffusées à l'époque soviétique. La pérestroïka facilitant l'ouverture des frontières et des esprits, a permis à Henri Troyat d'être désormais considéré, dans son pays d'origine, comme représentant plénipotentiaire de la littérature russe à l'étranger. Ayant appris que j'ai consacré une

thèse à l'ensemble de ses ouvrages [1, 4] le romancier a révélé à M.-L. Gazarian-Gautier : *Il est très important pour moi de savoir qu'au fond de la Sibérie, les élèves de Mme Telechova me considèrent comme un partisan du rapprochement de la culture russe et de la culture française* [1, p. 170].

Rappelons les pensées des Français mondialement connus le lendemain de la mort d'Henri Troyat : *Géant des lettres françaises avec cœur d'un petit enfant russe. Henri Troyat était l'un des cadeaux que la Russie fit à la France*, a écrit dans le nécrologue son ami, l'académicien Maurice Druon dont le destin ressemblait en partie à celui d'Henri Troyat [2, p. 5].

Henri Troyat a suivi fidèlement toute sa vie un rituel : il publiait chaque printemps un roman et chaque automne une biographie, faisant alterner, comme un balancier précis, les thèmes russes et les thèmes français : *« Fier de sa patrie d'origine et de sa patrie d'accueil – la Russie rêvée et la France vécue – il chevauche entre ces deux mondes et, pas à pas, les recrée et parfois, à sa grande joie, les réunit »* [3, p. 24]. Le vaste univers romanesque de l'académicien Henri

Troyat est riche de romans d'inspiration russe. Cet article présente l'analyse d'un des éléments privilégiés, les russismes, qui constituent ce monde russe.

Doté d'un grand talent de conteur, Henri Troyat ne sépare pas ces deux mondes. Au contraire, le romancier tâche d'unir ces deux fleuves en « une seule coulée, puissante et large ».

Ce dialogue passionnant symbolisant le rapprochement entre la culture russe et la culture française, la Russie et la France, deux pays si différents, sert harmonieusement les préférences studieuses du professeur russe que je suis enseignant la langue française aux étudiants apprenant le français.

Le romancier reconnaît dans ses conversations avec M. Chavardès [16] que son cœur et son esprit ont toujours balancé entre la Russie, pays de ses origines, et la France, son pays d'accueil, entre la terre rêvée et la terre réelle.

Selon le romancier il y a un phénomène étrange entre ces deux pays si différents par « leurs origines, leurs traditions, leur langue, leurs croyances, leur climat et qui cependant ont toujours été attirés l'un par l'autre » [4]. Plus tard, en 2010, l'Ambassadeur Extraordinaire et Plénipotentiaire de France en Russie Jean de Glistiani a dit à quel point le romancier a raison.

Henri Troyat est un pseudonyme. Son nom d'origine est Léon Tarassoff. La maison Plon voulait publier son roman *Faux jour* à condition que ce livre ne soit pas signé d'un nom à consonnance étrangère. En lisant Léon Tarassoff imprimé sur la couverture, le lecteur aurait pu croire à une traduction. Un pseudonyme s'imposait donc. Inconsciemment, l'écrivain souhaitait que son nouveau nom commence par un T comme l'ancien. Henri Troyat constate : « il y a toujours un Léon Tarassoff qui dort

tendrement pelotonné » [16, 39], au centre de lui-même. En 1933 il avait été naturalisé Français.

Toute la vie d'Henri Troyat est ainsi à double face. Grâce aux leçons de sa gouvernante suisse, à son arrivée en France, il parlait le français aussi bien que le russe. Henri Troyat a affirmé plusieurs fois dans ses interviews que ses camarades français ne changeaient pas de pays quand ils sortaient du lycée pour se rendre chez eux. Henri Troyat a souligné qu'il vivait une moitié du jour à Paris et une moitié du jour à Moscou : *Pendant longtemps, j'avancai, tant bien que mal, un pied sur les nuages russes et l'autre, sur la terre française ferme* [10, p. 6].

Tous ses invités constatent que dans sa maison il y a une ambiance très française et très ancienne Russie. Le romancier se rappelle, lors de notre première rencontre, que ses parents lui faisaient lire chaque soir à haute voix des passages de *La Guerre et la Paix* de Tolstoï en russe. Il n'a pas étudié le russe à l'école, mais il l'a appris de cette façon familiale, au jour le jour. Henri Troyat le confirme : *J'ai été, dès le début, envoûté par cette lecture. Tous les soirs, à la demande de mes parents, je leur faisais à haute voix un chapitre de « La Guerre et la Paix » et, au fur et à mesure de ma lecture, je me sentais à la fois plus à l'aise dans le maniement du russe et plus proche des personnages de l'époque évoquée par l'auteur* [3, p. 56].

Certainement, l'apport de la Russie dans ses rêves d'écrivain est considérable. Il faut évoquer l'importance de sa famille dans la création de ses livres. Comme les enfants sont bercés dans leur enfance par leurs contes, il a été bercé par les souvenirs russes.

Henri Troyat possède ce rare privilège de rêver à la fois dans sa langue maternelle et en français. Le romancier compare souvent le russe au français. Il constate que les mots russes sont plus proches de l'objet. Le romancier déclare, en particulier : *Lorsque je prononce certains mots*

russe, l'objet s'installe brusquement dans mon cerveau, avec une sorte de violence joyeuse. Le russe est une langue primitive, juteuse, sonore comme une suite d'onomatopées, alors que le français est poli par des siècles d'usage. Le français est aussi une langue plus abstraite, de sorte que, pour rendre avec vigueur une impression en français, je ne puis me contenter du mot banal, comme je le ferais en russe, mais je dois souvent accoler à ce mot banal une épithète qui le renforce [10, p. 75–76].

Henri Troyat parlait le russe à la perfection, mais il n'est pas devenu un écrivain dans sa langue maternelle, le russe. Le romancier l'explique, d'ailleurs, très bien : *Je pourrais écrire une lettre en russe, mais j'aurais les plus grandes difficultés à écrire un livre. Il faudrait, pour y parvenir, que j'aie vécu en Russie pendant un assez long temps, que je m'immerge dans le bain de la langue russe, que je me forge un vocabulaire propre, un rythme propre, bref, que je refasse mon apprentissage d'écrivain* [16, p. 76].

Certains de ses romans et ses récits ont été traduits en russe et publiés en URSS et en Russie. Le romancier a éprouvé, en les lisant dans sa langue maternelle, « une impression de contentement irraisonné, de mystérieux accord avec quelque chose de profondément enfoui en lui. Comme si, tout en restant un écrivain français, je me révélais à moi-même comme un écrivain russe. Comme si c'était moi et non pas le traducteur qui avais tracé directement ces phrases en russe sur papier » [16, p. 222].

La connaissance du russe permet à Henri Troyat de pénétrer les œuvres des écrivains russes, dans leur texte original et d'accéder à un grand nombre de documents inaccessibles à des chercheurs français. Les circonstances, ses études, sa vie l'ont fait écrire dans la langue française.

La connaissance de sa langue maternelle a permis à Henri Troyat de faire la véritable découverte de la riche littérature russe. Il a, donc, pu apprécier certaines nuances stylistiques dont les lecteurs des traductions les plus parfaites ne se doutent pas. Le lecteur bilingue peut également se délecter en lisant des phrases ou des passages russes insérés dans ses textes français littéraires.

La dialectique de l'écrivain bilingue et biculturel contribue incontestablement à la forme particulière des œuvres d'Henri Troyat, à son style. Ses œuvres laissent entrer la lumière de ses origines russes. Les nombreux ouvrages du romancier, écrits en français, sont russes par la sensibilité, par l'esprit.

L'analyse des œuvres d'inspiration russe permet d'affirmer que le style d'Henri Troyat est influencé par sa langue maternelle. La langue russe s'insère, par petites touches, dans la description ou les dialogues pour y jouer un rôle stylistique. La langue russe est intimement liée à son être profond à tel point qu'à la question « Vous-même, aujourd'hui, rêvez-vous en français? », Henri Troyat répond : *Oui, bien sûr. Pourtant, j'ai l'impression que si quelqu'un durant mon sommeil, me donnait un grand coup sur la tête, je crierais : « Aie! » avec l'accent russe* [16, p. 39].

Les personnages bilingues d'Henri Troyat se rallient souvent à l'avis de l'écrivain dans leur analyse du français et du russe. Citons à ce propos les paroles de Boris Danoff : *La langue russe est plus riche que la langue française. Plus riche et moins précise. L'abondance même du vocabulaire le rend impropre à l'expression des idées abstraites. Le poète russe sera à l'aise dans la merveilleuse, l'inextricable forêt des mots. Le philosophe russe éprouvera du mal à couler sa pensée dans une forme concise et sûre... Les mots russes sont proches de la réalité... Ils collent à l'objet. Ils évoquent*

aussitôt l'image. Les mots français, moins jeunes, moins robustes, se sont peu à peu détachés du monde des sensations immédiates. Je dis « nuage », en russe, et, instantanément, dans mon esprit pénètre un gros nuage blanc et bouclé [14, p. 349–350].

Un des personnages du roman *Les Eygletière*, Alexandre Kozlov, d'origine russe, professeur de russe à l'École des langues orientales, affirme à l'une de ses élèves : *Le français est une langue aux nuances phonétiques légères, le russe, lui, est plus accusé, plus martelé [12, p. 149].*

Les Français ne pratiquant pas le russe considèrent les caractères cyrilliques comme «mystérieux», mais une fois plongés dans l'océan des mots russes, ils en sont captivés. Tel est l'avis, en particulier, de l'architecte français Etienne Grimbosq. Il quitte Paris et vient en Russie car Pierre le Grand l'a chargé d'édifier à Saint-Petersbourg le palais de son chambellan. Dans la perspective de son futur travail, Grimbosq pria Swinton de lui apprendre le russe : *Dès les premières leçons, cette langue qu'il avait naguère jugée rebutante, le séduisit. Rien ne le préparait, semblait-il, à assimiler une prononciation aussi rocailleuse, ni une grammaire aussi compliquée [6, p. 126–127].*

Remarquons les structures préférées des russismes présents dans l'œuvre d'Henri Troyat. De préférence, le romancier utilise cet élément structurel qui est un mot. Les exemples ci-dessus le démontrent clairement. Un seul mot russe ne trouble pas d'une manière excessive l'attention du lecteur francophone. De plus, le romancier n'abuse pas de l'emploi des russismes. D'autres structures comme la combinaison de mots ou la rédaction d'une phrase complète sont beaucoup plus rares. On les trouve principalement dans l'essai de voyage, intitulé *La vie quotidienne en Russie au temps du dernier tsar*. Les combinaisons de mots apparaissent lorsque le

romancier évoque le titres des revues ou journaux russes (*Mir Isskoustva*, ou *Le Monde de l'Art*; *Novy Pout'*, ou *La Voie Nouvelle*). On rencontre également cette structure linguistique lors de l'interprétation de certaines traditions russes comme, par exemple, celle de boire le thé *v prikouskou* : *Les paysans, les ouvriers, les petits marchands ne mettaient pas de sucre dans leur thé, mais en glissaient un morceau dans leur bouche et le ménageaient, par d'habiles mouvements de langue, pendant le passage de l'infusion chaude dans leur gosier [9, p. 25].*

Pourquoi les personnages recourent à la langue russe? Cela a lieu dans les moments de nostalgie. Boris Danoff a envie de parler russe le jour où l'on saisit les meubles de la famille.

Les Russes se plaisent à parler leur langue maternelle dans les lieux de leurs rendez-vous préférés. L'inévitable église orthodoxe dans la rue Daru réapparaît, où dans tous les coins chante la langue russe. Dans le hall du théâtre du Châtelet, en attendant le spectacle où Chaliapine va chanter *Boris Godounoff*, les Russes conversaient en russe. A ce moment-là, Boris Danoff est fier d'être Russe à cause de Chaliapine, de Moussorgsky, de Pouchkine. *Il avait envie de parler russe [14, p. 542].*

Igor Dimitrievitch Lébédév refuse de se laisser examiner par un médecin français. Cet ostracisme est dû, visiblement, au fait que «l'obligation de parler français» lui paraît «au-dessus de ses forces» [15].

Nikita Voïevodoff déclare cependant à Léon Tarassoff que «lorsqu'il avait quelque chose d'important à exprimer, c'étaient des mots français qui lui venaient naturellement aux lèvres» [12]. Il en allait de même pour Nicolas Ozareff : *Pour prouver à son père qu'il n'avait pas perdu le sens national en s'éprenant d'une Française, Nicolas opta pour le russe [11, p. 207].*

Nicolas est fier de montrer sa lettre à son ami proche Roznikoff qui ne manque pas non plus de relever l'emploi de l'écriture cyrillique : *Ah! dit Roznikoff, c'est en russe... Tu as préféré?* [11, p. 210].

Michel Borissovitch répond à son fils en russe. Il l'annonce dès la première phrase de sa lettre : *Tu m'écris en russe, c'est donc en russe que je te répondrai* [11, p. 262].

Le retour à l'emploi du russe, chez Henri Troyat, s'effectue dans les conversations et les lettres intimes (famille, amis). Son usage, de préférence emblématique, est destiné à représenter les racines profondes russes. La terre de naissance et la langue de ce pays sont si profondément et solidement fixées, même, dans l'esprit et le cœur des personnages imaginaires du romancier.

L'entrée des mots russes dans la structure de l'œuvre littéraire française présente un intérêt du point de vue de leur graphie ainsi que de leur translittération assimilée. Dans les œuvres d'Henri Troyat les russismes sont présentés en graphie française, comme nous avons pu le constater dans les citations précédentes.

Il y a un cas heureux de l'emploi des sigles en cyrillique, qui n'est pas propre aux œuvres d'Henri Troyat. En décrivant la cérémonie de Pâques qui est l'une des plus belles fêtes de la liturgie orthodoxe, l'auteur introduit dans la description le sigle *X B* en cyrillique avec l'explication en bas de la page «initiales russes de Christ et de Ressuscité» (Христос воскрес, ou Christos voskres): *Dans les maisons apparaissaient les œufs colorés et les gâteaux rituels: le paskha et le koulitch, ornés de lettres X B, initiales russes de «Christ» et de «Ressuscité», Le feu d'artifice! Des pluies de joyaux retombaient sur les coupes, des roues de braise viraient au sommet des tours des lettres ardentes palpitaient au fronton des*

palais: X B. Sous cette avalanche de lumière, le Kremlin tremblait de tous ses dômes [9, p. 175].

Les mots russes ayant un emploi occasionnel ne sont compréhensibles qu'aux bilingues, c'est pourquoi leur apparition dans le texte français est accompagnée de commentaires supplémentaires, de traduction en français ou d'explication en notes. Les russismes sont mis en italiques ou entre guillemets. L'explication du vocabulaire russe se situe en général lors de la première apparition dans l'œuvre. Elle est abandonnée dans les suivantes. Des modifications typographiques sont utilisées généralement pour mettre en évidence la présence du vocabulaire russe.

Le vocabulaire russe est sujet à la translittération en caractères latins qui reproduit l'orthographe russe correcte. L'écrivain effectue assez rarement la transcription littérale.

Henri Troyat se révèle un fin connaisseur du russe lorsqu'il utilise les constructions russes orales. Il les introduit dans la bouche de ses personnages russes au moment, où ils se trouvent hors de l'ambiance officielle. Le vocabulaire russe est utilisé dans le discours des personnes, totalement ou presque totalement bilingues. Ce sont les Russes résidant en France. Le russe sert à créer l'ambiance russe ainsi qu'à montrer leur attachement profond à leur pays d'origine. Le russe est également introduit dans le discours des Français essayant d'apprendre cette langue ou seulement quelques mots.

Le nombre d'occurrences du vocabulaire russe est incontestablement lié au genre romanesque. Alors que dans les romans courts ou cycles romanesques et les biographies les russismes sont clairsemés, ils sont d'un emploi plus fréquent dans l'essai de voyage *La vie quotidienne en Russie au temps du dernier tsar*. L'auteur fait un voyage imaginaire avec Jean Roussel, fils d'une famille aisée de négociants parisiens en tissu, qui a terminé brillamment ses

études de droit et de comptabilité. En pénétrant dans des milieux variés et en observant la vie russe sous tous ses aspects, Henri Troyat s'est efforcé de capter les mille particularités de la vie quotidienne dans l'empire russe qu'il porte en lui.

La plupart des termes russes servent à désigner les réalités locales relatives à la cuisine, aux théâtres, aux restaurants et autres établissements ainsi qu'aux rites russes. Les biographies d'Henri Troyat abondent en noms propres désignant les journaux et les revues, et ceci concerne également l'essai de voyage.

L'analyse des moyens d'introduction des russismes permet de dégager un trait intéressant des ouvrages d'Henri Troyat. Le romancier, qui est parfaitement bilingue, s'interdit de recourir fréquemment aux mots russes en cyrillique dans ses œuvres, rédigées en français et adressées, avant tout, au lecteur francophone. Ceci pourrait troubler tant la compréhension de ses textes que le déroulement de la narration. Sans user de l'emploi abusif des mots russes, l'auteur nous révèle, cependant, inconsciemment la profondeur de son bilinguisme.

Les fonctions des russismes sont diverses. Le romancier s'amuse à souligner le dédoublement linguistique de ses personnages qui provient en quelque sorte de sa propre expérience. Parmi les fonctions des mots russes, signalons tout d'abord les plus traditionnelles. Les russismes apparaissent généralement pour désigner les réalités locales, propres à la culture russe, et difficilement traduisibles. L'introduction de mots et expressions russes dans le discours du narrateur contribue à traduire l'esprit russe, le mode de vie russe de l'époque décrite. Les petits plats froids que l'on sert en Russie au début du repas, avant le plat principal, sont nommés traditionnellement chez Henri Troyat par le mot russe *zakouski* et non par le mot français « hors-d'œuvre ». Ce fait souligne,

en effet, l'originalité de la cuisine russe, où les *zakouski* sont un « abondant prologue au repas proprement dit » et « dont la variété aiguise l'appétit ». Les Russes font le plaisir d'offrir aux invités français les *zakouski* russes: *Des cornichons malossol, des cèpes marinés, des harengs marinés accomodés selon une recette familiale* [5, p. 49].

Un autre mot russe *blinis* a la même destinée. Cette spécialité russe désigne notamment une crêpe, faite de pâte liquide composée de lait, de farine, d'œufs. La description d'un repas russe, chez Henri Troyat, implique systématiquement l'introduction de ce russisme *blinis* et non pas de son homologue français.

Le vocabulaire russe, employé dans le discours direct par les personnages, favorise la création de l'ambiance russe ainsi que la description d'une situation de vie fréquente, celle des Russes en exil.

L'utilisation du russe est souvent liée à la fonction expressive qui sert à traduire une certaine émotion envers la réalité. Les mots russes usuels acquièrent chez Henri Troyat une connotation stylistique. Par l'emploi fréquent du mot *samovar* l'auteur souligne l'importance de cet objet, ornement de la cuisine russe dans la vie quotidienne du peuple. Le *samovar* est l'incarnation de la cordialité du foyer domestique, de l'atmosphère d'intimité, du bien-être, de l'entretien amical et sincère. Le *samovar* devient un détail important de la tradition russe culturelle. En ancienne Russie, le *samovar* existait dans les familles de couches différentes. Il était dans la cour des tsars ou dans les isbas des paysans. C'était le signe de l'hospitalité russe ainsi que de l'aisance matérielle. Plusieurs écrivains et poètes russes, décrivant le mode de vie russe, s'arrêtent au cérémonial du thé (Pouchkine, Blok). Le *samovar* figure sur une jolie toile *Marchande buvant du thé* du peintre

russe Boris Koustodiev. Sur le fond d'un paysage de ville de province, qui pourrait être n'importe laquelle des vieilles villes russes – se dresse, telle une statue païenne, une marchande imposante prenant le thé. L'importance du samovar manifeste, d'ailleurs, dans les deux passages suivants d'Henri Troyat : *Dans toutes les provinces, le samovar était l'âme de la maison, le symbole de la détente et du bien-être. L'apparition du samovar sur la table bouleversa ces hommes qui, depuis longtemps, avaient oublié les douceurs de la vie familiale* [13, p. 45].

Les gens se pardonnaient devant le samovar, sans se dire un mot, comme le faisaient le vieux et malade Igor Dimitrievitch Lébédév et sa femme de ménage Zénaïde Antonovna dans *Le bruit solitaire du coeur: Et ils se réconciliaient, sans un mot, devant le samovar* [15, p. 72].

Michel Borissovitch, le beau-père de Sophie, est plus heureux devant le samovar : *Sophie l'invita à prendre du thé. A la vue du samovar, il s'épanouit complètement* [8, p. 203].

Le samovar est présent dans les auberges de l'ancienne Russie, où les gens passent la nuit au relais : *Un samovar bouillait en permanence sur une grande table, au milieu de la salle, Vingt personnes devaient assiéger le samovar* [8, p. 321].

En parlant fréquemment de l'importance de la cérémonie du thé devant le samovar, Henri Troyat remarque, en outre, que le mot *pourboire* français correspond à l'expression russe *на чай*, (*natchai*), pour le thé. La tradition de prendre du thé est bien vivante en Russie d'aujourd'hui. On observe une comparaison fort amusante où l'image de la cérémonie du thé est évoquée pour désigner «l'interrègne le plus extravagant de l'Histoire»: *On offre l'empire de Russie comme une tasse de thé à l'un, à l'autre, et personne n'en veut* [9, p. 7].

Le passé de la Russie a connu cette période étrange dont les personnages d'Henri Troyat se souviennent. Le tsar Alexandre Ier est mort en 1825 à Taganrog. Constantin Pavlovitch, son frère aîné, repousse la couronne sans bouger de Varsovie. Nicolaï Pavlovitch, le frère cadet d'Alexandre Ier, après avoir ploclamé son frère empereur, se demande s'il pourra faire revenir la troupe sur son serment. Incontestablement, une pareille comparaison peut venir à l'esprit d'un héros d'origine russe.

L'emploi, à plusieurs reprises, du mot *moujik* dans différents contextes correspond à l'image du moujik russe de l'ancienne Russie. Il s'agit d'un homme grossier, négligemment vêtu, illettré, mais qui n'est pas dépourvu, en même temps, d'un charme slave: *Le moujik et l'alphabet ne sont pas faits pour vivre ensemble* [7, p. 45].

Plusieurs personnages du romancier sont les émigrés russes de la première vague et ils croient qu'ils ont mission de garder les valeurs et les traditions de la culture russe. Ils considèrent notamment leur nouvel environnement comme une condition temporaire de leur existence. Ils veulent, bien sûr, que leurs enfants restent Russes et craignent, par-dessus tout, qu'ils perdent leur nationalité. Les aspects linguistiques, en particulier, jouent un rôle important dans la conscience nationale. La préoccupation constante et inlassable de la défense de la langue russe dans un univers étranger, depuis les décennies, permet, d'ailleurs, aux Russes, parfois devenus citoyens français, de sauvegarder cette langue et de la transmettre de génération en génération. Mais, malgré ces énormes efforts concertés, l'environnement francophone marque progressivement la langue des émigrés russes. Dans leur conversation, des mots français se mêlent aux mots russes. Ce phénomène donnera aux personnages l'idée de nommer ce nouvel idiome la «langue de l'exil».

Il se surprend, lui-même, à insérer des mots français lorsqu'il parle avec Tania Danoff. Il entend également les conversations franco-russes des enfants des Danoff. Tous lui semblent parler le même langage: *Déjà, ils forgent la langue de l'exil. Un peu de vocabulaire russe, un peu d'argot parisien* [7, p. 46].

Le russe et le français peuvent entrer en concurrence dans la conscience des Russes, résidant en France. Les repères linguistiques du changement des deux langues sont nombreux dans les textes d'Henri Troyat. Mme Baranova interrompt la conversation française avec son élève Sylvie pour crier quelque chose en russe à la femme qui s'occupe de son appartement. Cette dernière, qui ressemble comme une sœur à Mme Baranova, bredouille également des excuses en russe. Madame Baranova, pendant des leçons de chorégraphie aux jeunes filles françaises, compte d'une voix claironnante, tantôt en russe, tantôt en français : «I raz, i dva, i tri, i tchetyri... Et une, et

deux, et trois, et quatre...» Elle complimente également ses élèves, tantôt en russe, tantôt en français: Khoroch! C'est bien, Sylvie».

Les mots russes sont utiles au lecteur pour qu'il prenne progressivement ses marques dans un milieu qui lui est étranger. Dans les œuvres d'Henri Troyat le vocabulaire russe, avec sa connotation de culture nationale bien marquée, contribue à créer la Russie que l'écrivain aime profondément tout au long de sa vie. Henri Troyat se révèle un virtuose de l'écriture en mélangeant le français et le russe et en abolissant dans son imagination les frontières entre deux mondes, le français et le russe.

En émaillant ses œuvres de russismes et de citations russes, le romancier franchit la frontière. Par là, ses livres atteignent une ampleur particulière. Ils entraînent les lecteurs dans une coopération intellectuelle avec l'écrivain biculturel et les incitent à souhaiter comme lui un rapprochement entre la Russie et la France.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Телешова Р.И.** Анри Труайя: франко-русская симфония: монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2012.
2. **D'Estienne D'Orves N.** Henri Troyat, la fin d'une histoire russe // Le Figaro. – 2007. – № 56. – P. 5.
3. **Gazarian-Gautier M.-L.** Henri Troyat, Un artisan de plume. – P. : Editions des écrivains, 2003.
4. **Telechova R.I.** Frontières et rêveries des origines dans l'oeuvre d' Henri Troyat. – [Electronic resource]. – URL: <http://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00149220/>
5. **Troyat H.** Aliocha. – P. : Editions J'ai lu, 1996.
6. **Troyat H.** Grimbosq. – P. : Editions J'ai lu, 1991.
7. **Troyat H.** La Barynia. – P. : Editions J'ai lu, 1997.
8. **Troyat H.** La Gloire des vaincus. – P. : Editions J'ai lu, 1995.
9. **Troyat H.** La vie quotidienne en Russie au temps du dernier tsar. – P. : Hachette, 1991.
10. **Troyat H.** Les auteurs et leurs livres. Tant que la terre durera // Les Annales. – 1952. – № 20. – P. 5–112.
11. **Troyat H.** Les Compagnons du coquelicot. – P. : Editions J'ai lu, 1997.
12. **Troyat H.** Les Eygletière. – P. : Editions J'ai lu, 1996.
13. **Troyat H.** Sophie ou la fin du combat. – P. : Editions J'ai lu, 1997.
14. **Troyat H.** Tant que la Terre durera. Étrangers sur la terre. – Toulouse : La Table Ronde, 1959.
15. **Troyat H.** Un bruit solitaire du cœur. – P. : Editions du Club France Loisirs, 1986.
16. **Troyat H.** Un si long chemin. – P. : Editions J'ai lu, 1996.

© R. I. Teleshova

UDC 372.016 + 811.133.1

THE RUSSIAN LANGUAGE IN D'HENRI TROYAT'S LIFE AND WORKS*R. I. Teleshova (Novosibirsk, Russia)*

The article focuses upon the influence of Russian culture and the Russian language on the works of a modern French writer d'Henri Troyat who has some Russian background but, by a twist of fate, lived most of his life in France considering himself a French writer with a Russian soul. Analysed are the role of a family in keeping mother tongue and the Russian traditions in d'Henri Troyat's life, his thoughts about peculiar features of the Russian language, and intertextual inclusion of Russian lexis into French fiction. Frequent inclusion of Russisms reflecting local realities into artistic narration is a dominant stylistic device of d'Henri Troyat's 'Russian cycles'. Such Russisms manifest Russian spirit and Russian world, performing the function of creating 'local coloring', the image of Russia, which makes close links between the writer and his numerous personages. Implicit Russisms along with traditional explicit ones define their stylistic expression that depends also on their frequency. The expression of the Russian lexis is defined by its unusual sounding which helps make associations between Russian words and national environment where a certain language is functioning. The Russian lexis is preferably used transliterated in the speech of the author or personages of the Russian origin. There are rare cases when authentically spelt Russisms have been used in French texts. The thematic variety of Russisms is wide but the most active and large group includes everyday items. D'Henri Troyat, a bilingual writer, who agrees with theoretical philologists, emphasises the peculiar status of "expatriation language" as a linguistic phenomenon. The writer, not aiming at investigating all linguistic details of that phenomenon, still makes it clear that such language really exists. D'Henri Troyat explains this by the fact that Russian emigrants believe it their mission to keep Russian cultural and linguistic values and traditions. Most of his literary personages, bilingual and bicultural like the writer himself, consider a new French surroundings as a temporary condition of their existence. Russian-oriented descriptive passages in d'Henri Troyat's works help the writer make his native country closer, and the French reader enjoy the beauty of such descriptions, and, in some cases, improve the translation of Russian cultural realities.

The research is based on d'Henri Troyat's works that are mostly unavailable in Russia and have been presented to the author of this research as a gift.

Keywords: *Henri Troyat, French literature, the Russian language, explicit and implicit Russisms, intertextuality, Russian orientation, Russian world, bilingualism, biculturalism, transliteration.*

REFERENCES

1. **Teleshova R.I.** *Henri Troyat: Franco-Russian symphony: monograph.* Novosibirsk: NSPU, 2012. [In Russia]
2. **D'Estienne D'Orves N.** Henri Troyat, la fin d'une histoire russe // *Le Figaro.* – 2007. – № 56. – P. 5.
3. **Gazarian-Gautier M.-L.** *Henri Troyat, Un artisan de plume.* – P. : Editions des écrivains, 2003.

17. **Telechova R.I.** Frontières et rêveries des origines dans l'oeuvre d' Henri Troyat. – [Electronic resource]. – URL: <http://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00149220/>
4. **Troyat H.** Aliocha. – P. : Editions J'ai lu, 1996.
5. **Troyat H.** Grimbosq. – P. : Editions J'ai lu, 1991.
6. **Troyat H.** La Barynia. – P. : Editions J'ai lu, 1997.
7. **Troyat H.** La Gloire des vaincus. – P. : Editions J'ai lu, 1995.
8. **Troyat H.** La vie quotidienne en Russie au temps du dernier tsar. – P. : Hachette, 1991.
9. **Troyat H.** Les auteurs et leurs livres. Tant que la terre durera // Les Annales. – 1952. – № 20. – P. 5–112.
10. **Troyat H.** Les Compagnons du coquelicot. – P. : Editions J'ai lu, 1997.
11. **Troyat H.** Les Eygletière. – P. : Editions J'ai lu, 1996.
12. **Troyat H.** Sophie ou la fin du combat. – P. : Editions J'ai lu, 1997.
13. **Troyat H.** Tant que la Terre durera. Étrangers sur la terre. – Toulouse : La Table Ronde, 1959.
14. **Troyat H.** Un bruit solitaire du cœur. – P. : Editions du Club France Loisirs, 1986.
15. **Troyat H.** Un si long chemin. – P. : Editions J'ai lu, 1996.

Teleshova Raisa Ivanovna – Cand. Sc. (Philology), Ph.D. of the Tulon University (France), professor, the head of the French chair at the federal state budget educational institution of the higher professional education, Novosibirsk State Pedagogical University.

E-mail : raissa.telechova@gmail.com

© Л. Н. Кретьова

УДК 811.111

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБРАЗА ВОДЫ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ Н. ЗАБОЛОЦКОГО И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК*

Л. Н. Кретьова (Новосибирск, Россия)

В статье рассматриваются мифологические составляющие образа воды в ранней лирике Н. Заболоцкого. Цель статьи – определить доминирующие смыслы мифологической парадигмы с условным названием «вода» и их репрезентированность в текстах стихотворений. В процессе работы использовались сравнительно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы анализа, что позволило рассмотреть динамику мифологемы в диахронии и определить ее семантические составляющие в синхронии. Сопоставление семантики мифологемы в индоевропейских языках позволяет выявить специфику русской языковой картины мира, представленной в текстах поэта. Обращение к семантическому пространству текста продиктовано необходимостью сегментировать текст для дальнейшей работы над его переводом. В статье освещены основные трудности перевода поэтического текста исходя из общего/различного в семантике мифологемы «вода» в русском и английском языках.

Ключевые слова: мифопоэтическая парадигма, семантика, перевод, контекстное варьирование.

Обращение к мифологической основе философской концепции Н. Заболоцкого предполагает обзор существующих доначинных концепций мироустройства и рассмотрение их проецирования на тексты ранней лирики поэта. «Неомифологизм Заболоцкого – возвращение на новом витке к мифологическим интенциям символистов», – пишет З. Г. Минц [7, с. 76]. Строя свой миф на основе классических мифоло-

гем, Заболоцкий обращается к приемам так называемого двойного кодирования текста, в ходе чего в тексте появляется как прямой, так и скрытый смысл.

Исследование творчества Н. Заболоцкого с мифологических позиций требует некоего структурирования и систематизации. Для этого предлагается использовать понятие мифопоэтическая парадигма.

* Статья подготовлена по результатам работы научно-образовательного центра «Кросс-культурные компетенции» в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» на 2012–2016 гг.

Кретьова Лариса Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: kretlarisa@mail.ru

Мифопоэтическая парадигма понимается нами как группа лексики, имеющая ассоциативную связь с мифологическими образами и используемая в тексте как средство создания мифологического подтекста и средство поэтизации речи.

«Мифопоэтическая парадигма в ранней лирике Н. А. Заболоцкого – это парадигма сквозного характера, т.е. охватывающая все тексты раннего периода творчества поэта и позволяющая говорить о мифопоэтическом типе мышления автора художественных текстов. Связь рассматриваемой парадигмы с концептуальной картиной мира поэта очевидна: интерпретация текстов позволяет говорить о доминантных ценностных ориентирах в ККМ Н.Заболоцкого, выйти на специфику текстов поэта, а также реконструировать систему категорий мироощущения раннего Заболоцкого и проследить модификацию мифологических основ ККМ в мифопоэтические» [3, с.44].

Начинаясь на уровне названий текстов («Лицо коня», «Змеи», «Вопросы к морю», «Птицы», «Царица мух», «Школа жуков», «Безумный волк» и т.д.), мифологемы представлены как вербализованные мифологемы и невербализованные непосредственно в стихотворных текстах. Так, к вербализованным мифологемам относятся кусты в стихотворении «Белая ночь», пальмы в стихотворении «Вечерний бар», голова в стихотворении «Форвард», лошадь в стихотворении «Болезнь», змея в стихотворении «Змеи», вода в стихотворении «Поэма дождя» и т.д. К невербализованным мифологемам можно отнести опосредованное упоминание мифологемы или отсылка к мифологеме, созданная за счет синтагматических особенностей языковых единиц: в стихотворении «Офорт» на уровне синтагматики задана мифологема «лошадь»: «Его постояльцы ведут под узд-

цы», в стихотворении «Ивановы» к невербализованным мифологемам можно отнести мифологеме «мышь»: «Одной мышьиной норой», в стихотворении “Народный дом” мифологема “птицы” задана строкой: “Народный дом, курятник радости...” и т.п.» [2, с. 153].

Мы уже отмечали, что исследование вербализованных и невербализованных мифологем в ранней лирике Н. А. Заболоцкого позволяет интерпретировать тексты поэта в рамках неомифологической традиции, что обеспечит глубинное понимание текстов поэтических произведений.

Рассмотрим мифологеме «вода» как составляющую мифологической картины мира поэта.

«Вода. Этот первоэлемент Вселенной считался священным у древних. Юнг называет воду символом бессознательного, Маковский считает воду символическим обозначением первобытного хаоса, но вместе с тем это спасительное, священное начало. «Нередко вода становится обозначением смерти, т.е. входит в состав дихотомии “жизнь-смерть”» [6, с. 76].

В текстах Заболоцкого вода предстает перед нами в разных ипостасях: «Качалась **Невка** у перил...» («Белая ночь»), «Ганцуют девочки с зарею у голубого **ручейка...**» («Футбол»), «...Переполнен до горла подземной **водой**» («Офорт»), «Кропилом **мочит**» («Болезнь»), «Гавайский фокус над **Невою**» («Фокстрот»), «В моем окне на весь квартал **Обводный** царствует **канал**» («Обводный канал»), «...Приходи купаться в **речку...**» («Купальщички»), «Хочу у **моря** я спросить...» («Вопросы к морю») и т.п.

«Модифицируясь в каждом конкретном контексте до текстового значения, образ-символ воды в текстах поэта имеет сквозной характер и чаще всего связан именно с

названными мотивами – очищения и святости (по отношению к природе) и смерти, умирания (по отношению к человеку). Кроме того, вода отсылает нас к другим мифологическим подтекстам: вода-луна как символ женского начала, подземные воды Стикса, как граница двух миров и т.д.» [2, с. 150]

Обратимся к конкретным примерам из текста. Как воды Стикса представлена вода в стихотворении «Офорт», что задает оппозицию «жизнь-смерть»: «*Покойник по улицам гордо идет... Он в медных очках, в перепончатых рамах, переполнен до горла подземной водой...*» Мифологема «вода» в данном контексте входит в парадигму «смерть» и поддерживается контекстуально, лексикой с общей семантикой «мертвый»: «покойник», «очки», «рама», «подземный». При этом первый и последний компоненты парадигмы являются общеязыковыми, второй и третий – индивидуально-авторскими, они входят в группу лексики «геометрические фигуры» и связаны с семантикой смерти по ассоциативному принципу. Семантика жизни передается глаголами перемещения в пространстве «идти», «бежать», а также глаголом пассивного перемещения «ведут», что приводит к нарушению синтагматики глаголов, требующих одушевленного субъекта действия. Но именно это нарушение сочетаемости и задает названную ранее оппозицию «жизнь-смерть».

Мифологический подтекст стихотворения определяется семантикой слова «подземный», отсылающего нас к одной из моделей пространства – пространству Мирового древа и его аналога – Мирового яйца. «Большое значение имеет миф о так называемом «Мировом древе», т.е. дереве, которое, по поверьям язычников, находится, якобы, посредине мироздания и олицетворяет Вселенную. Корни этого дерева были символом «нижнего

мира», ствол – «среднего мира», а крона – «верхнего мира» [6, с. 101–102]. Такая модель называется дендроцентрической. Слово *подземный* отсылает нас к нижнему миру дендроцентрической пространственной модели мироустройства.

Модель мироустройства в виде мирового яйца предполагает наличие нескольких плоскостных сфер-слоев: в индуистской модели Вселенной мировое яйцо разделено на 42 слоя (верхний – мир богов, средний – мир людей, нижний – преисподняя, мир духов). Вселенная изображалась и в виде серебряного яйца, обвиваемого спиралью змеи, которая символизировала Время как границу божественно созданной Вселенной, что иллюстрирует связь пространства и времени в рамках модели мироустройства [6, с. 99–121]. Слово *подземный* вызывает ассоциации с нижним миром, миром духов, что позволяет говорить о некоем мистическом подтексте стихотворения. На это указывает и само развитие лирической композиции: покойник бежал, покойник идет.

Вода как центр мира, как мировая река, следовательно, как воплощение гидроцентрической модели мироустройства, представлена в стихотворениях с конкретными названиями рек: Нева, Невка. «Качалась **Невка** у перил...» («Белая ночь»), «Гавайский фокус над **Невою**» («Фокстрот»). Помимо задания определенной мифологической семантики, образы рек образуют некую оппозицию (бытовое – возвышенное).

Вода как реализованное амбивалентное начало представлено в стихотворении «Поэма дождя». Текст стихотворения выстроен как диалог Волка и Змеи, при этом в родовой характеристике имен уже заложена оппозиция «мужское – женское». Именно эта оппозиция представлена в текстовых характеристиках мифологемы «вода»: «Вода, как ма-

тушка, поет, Когда на нас тихонько льет», - произносит Волк, задавая одну из основных характеристик образа-мифологемы - женская ипостась.

Контекстным синонимом слова «вода» является слово «дождь»:

При солнце льется ясный *дождь*,
Течет *вода* две-три минуты,
Крестьяне бегают разуты,
Потом опять сияет свет,
Дождь миновал, и *капель* нет.
Открой мне смысл картины этой.

Змея

Иди, с волками побеседуй,
Они дадут тебе отчет,
Зачем *вода* с небес течет.
В о л к
Отлично. Я пойду к волкам.
Течет *вода* по их бокам [9].

Значение слова «вода» соотносится с семантикой спасения, защиты, что и представлено в цитируемом тексте. С другой стороны, вода как женское начало: А *wip*-«быть мокрым, влажным», но др.-англ. *wip* «женщина», ирл. *dobur* «вода», но исл. *dubba* «женщина», лат. *aqua* «вода», но арм. *eg* «женщина»; и.-е. **seu*-«жидкость», но латыш. *sieva* «женщина», и.-е. **kel*- «жидкость» [6, с. 78].

У Н. А. Заболоцкого в одном контексте представлены оба мифологических значения, которые, модифицируясь, приобретают еще и третье: вода как божественное начало способна разрушать и смывать грехи мира, что отсылает нас уже к более позднему мифу о Всемирном потопе:

Когда могучих вод поток
Сшибает с ног лесного зверя,-
Самим себе еще не веря,
Мы называем это: *бог* [9].

Обратим внимание на контекстное варьирование мифологемы: как *матушка*, называем это *бог*. Это позволяет говорить о

двойственности мифологического образа воды, что собственно, отражено в мифологии: вспомним миф о Зевсе, явившегося Данае золотым дождем, и станет очевидным мифологический «перевертыш» Н. Заболоцкого. Символика дождя обусловлена тем, что он льется с небес [8]. Отсюда его общность со светом. Здесь объяснение того, почему дождь часто считается символом «духовных воздействий», нисходящих на землю [8]. Символом дождя является змея – мудрость мира, согласно зооморфной модели мироустройства, тогда как волк – существо нижнего мира, прародитель собаки, точнее Цербера, охраняющего вход в царство мертвых. Нижний мир и воды Стикса заданы образами волка и воды, образ верхнего мира - образами змеи и дождя. Но дождь падает на землю, и именно эта ситуация рассмотрена в тексте.

В тексте поэта вода не только мужское начало, но и женское, дождь, льющийся на землю, назван водой, что переводит его категорию женских мифологем. Вместе с тем в другом тексте «Столбцов» – «Самовар» - льющийся в чашку кипятков (существительное мужского рода) связывается с семантикой божественного оплодотворения земли небом, женского начала мужским.

«Соответственно, художественная модель пространства Заболоцкого, как правило, по вертикали представляет собой «двойную» (как бы зеркально отраженную) полусферу, неограниченно расширяющуюся в перспективе и бесконечно углубляющуюся по оси «верх-низ». Точнее говоря, есть две зеркально развернутые расширяющиеся полусферы и соединяющая их ось мира с центром, в котором находится лирический субъект Заболоцкого. Модус художественного мира поэта, а равно и пространство, организованное по вертикальной оси, параболически открыты в беспредельность. Лексема «бездна» (с при-

сущей ей семантикой глубины) ярко характеризует мифологичность пространственных представлений, амбивалентно обозначая в некоторых случаях космические «верх» и «низ».

Пространство поэзии Николая Заболоцкого манифестирует мифологему мирового пространства самого автора. Природа для него – абсолютная мера, а модус материального и (амбивалентно) потустороннего мира отличается всесторонней разомкнутостью и абсолютной безграничностью» [5, с. 138–142].

Таким образом, благодаря мифологемам мы выходим на пространственную организацию текста стихотворения: инверсия верха и низа – типичное явление для ранней лирики поэта, а также двойственность мужского и женского, их амбивалентность.

В процессе перевода текстов с мифологемой «вода» на английский язык возникает ряд трудностей, основные из которых мы отметим.

Если сравнивать соотношение мифологических значений «вода» — «спасать»; «защищать», то в древнеанглийском *nerian* "спасать"; др.-англ. *cagor* "водный поток", др.-англ. *ealgian* "спасать" [6, с. 77]. Эта семантика в русском языке не представлена, следовательно, у англоязычного читателя возникнет дополнительный мифологический подтекст, связанный с семантикой воды – спасать, защищать.

Вода могла, согласно представлениям язычников, выступать не только как спасительное, священное начало, но и как источник зла, гибели, смерти (дихотомия «жизнь – смерть»). В этой связи следует указать, что русское слово *объегорить* не имеет никакого отношения к имени собственному *Егор*, а соотносится с др.-англ. *eagor* "поток воды". Этот компонент мифологической семантики является общим для двух языков, пред-

ставлен в тексте оригинала и может быть сохранен в тексте перевода [6, с. 77].

Вода связана с семантикой обмана в русском и английском языках: в древнеанглийском "*lutian* "обманывать", в русском диалектном «луд» – «обман» [6, с.78]. Этот смысл в тексте стихотворения проявляется в «перевертыше» мужского и женского, верха и низа.

Жидкость в языческом сознании нередко уравнивается с речью (речь течет). Этот компонент в тексте реализован за счет контекстного сочетания «вода как матушка поет», но в английском языке представлена в виде семантики глагола *clipian* – кричать. Частичное совпадение семантики есть, но в русском языке – это гармоническое начало (пение), в английском – громкая речь или звуки.

Понятие «потусторонний мир» первоначально имело значение «относящийся к воде» или «находящийся за водой / рекой» (согласно древним представлениям, души умерших переправлялись в загробный мир по воде) [6, с. 77].

В древнеанглийском *wang* "загробный мир, поляна для душ", в русском – вода. Этот компонент сохраняется при переводе текстов Н.Заболоцкого на английский язык.

Вода, в отличие от огня, понималась как женское начало: в древнеанглийском *wif* «женщина», но в русском варианте присутствует амбивалентность женского и мужского начал, что не представлено в семантике английского слова.

Итак, при частичном сохранении мифологического подтекста образа воды при переводе будут утрачены некоторые компоненты, как например, «амбивалентность мужского и женского» и «плавная речь», но приобретаются компоненты «спасать, защищать». Общими остаются семантика «поземный мир» и дихотомия «жизнь-смерть».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кротова Л. Н.** Антропоцентрическая мифопоэтическая парадигма в стихотворении Н. А. Заболоцкого «Форвард» и особенности перевода текста стихотворения на английский язык // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2012. – № 5(9). – С. 115–122.
2. **Кротова Л. Н.** Элементы идиолектной семантики в ранней лирике Н. А. Заболоцкого и проблемы перевода поэтического текста на английский язык: монография. – Новосибирск: НГПУ, 2011. – 198 с.
3. **Кротова Л. Н.** Самостоятельная работа с художественным текстом: учебно-методическое пособие. – Новосибирск, 2012. – 104с.
4. **Кротова Л. Н.** О мифопоэтической составляющей образа змеи в стихотворении Н. А. Заболоцкого «Змеи» // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы Международной научно-практической Интернет- конференции (21-28 февраля 2011г). – Новосибирск : НГПУ, 2011. – С. 59–64. (<http://fll.nspu.net/?p=128>)
5. **Коптева Г. Г.** Мифологическое пространство поэзии Николая Заболоцкого / Сб. науч. статей БГПУ «Культура и текст: культурный смысл и коммуникативные стратегии». – Барнаул, 2008. – С. 138–142.
6. **Маковский М. М.** Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. – М., 1996. – 416 с.
7. **Миц З. Г.** Символ у Александра Блока // Поэтика Александра Блока. – СПб., 1999. – С. 76.
8. **Энциклопедия** символики и геральдики. – [Электронный ресурс]. – URL <http://www.symbolarium.ru/index.php/Дождь> (дата обращения 21.09.2013).
9. **Заболоцкий Н. А.** Поэма дождя. – [Электронный ресурс]. – URL:<http://www.stihirus.ru/1/Zabolockiy/120.htm> (дата обращения 20.08.2013).

© L. N. Kretova

UDC 811.111

THE MYTHOLOGICAL COMPONENTS OF THE IMAGE OF WATER IN N. ZABOLOTSKY'S EARLY LYRICS AND THE PROBLEMS OF TRANSLATION OF THE POETIC TEXT INTO ENGLISH

L. N. Kretova (Novosibirsk, Russia)

Mythological components of the image of water in N. Zabolotsky's early lyrics are considered in the article. The purpose of this article is to define dominating meanings of the mythological paradigm with the code name "water" and their representativeness in the poems. During the work comparative-historical and comparative methods of the analysis were used which allowed to consider the dynamics of a mytheme in the diachrony and to define its semantic components in the synchrony. The comparison of semantics of a mytheme in Indo-European languages allows to reveal the specific character of the Russian language picture of the world presented in the poet's works. The use of the semantic space of the text is dictated by the need to segment the text for further work on its translation. The main difficulties of translation of the poetic text based on common/different things in the semantics of the mytheme "water" in Russian and English languages are highlighted in the article.

Keywords: *mythological paradigm, semantics, translation, context variation.*

REFERENCES

1. **Kretova L. N.** The Anthropocentric Myth and Poetic paradigm in the N. A. Zabolotsky's poem, «Forward» and the Peculiarities of the Translation of the Poem into English // Novosibirsk state pedagogical University Bulletin. – 2012. – № 5(9). – P. 115–122.
2. **Kretova L. N.** Elements of Idiolekt Semantics in N. A. Zabolotsky's Early Lyrics and Problems of Translation the Poetic Text into English: monograph. – Novosibirsk: NSPU, 2011. – 198 p.
3. **Kretova L. N.** The Independent Work with Artistic text: textbook. – Novosibirsk, 2012. – 104 p.
4. **Kretova L. N.** About a Mifopoetichesky Component of an Image of a Snake in N. A. Zabolotsky's Poem of "Snake" // Actual Problems of Philology and Technique of Teaching of Foreign Languages: Materials of the International Scientific and Practical Internet Conference (on February 21-28, 2011) – Novosibirsk: NGPU, 2011. – Pp. 59–64. (<http://fpl.nspu.net/?p=128>) (date of the address 21.09.2013).
5. **Kopteva G. G.** Mythological Space of Poetry of Nikolay Zabolotsky / Collection of Scientific Articles of BGPU "Culture and Text: Cultural Sense and Communicative Strategy". – Barnaul, 2008. – Pp. 138–142.
6. **Makovsky M. M.** The Comparative Dictionary of Mythological Symbolics in Indo-European Languages. Image of the world and worlds of images. – M., 1996. – 416 c.
7. **Mintz Z. G.** The Symbol of Alexander Blok // Poetics of Alexander Blok. – SPb., 1999. – P. 76.
8. **The Encyclopedia of Symbols and Heraldry.** – [Electronic resource]. – URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Дождь> (date of access : 21.09.2013).

9. **Zabolotsky N. A.** The Poem of Rain. – [Electronic resource]. – URL: <http://www.stihi-rus.ru/1/Zabolockiy/120.htm> (reference date 20.08.2013)

Kretova Larisa Nikolaevna – the candidate of philological sciences, the associate professor of the faculty of foreign languages, Novosibirsk State Pedagogical University.

E-mail: kretlarisa@mail.ru

www.vestnik.nspu.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

© И. В. Архипова

УДК 811.112.2 (075.8)

КРАТНЫЙ ТАКСИС В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

И. В. Архипова (Новосибирск, Россия)

В статье рассматриваются немецкие высказывания с предложными девербативами с точки зрения формирования в них таксисно-хронологических отношений кратной одновременности и разновременности. Функционально-семантический анализ таксисных отношений показывает следующие типы таксисных отношений: собственно таксисные отношения кратной одновременности (полной/частичной), обстоятельственно-таксисные отношения: модально-, кондиционально-, каузально- и медиально-таксисные отношения кратной одновременности, а также собственно таксисные и обстоятельственно-таксисные отношения кратной разновременности.

Ключевые слова: предложные девербативы, таксисные отношения, таксисные отношения кратной одновременности, собственно таксисные отношения кратной одновременности, обстоятельственно таксисные отношения кратной одновременности, таксисные отношения кратной разновременности, собственно таксисные отношения кратной разновременности, обстоятельственно-таксисные отношения кратной разновременности.

В немецких высказываниях кратного типа, содержащих девербативы с предлогами *während, seit, vor, nach* и предлогами *in, bei* при наличии в них итеративных девербативов, глаголов, а также обстоятельств/атрибутов итеративной или дуративной семантики формируются собственно таксисные отношения кратной одновременности или разновременности действий (событий или процессов) [1, с. 98]. Ср.:

Während des Spielens aber neigte die Dame *manchmal* den schönen Blondkopf zur

Seite und dachte mit leisem Wonnegefühl an ihren Dichter (H. Hesse).

Vor dem Schreiben wusch er sich *stets* die Hände ... (H. Fallada).

В некоторых высказываниях кратного типа с предлогами *in, bei, mit, unter* в модальном, медиальном, каузальном или кондициональном значениях, возможно формирование таксисных отношений кратной одновременности, осложненных некоторыми другими обстоятельственными отношениями (модальными, медиальными, каузальными и кондициональными). Ср.:

* Статья подготовлена по результатам работы научно-образовательного центра «Кросс-культурные компетенции» в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» на 2012–2016 гг.

Архипова Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, профессор кафедры немецкого языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: irarch@ngs.ru

Der Redakteur suchte die beängstigende Erregung des Mannes zu beruhigen, in dem er ihm *mehrmals unter wohlwollendem Brummen* auf die Schultern klopfte (H. Hesse).

Der Redakteur suchte die beängstigende Erregung des Mannes zu beruhigen, in dem er ihm *mehrmals unter wohlwollendem Brummen* auf die Schultern klopfte (H. Hesse).

Die Hunde bekamen ihren Trockenfisch, und nachdem jeder seinen Anteil *unter Knurren* verschlungen hatte, rollten sie sich im Schnee auf (H. E. Nossack).

Mit hartnackigem und verbissenem Schweigen hatte er jeden Versuch, seine Verbindungen aufzusuchen, seine Mittelsmänner zu nennen, abgewehrt ... (J. Petersen).

На формирование таксисных отношений кратной одновременности или разновременности действий оказывают влияние семантика итеративных девербативов и итеративный характер действий или процессов, обозначаемых глагольными предикатами. Например:

Jedesmal erschrecke ich ein wenig, wenn sie *mit einem seltsamen Schwingen ihres Körpers* mein Zimmer betrat (H. Böll).

Er hat im Luxus gelebt und will nun im Luxus sterben, er ist kultiviert und *klatscht beim Krepieren in die Hände*: «Beifall, meine Freunde, die Theatervorstellung ist zu Ende!» (F. Dürrenmatt).

Среди итеративных девербативов целесообразно различать имена, характеризующиеся генетической итеративностью (мультипликативной или дистрибутивной), унаследованной ими от производящих глаголов итеративной семантики, и имена словообразовательной неоднократности (мультипликативной или итеративной) [2, с. 83–84; 5, с. 133–152].

К первым относятся субстантивированные инфинитивы итеративной семантики,

образованные от различных глаголов итеративно-фреквентативного характера (das Nicken, das Klopfen, das Schulterklopfen, das Schlucken, das Händeschütteln, das Kopfschütteln). Ср.:

In den Frühstückspausen saß ich allein im Klassenzimmer, verzog *beim Schlucken* das Gesicht und lauschte dem Lärm und dem Lachen (E. Kästner).

Sie wurde der Antwort enthoben, denn *nach kurzem heftigen Klopfen* öffnete sich die Tür, und ein Kellner stand auf der Schwelle (E. Langgässer).

Ко вторым – аффиксальные итеративные девербативы на -ung, -t, -e и безаффиксные имена типа der Angriff, der Besuch и др.

По замечанию В. С. Храковского, семантический признак кратности ситуаций, реализующийся «как совокупность двух сопряженных значений: единичности и множественности» каждое из которых соотносится с лексемой и с целостной ситуацией, обозначаемой в высказывании, находит последовательное выражение среди аффиксальных девербативных существительных [5, с. 126].

Аффиксальные итеративные имена, употребляемые в форме множественного числа, обозначают некоторые многоактные действия или процессы, характеризующиеся мультипликативной итеративностью (die Verbeugungen, die Erzählungen, die Überlegungen), а также некоторые многократно повторяющиеся действия или события (die Angriffe, die Besuche, die Wanderungen, die Begegnungen). В последнем случае семантика отглагольных имен характеризуется собственно итеративной неоднократностью. Например:

Ich habe *bei allen früheren Angriffen* den eindeutigen Wunsch gehabt: Möge es echt schlimm werden! (A. Seghers).

Augenblicke mit Anna fielen ihm ein *während der Wanderungen* und Ausflüge, bei der Rast am Waldrand ... (H. Otto).

Среди глаголов итеративной семантики различают: мультипликативные (итеративно-семельфактивные) глаголы (zittern, wippen, ächzen, flüstern, zucken, seufzen, schlucken, klopfen), собственно итеративные (schnarren, streichen, rasseln), деминутивно- и интенсивно-итеративные глаголы (lächeln, streicheln, rattern), а также дистрибутивы (zusammenrufen, zusammenkommen, auseinandergehen) [5, с. 151–152].

Согласно терминологии Р. З. Мурясова, в высказываниях, содержащих в качестве базовых предикатов глаголы итеративной семантики (мультипликативы/итеративы) речь идет о таксисно обусловленной итеративности обозначаемых ими действий [4, С. 183]. Ср.:

Die Hand des Sagenmüllers *zittert beim Einschenken* (E. Strittmatter).

«Da hab ich einen Tee», *ächzte sie während des Suchens* (F. Werfel).

Eine dicke Wollquaste fiel bis in den Nacken und *wippte beim Gehen* lustig *hin und her* (H. Konsalik).

Ich *klopfte* ihm *im Vorübergehen* auf die Schulter ... (A. Seghers).

В приведенных выше высказываниях в силу семантики глаголов-мультипликативов klopfen, zittern, ächzen, hin- и herwippen формируются собственно таксисные отношения мультипликативной одновременности.

Формирование таксисных отношений кратной одновременности или разновременности может быть обусловлено наличием атрибутов и обстоятельств *дуративной* или

итеративной семантики lang, lange, jeder, jedesmal, oft, immer, manchmal и других.

На формирование таксисных отношений кратности влияют квантитативно-итеративные атрибуты (jeder), а также квантитативно-итеративные обстоятельства: обстоятельства цикличности (jedesmal, stets, morgens, abends, nachts, sonnabends, sonntags), кратности или счетного комплекса (zweimal, dreimal, mehrmals), узуальности (gewöhnlich), интервала (manchmal, oft), комплексные (zweimal täglich, meistens abends) и некоторые другие (immer, immer wieder, immerfort) [6, с. 19–20]. В высказываниях, содержащих различные обстоятельства и атрибуты итеративной семантики, формируются собственно таксисные отношения итеративной одновременности и разновременности. Ср.:

Jedesmal beim Einschlafen stellte ich mir lebhaft vor, ich liege am Lagerfeuer auf der Prärie ... (H. Fallada).

Jeden Morgen beim Aufwachen lag die ganze Penne mit Kameraden, Lehrern, Schularbeiten wie ein Alpdruck vor mir (H. Fallada).

Nach dem Abendessen kam *stets* die ganze Familie in seinem Zimmer zusammen (H. Fallada).

Bettina steht mit Matti, ihrem Partner, *der immer vor dem Auftritt* keuchend Luft schnappt, als zweites Paar hinter Nathalie und deren Partner (Ch. Grasmeyer).

При формировании таксисных отношений кратной одновременности/разновременности в случае отсутствия других лексических показателей итеративности релевантными оказываются *дополнительные акциональные значения* глагольных сказуемых: качественные характеристики глаголов, способствующие их итеративному прочтению, а также *множественность*

предикатных актантов (субъектных, объектных). Ср.:

Während des Essens redete Rita ununterbrochen (H. Fallada).

Während der Arbeit an meinen Obstbäumen *singe* ich *Rujik-Lieder* vor mich ... (H. Boll).

Bei Dunkelwerden legten sich *alle* ins Heu (L. Frank).

Таксисные отношения кратной одновременности действий, процессов или событий формируются в высказываниях *кратного* типа, содержащих девербативы и глаголы итеративной или неитеративной семантики, четырех семантических подтипов:

(а) D *итер.* – V *итер.*;

(б) D *итер.* – V *неитер.*;

(в) D *неитер.* – V *итер.*;

(г) D *неитер.* – V *неитер.*, где D *итер.* / *неитер.* – девербативы итеративной/неитеративной семантики, а V *итер./неитер.* – глагол итеративной/неитеративной семантики).

В *первом* подтипе при сочетании девербативов и глаголов итеративной семантики формируются таксисные отношения *мультипликативной, дистрибутивной и итеративной* одновременности действий, процессов или событий.

Для таких высказываний характерным является синкретическое объединение генетической или словообразовательной итеративности девербативов (со значением мультипликативной, итеративной, дистрибутивной кратности), таксисно обусловленной итеративности в силу итеративного характера действия или процесса глагола, а также количественной итеративности, обусловленной наличием количественно-итеративных и количественно-дуративных обстоятельств или атрибутов. Например:

Fiedler *schüttelte* nur *den Kopf* mit *sonderbarem Lächeln* (A. Seghers).

Dennoch geschah das Außerordentliche, daß der Beamte *unter Käthchens ironischem Lächeln die Achseln zuckte* ... (H. Mann).

Während dieser ganzen Zeit stand der Oberst unbeweglich da, nur *im Atmen senkte sich* auffallend die Brust (F. Kafka).

Volker *fröstelte* *unter diesen Blicken* (K. Weber).

Die spitzen Zähne klapperten in dem schlaffen Maule zusammen, und *in dem Klappern schnarrte* es: «Du Narre... warte, warte!» (E.T. Hoffmann).

Die Glocke über die Eingangstür, eine gewöhnliche Schelle, die *beim Öffnen und Schließen* von dem Zahn einer kurzen Metallstange *erfaßt* und *geschüttelt* wurde... (Th. Mann).

Sie schnupperten, *im Auf- und Ablaufen klopfen* ihre bekrallten Söhlchen auf dem Parkett der Käfige (H. Fallada).

В приведенных выше высказываниях девербативы со значением генетической итеративности, являющиеся производными итеративных глаголов – итеративно-семельфактивного *atmen* и диминутивно-итеративного *lächeln*, и имена со значением словообразовательной мультипликативности типа: *die Blicke* сочетаются с глаголами мультипликативной неоднократности (итеративно-семельфактивными: *schütteln, zucken, frösteln, sich senken*). В силу наличия девербативов и глаголов со значением мультипликативной кратности в этих высказываниях формируются таксисные отношения мультипликативной одновременности (собственно таксисные; модально- и каузально-таксисные отношения). Взаимодействие семантики девербатива, образованного от интенсивно-итеративного глагола *klappern*, и семантики собственно итератив-

ного глагола *schnarren* обусловило формирование собственно таксисных отношений итеративной одновременности. При сочетании девербативов со значением мультипликативной кратности, являющихся производными от глаголов-дупликативов и альтернативов, с итеративно-семельфактивными глаголами *schütteln*, *klopfen* при множественности последовательно совершаемых действий формируются собственно таксисные отношения дистрибутивной и мультипликативной одновременности.

При сочетании девербативов-итеративов с глаголами неитеративной семантики во *втором* подтипе высказываний кратного типа формируются таксисные отношения *мультипликативной, итеративной и дистрибутивной* одновременности.

Релевантными факторами оказываются:

(а) мультипликативная семантика девербативов; (б) итеративные атрибуты и обстоятельства; (в) множественность актантов глагольного действия (субъектных или объектных).

Для таких высказываний характерным является синкретизм генетической или словообразовательной кратности девербативов и квантитативной итеративности, обусловленной наличием атрибутов и обстоятельств итеративной семантики. Например:

Es war alles wunderbar, denn *bei jedem Rütteln* spürte ich Pat (E. M. Remarque).

Was mich stets aufs neue beeindruckte, war die große Zahl der Patienten, die sich *bei jedem meiner Besuche* im Wartezimmer meines Vaters eingefunden hatten ... (R. Pörtner).

Bei den beiden späteren Vergebungen hatte sie *immer* nur einen kurzen Hoflichkeitsbesuch bei dem entscheidenden Oberinspektor der Verwaltung gemacht, und der Zuschlag war uns ohne weiteres zugefallen (H. Fallada).

Sie war *oft bei unseren englischen Unterhaltungen* die dritte gewesen ... (J. W. Goethe).

Nun betrieb er ein Geschäft in Petersburg, das anfangs sich sehr gut angelassen hatte, seit langem aber schon zu stocken schien, wie der Freund *bei seinen immer seltener werdenden Besuchen* klagte (F. Kafka).

В приведенных выше высказываниях генетическая и словообразовательная итеративная неоднократность девербативов совмещается с квантитативной итеративностью, обусловленной наличием итеративного атрибута цикличности *jeder*, итеративных обстоятельств *oft*, *immer* и комплексного итеративного атрибута. В этих высказываниях формируются собственно таксисные отношения итеративной одновременности.

В высказываниях с девербативами-мультипликативами эксплицированы таксисные отношения мультипликативной и дистрибутивной одновременности благодаря множественному числу актантов глагольного действия.

Doch sprach er, wie es seine alte Art war, *im Hin- und Hergehen von hundert anderen Dingen*, ohne zur Sache zu kommen (L. Rinser).

Und jetzt, *beim Hin- und Herblicken* zwischen dem Famulus und ihm, wandelte plötzlich ein Argwohn, ein aufzuckendes Schrecken sie an ... (Th. Mann).

Der eine mehr legte *beim Auf- und Abstaken* ein Tempo vor, daß die anderen Muhe hatten, mit dem Stapeln der Balle nachzukommen (S. Dick).

Und mit diesen Worten hatte er sich wieder auf den Sessel geworfen und, während sein Kehlkopf auf und nieder wanderte, *unter Schlucken und hohlem Husten* weitere *fünfundzwanzig Takte* hervorgebracht, um dann das Klavier zu schließen und zu rufen ... (Th. Mann).

В последнем высказывании, содержащем девербативы-мультипликативы с предлогом *unter* в модальном значении, эксплицированы модально-таксисные отношения дистрибутивной одновременности.

В высказываниях *третьего* подтипа при соотнесении девербативов неитеративного характера и итеративных глаголов формируются все три разновидности таксисных отношений: *итеративной*, *дистрибутивной* и *мультипликативной* одновременности. Для таких высказываний характерной является таксисно обусловленная итеративность глаголов и квантитативная итеративность в силу семантики итеративных атрибутов/обстоятельств.

Итеративная кратность одновременности обеспечивается наличием квантитативно-итеративных и -дуративных обстоятельств и атрибутов, в частности, обстоятельства цикличности *jedesmal* или обстоятельства интервала *manchmal*. Ср.:

Sie lächelte mir *im Vorbeikommen jedesmal* zu (E.M. Remarque).

...wie Kinder *manchmal während des Gehens* aufhüpfen und springen, wenn sie sich freuen (R. M. Rilke).

В высказываниях данного подтипа реализуется итеративное значение узитативности (т. е. повторения обозначаемой ситуации «в соответствии с эмпирически наблюдаемой вероятностной закономерностью» [2, с. 174], выражаемое сочетаниями с глаголом *pflügen* со значением «иметь обыкновение делать что-либо». Например:

Alljährlich *bei der Übersiedlung nach Grafenegg pflegte* Teta das Gepack der Familie Argan um einige Handkörbe und verschnürte Pappschachteln *zu vermehren* ... (F. Werfel).

Формирование таксисных отношений мультипликативной одновременности возможно в силу наличия итеративно-

семельфактивных глаголов *spucken*, *zittern*, *schütteln*, *tippen*, *runzeln*, *klopfen* или мультипликативов-альтернативов *auf-* и *abrollen*, *auf-* и *absteigen*, *heben* и *senken*, *hin-* и *herlaufen*, *hin-* и *wiederwenden* и др. Например:

Und dazu den Vater, der nach seinem Tabak roch, und den Triebel, der *im Reden* vor Aufregung *spuckte* (A. Seghers).

Beim Anblick der Fische, die auch unter der Sonne aufglänzten, *schüttelte* der Dorsch, wie Thorsten Feddersen es vorausgesehen hatte, *den Kopf* ... (S. Lenz).

Beim Aufstehen tippte er gegen eins der Instrumente: «Paßt lieber auf Triebwerk Nummer eins hier auf. Spürt nicht so, wie es mußte» (W. Schreyer).

Dadurch nun, da? der Hirsch *im Laufen den Kopf hob* und *senkte*, schob sich das Mundstück des Horns in eins seiner Nasenlöcher und blieb tief darin stecken (W. Schreyer).

Beim Trinken stieg der Adamsapfel im langen eingetrockneten Halse rollend *auf* und *ab* (L. Frank).

... während Frau Kurenberg ... den Tisch deckte, *beim Decken hin* und *her lief* ... (W. Koeppen).

Und wie er *mit leisem Seufzen hin* und *wieder* den dunklen Kopf gegen das Gartenhaus *wendete* und die heranwehende Musik begierig erlauschte (H. Hesse).

В приведенных выше высказываниях формируются собственно таксисные отношения мультипликативной одновременности, а также модально-таксисные отношения мультипликативной одновременности.

В силу семантики глаголов-дистрибутивов, в частности, циклокативов, обозначающих в повторяющихся ситуациях «движение из разных пунктов в некоторую центральную точку» (*zusammenkrachen*, *sich*

zusammendrängen) или диверсатива (auseinanderspringen) со значением «движения из одной центральной точки в разные пункты» [2, с. 173]; множественности актантов (субъектных, объектных) или множественности глагольных действий, происходящих последовательно, в высказываниях третьего подтипа возможны собственно таксисные отношения дистрибутивной одновременности.

Einige kleine Häuser *krachten* schon beim ersten Ansturm zusammen (B. Kellermann).

Bei ihrer Ankunft *drängten sich* die Leute zusammen (A. Seghers).

Die Bleitropfen *sprangen beim Aufprall* flach *auseinander*, und seine Hand sah aus wie von kleinen silbernen Blättern bedeckt (S. Lenz).

Fraulein Ännchen vernahm wie der Papa *im Hinaufsteigen* beträchtlich *seufzte* und *stöhnte* (E.T. Hoffmann).

Таксисно обусловленная итеративность, вызванная итеративным характером мультипликативных и дистрибутивных глаголов, в ряде высказываний сочетается с квантитативной итеративностью, обусловленной наличием дуративного обстоятельства (*zwei Tage lang*) и итеративных обстоятельств цикличности (*jedesmal*, *abends*), интервала (*manchmal*) и некоторых других (*immerfort*). Ср.:

Dieser Scherz hatte Hobby selbst derart entzückt, daß er ihn *während der ganzen Reise*, *zwei Tage lang*, unermüdlich, wiederholte (B. Kellermann).

Dieser Erfolg machte mich damals fast toll, ich lief, als es mir Barnabas *abends beim Nachhausekommen* zuflüsterte, zu Amalia ... (F. Kafka).

Tobias versorgte das Viel allein und rührte die Frau nicht anders an, als daß er ihr wie zufällig und *im Vorübergehen manchmal* mit der Hand über die Schulter *strich* ... (J. Brezan).

Zwar *schüttelten* die Gehilfen *während Friedas Erklärung immerfort die Köpfe*, zeigten weiter auf K. und strengten sich an, durch stummes Mienenspiel Frieda von ihrer Meinung abzubringen (F. Kafka).

В высказываниях *четвертого* семантического подтипа при сочетании неитеративных деепричастий и глаголов формируются таксисные отношения *итеративной* и *дистрибутивной* одновременности.

Значение итеративной кратности выражается обстоятельствами цикличности, обозначающими регулярно повторяющиеся хронологически определенные периоды времени *morgens*, *abends*, *jedesmal*, или другими итеративными и дуративными обстоятельствами *manchmal*, *meistens*, *immer*, *oft*, *stets*, *solange*. Итеративное значение реализуется также в результате взаимодействия глаголов с обстоятельствами счетного комплекса, обозначающими точное или приблизительное количество повторений обозначаемой ситуации *zweimal*, *dreimal*, или с комплексными обстоятельствами, которые обозначают одновременно кратность и цикличность *zweimal täglich* или дуративность и кратность *ein paarmal lange*. Ср.:

Was man sagen mag, so ist es etwas Angenehmes, wenn *beim Erwachen morgens* in dem großen, mit hellem Stoff tapezierten Schlafzimmer die erste Bewegung der Hand eine schwere Atlassteppdecke trifft ... (Th. Mann).

Da ist die Abrechnung mit Vater Seidenzopf, schon, *abends im Einschlafen* hat Kufalt mit Wolle-Teddy Kampfe bestanden: «Sie haben kein Recht, mir mein Geld länger vorzuenthalten, es ist mein Arbeitsdienst...» (H. Fallada).

... ich brauchte *beim Erwachen jedesmal* eine besondere Anstrengung, die bleiernen Augenlider aufzuzwingen (St. Zweig).

Beim Milchausschenken wurde das Halblitermas *zweimal* in den Milchkürbel getaucht, kam *zweimal* voll heraus, wurde *zweimal* in die Milchkanne entleert ... (H. Böll).

Ich setze mich auf das Tantenbett und lese *beim Überfliegen dreimal* meinen Namen (R. Borchardt).

... sie sah mich nur *ein paarmal lange während des Abendessens*, und auch danach, als wir im Herrenzimmer am Kamin saßen, schimpfte sie nicht (H. Fallada).

В приведенных выше высказываниях формируются собственно таксисные отношения итеративной одновременности.

В высказываниях, содержащих предложные девербативы с *mit* в медиальном значении, имеют место медиально-таксисные отношения итеративной одновременности. Ср.:

Dann lockte ich ihn *solange mit einem Meckern* im Walde, bis mein Meister die angebundene Ziege losgemacht und weggeführt hatte (H. Hesse).

Значение итеративной кратности реализуется в результате сочетания девербативов с итеративными атрибутами *jeder* (*jedes, jede*), *jedesmalig*. Например:

Heinz war *bei jeder Begegnung* zuerst selbst ein wenig erstaunt, daß das gerade das Mädchen sein sollte, auf das er gewartet hatte (A. Seghers).

Sie fiel ihm aber bei jedem roten Pünktchen ein, *beim Auftauchen jedes dunkelhaarigen Mädchens* (A. Seghers).

...man glaubte im Volksgarten oder in den «Blumensälen» zu sein, als ein in der Ouverture auftretender Walzer mit Beifall aufgenommen und *bei jedesmaligem Auftauchen* wieder mit

einer Salve bewillkommnet wurde (O. Schneidereit).

Повторяемость действий (процессов или событий) может сопровождаться дополнительными акциональными значениями глаголов, а именно: его качественными характеристиками (интенсивностью, диминутивностью, взаимностью совершения действия, комитативностью), а также обеспечиваться множественностью субъектных и объектных актантов

При множественности субъектных и объектных актантов в случае отсутствия лексических показателей итеративной неоднократности (дуративных/итеративных обстоятельств и атрибутов) формируются собственно таксисные отношения дистрибутивной одновременности. Например:

Ich *redete vor mich hin beim Gehn*, abgerissene Satze ... (H. Fallada).

Beim Frühstück redeten wir wenig miteinander (C. Wiesner).

В данных высказываниях значение дистрибутивной кратности при субъектной множественности взаимодействует со значением взаимности совершения действия (ср. глагол *reden* и со значением диминутивности (ср. глагол *reden* и наречие *wenig*).

В четырех семантических подтипах высказываний *кратного* типа с предлогами *während, in, bei, mit, unter* в силу семантики девербативов-итеративов и глаголов (итеративных, мультипликативных или дистрибутивных), наличия итеративных и дуративных обстоятельств и атрибутов, а также множественности субъектных и объектных актантов глагольного действия, которое может иметь дополнительные акциональные значения, способствующие его итеративному прочтению, формируются таксисные отношения *мультипликативной*,

дистрибутивной и итеративной одновременности (в «чистом виде» или в сочетании с некоторыми обстоятельственными отношениями).

В высказываниях кратного типа с временными предлогами *vor*, *seit*, *nach* имеют место собственно таксисные отношения кратной разновременности.

В таких высказываниях формируются таксисные отношения *итеративного*, *дистрибутивного* и *мультипликативного* предшествования или следования. Например:

... er sagte es sich *sonnabends*, wenn er *vor Schlafengehen* die Füße in das nach Wunsch zurechtgemachte Fußbad steckte und seine Hühneraugen weichte ... (E. Petersen).

Nach der Begegnung auf dem Weinachtsmarkt hat sie ihn nur *zweimal* wiedergesehen und bruchstückweise das eine oder andere von ihm erfahren (Ch. Grasmeyer).

Таксисные отношения *итеративной* разновременности (итеративного следования и итеративного предшествования) имеют место в высказываниях кратного типа всех *четырёх* семантических подтипов при наличии в них итеративных/дуративных обстоятельств и атрибутов (*immer*, *immer wieder*, *manchmal*, *dann und wann*, *stets*, *abends*, *sonnabends*, *dreimal*, *lange*, *tagtäglich*, *jeder* и др.). Ср.:

Doch konnten sie nicht verhindern, daß er *stets nach der Ankunft des Postboten* horchte und manchmal tappelnd und tastend dem Briefträger entgegenging ... (A. Seghers).

Ich las die Nachricht *abends nach dem Essen* und nachdem ich Günther zu Bett gebracht hatte (H. Nossack).

Er setzte sich *regelmäßig nach dem Mittagessen* hin und half ihm bei seinen Aufgaben (H. Nossack).

Auch der Trainer *schüttelte mir nach dem Zurückwiegen lange* die Hand (S. Dick).

Lenore hatte *nach Livens Abreise tagtäglich* auf Post gewartet ... (A. Seghers).

Seit dem Überfall auf Rußland schreibt er auch *dann und wann* Briefe, die ihm zwei Tage Arbeit kosten ... (H. Fallada).

Сочетание девербатива с итеративным глаголом *pflügen* реализует в высказываниях *третьего* подтипа таксисное значение узитативности, что обуславливают формирование таксисных отношений *итеративного* предшествования или следования. Например:

... auf dem Nachttisch häuften sich Fachjournale, in die sich Herr de Chamant *vor dem Einschlafen zu vertiefen pflegte* (E. Langgässer).

Nur einer meiner Mitgäste, den ich nicht nennen will, *pflegte* in der ersten Zeit *nach seiner Ankunft* auf einem halbdunklen Absatz der Dienerschaftstreppe heimlich Zigarren *zu rauchen* ... (H. Hesse).

Таксисные отношения *мультипликативного* предшествования или следования имеют место в высказываниях *первого* и *третьего* семантических подтипов с предлогами *vor*, *nach* при наличии итеративно-семельфактивных глаголов *auf-* und *abgehen*, *klopfen*, *atmen* и др. Например:

Wie manche Stunde sind wir beide *nach dem Abendessen* auf dem langen Korridor nebeneinander *auf und ab gegangen* ... (H. Fallada).

Nach dieser Beruhigung klopft es (J. Becker).

Aber an diesem Sonntag *atmete* Gerd auch *nach einem irrsinnigen Lauf sehr leise*, wie ich sah, und fiel wieder dieses Zeug über sein Alter ein ... (J. Becker).

В последнем высказывании мультипликативная кратность сопровождается качественной характеристикой диминутивности благодаря наречию *sehr leise*.

Таксисные отношения *дистрибутивного* следования или предшествования формируются в высказываниях с *vor* и *nach* при наличии дистрибутивных глаголов (диверсативов, цислокативов и др.) и множественности субъектных или объектных актантов глагольного действия. Ср.:

Nach dem Hissen der Fahne begaben sich *alle* in den Gartensaal (J. Brezan).

Camilla suchte nach dem Essen alle Kissen zusammen und machte ihr gewohntes Lager auf der Couch (H. Schulz).

Nach seiner Rückkehr aus der Stadt rief der Ältestenrat *alle Männer* im Haus von Abu Haidar *zusammen* (Kerndl).

Таким образом, в *четырёх* различных семантических подтипах высказываний немецкого языка *кратного* типа с предлогами *vor*, *nach*, *seit*, формируются таксисные отношения кратного предшествования или следования:

(а) *итеративного* (при наличии итеративных глаголов и атрибутов/обстоятельств итеративной семантики);

(б) *мультипликативного* (в случае мультипликативных глаголов);

(в) *дистрибутивного* (при наличии дистрибутивных глаголов и множественности субъектных или объектных актантов глагольного действия).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Архипова И. В.** Высказывание с предложными девербативами в современном немецком языке: монография. – Новосибирск, 2012.
2. **Кибардина С. М.** Выражение множественности ситуаций в немецком языке // Типология итеративных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. – Л.: Наука, 1989. – С. 170–179.
3. **Мурясов Р. З.** Словообразование и теория номинализации // Вопросы языкознания. – 1989. – № 2. – С. 39–53.
4. **Мурясов Р. З.** Словообразование и функционально-семантические категории : (на материале суффикс. существительных нем. яз.). – СПб ин-т лингв. исслед. Рос. АН, Башк. гос. ун-т. – 1993. – 224 с.
5. **Теория** функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) и др.; АН СССР, Ин-т языкознания. – Л.: Наука, 1987.
6. **Храковский В. С.** Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. – Л.: Наука, 1989. – С. 5–54.

© I. V. Arkhipova

UDC 811.112.2 (075.8)

THE ITERATIVE TAXIS RELATIONS IN MODERN GERMAN*I. V. Arkhipova (Novosibirsk, Russia)*

In the article German sentences with the prepositional verbal nouns are considered from the point of view of taxis and chronological relations of iterative simultaneousness. The functional and semantic analysis of taxis relations demonstrates the main types of taxis relations: taxis relations of iterative simultaneousness (total\partial) proper, adverbial taxis relations of iterative simultaneousness: modal, conditional, causal and medial taxis relations of iterative simultaneousness\nonsimultaneous, adverbial taxis relations of iterative non-simultaneousness.

Keywords: *the prepositional verbal nouns, taxis relations, taxis relations of iterative simultaneousness, taxis relations of iterative simultaneousness proper, adverbial taxis relations of iterative simultaneousness, taxis relations of iterative non-simultaneousness, taxis relations of iterative non-simultaneousness proper, adverbial taxis relations of iterative non-simultaneousness*

REFERENCES

1. **Arhipova I. V.** The sentence with the prepositional verbal nouns in modern German. – Novosibirsk, 2012.
2. **Kibardina S. M.** The situational plurality in German // Typology of iterative structures / Chief Editor V. S. Chrakovski. – L.: Science, 1989. – Pp.170–179.
3. **Murysov R. S.** Wordbuilding and nominalization theory. – Linguistics Issues. – 1989. – N 2. – Pp. 39–53.
4. **Murysov R. S.** Word formation and functional-semantic categories (based on the suffix. Nouns it. Lang.). – SPb. Inst lingua. issled. Ros. AN, Baska. Reg. Univ. – 1993. – 224 p.
5. **Theory of functional grammar.** Introduction. Aspectuality. Tense localization. Taxis / Editorial board: A. V. Bondarko (Executive Editor) and other; AN USSR; Institute of Linguistics. – L.: Science, 1987.
6. **Chrakovski V. S.** The semantic types of situational plurality and their natural classification // Typology of iterative structures / Chief Editor V.S. Chrakovski. – L.: Science, 1989. – Pp. 5–54.

Arkhipova Irina Victorovna – the candidate of philological sciences, the professor of faculty of foreign languages, Novosibirsk State Pedagogical University.
E-mail: irarch@ngs.ru

© В. В. Яцко

УДК 811.111

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ТЕКСТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

В. В. Яцко (Новосибирск, Россия)

В статье рассматриваются основные типы текстов современной британской журнальной публицистики с позиций лингвистики текста и стилистики. Цель статьи – установить композиционные и структурные особенности основных жанров современного британского газетно-публицистического стиля. Исследователями отмечается, что язык публицистики характеризуется изменчивостью, так как он отражает изменения в общественной жизни страны, а также охватывает обширный языковой материал различного тематического содержания. В исследованиях лингвистов и публицистов выделяются три основные функции публицистики: информирующая, воздействующая на общественное мнение, а также развлекательная. Передовые статьи, находящиеся чаще всего в центре внимания языковедов и публицистов часто выполняют воздействующую или информативную функцию. В текстах воздействующего типа (посвященным, к примеру, актуальным экономическим или политическим проблемам) базовая информация подвергается аналитическому переосмыслению, объяснению и толкованию, автор нередко абстрагируется от конкретных фактов, применяя методы логического доказательства.

Результаты работы показывают, что наиболее характерные типы текстов современной британской журнальной публицистики характеризуются наличием определенной функции и композиционно-тематической структуры. В данной области публицистики доминируют политематические содержательные текстовые структуры, ведущую роль в которых играет аргументативное развертывание тематического концепта.

Ключевые слова: лингвистика текста, британская журнальная публицистика, функции публицистики, типы текстов.

Изучение языка в его реальном функционировании продолжает оставаться одним из важнейших направлений исследования в лингвистике и лингвокультурологии. Для любого литературного языка публицистический стиль имеет особое значение. Он «отражает языковое состояние своего време-

ни в гораздо более непосредственной форме, чем любой другой канал письменной речи» [8, с. 126].

Язык публицистики характеризуется постоянной изменчивостью в гораздо большей степени, чем все остальные функциональные стили языка.

Яцко Владислав Вячеславович – соискатель кафедры иностранных языков, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: wendl4@yandex.ru

В состоянии динамики и развития при этом находятся все уровни языковой системы: лексика, грамматика, а также структура текстов, свойственных данному функциональному стилю. Он гибко реагирует на изменения в обществе, в политической и культурной жизни страны, на развитие науки и техники.

Целью исследования является установление композиционных и структурных особенностей основных жанров современного британского газетно-публицистического стиля.

Для газетно-журнального стиля свойственно наличие значительного количества разных разделов, которые вследствие своего тематического и функционального различия оформляются в стилистическом отношении неодинаково. Важнейшими разделами журналов являются разделы информации, корреспонденций, статей (передовых статей), комментариев, интервью, репортажей, фельетонов, развлекательная часть (публикации романов с продолжением), анонсная часть, реклама, объявления и т.д. В лингвистическом отношении между указанными разделами (жанрами) также существуют значительные расхождения.

В исследованиях лингвистов и публицистов выделяются три основные функции публицистики: информирующая, воздействующая на общественное мнение, а также развлекательная. В соответствии с этим Э. Довифат подразделяет газетный стиль на три подстиля: информационный, подстиль, воздействующий на общественное мнение и развлекательный подстиль [7, с. 65].

Близка к позиции Э. Довифата точка зрения М. П. Брандес, которая в рамках газетно-журнальной публицистики выделяет в соответствии с их функциями три типа

текстов: информационный, аналитический и художественно-публицистический [1, с. 152].

В вопросе о количестве и характере функций журнальной прессы в научной литературе наблюдается некоторое терминологическое расхождение. Если в отношении информационной функции существует единство взглядов, то относительно второй из основных функций газеты нет единства ни в приписываемом ей содержательном объеме, ни в избираемой терминологии. Данное обстоятельство объясняется наибольшей широтой диапазона прагматических установок, свойственных текстам воздействующего типа. «Инструментальный» характер данного типа текстов (анализм) лежит в основе номинации системы М. П. Брандес. Принцип активности в отношении реципиента, характерный для коммуникативно-прагматического подхода в лингвистике, заложен в термине М. Н. Кожинной («функция воздействия, или экспрессивная, агитационно-пропагандистская функция») [3, с. 183]. Сфера воздействия языка прессы конкретизируется в работах Э. Довифата как влияние на общественное мнение с целью его формирования и изменения [7, с. 64–65]. В данной работе применительно ко второй функции журнальной публицистики употребляется термин «функция воздействия», поскольку он охватывает максимальный диапазон прагматических установок, свойственных политическим газетам [4, с. 12].

Для политической прессы наиболее релевантны первые две из названных функций газеты – информационная и воздействующая. Первостепенное значение указанных функций языка газетно-журнальной публицистики вне зависимости от конкретных языков подчеркивает

А. Д. Швейцер: «Есть основания полагать, что наличие этих двух функций (при варьировании соотношения между ними) является универсальной чертой языка газетно-журнальной публицистики» [4, с. 34].

Богатство языка публицистики обусловлено многообразием родов и видов данного стиля, а также разнообразием свойственных ему функций, к которым, наряду с вышеупомянутыми информационной и воздействующей функциями, относятся просветительская, воспитательная, организаторская, аналитико-критическая, гедонистическая (развлекательная).

Важность и первостепенная значимость для современной прессы воздействующей функции подчеркивается в работах М. Н. Кожинной, которая видит задачу публицистики не только в информировании, но и в выражении определенной общественной (партийной или индивидуальной) позиции и убеждении читателя в ее истинности [3, с. 183].

Тематика передовой статьи (ПС) обычно связана с актуальной для соответствующего времени проблемой. Автор ПС опытный аналитик, обладающий особым дарованием и склонностью к написанию публицистических текстов подобного рода. Поэтому хорошая ПС часто представляет интерес как выдающееся речевое произведение.

Именно ПС наиболее четко отражает политико-идеологическую направленность журнала. Ее основная цель состоит в правильной (с позиции редакции) ориентации читателей в политической обстановке. Важнейшие проблемы внутривнутриполитической и международной жизни получают в ней обобщенно-теоретическое осмысление и толкование [1, с. 158–159].

Э. Довифат выделяет среди ПС следующие функциональные группы: ПС, борющиеся за какую-либо идею; ПС, выражающие и обосновывающие определенную политическую позицию; ПС с функцией объяснения и поучения [7, с. 251–270].

В политических статьях базовая информация подвергается аналитическому переосмыслению, объяснению и толкованию, автор нередко абстрагируется от конкретных фактов, применяя методы логического доказательства, экспликации и аргументации, проводит параллели между абстрактно-логическими схемами доказательств и конкретными, актуальными фактами и явлениями.

Представители коммуникативного направления в лингвистике текста, дополняющие системный подход к объекту исследования деятельностным, рассматривают текст как продукт речевой деятельности, как многоаспектную единицу, в основу классификации которой должны быть положены разные типы критериев. В русле коммуникативно-прагматического подхода в качестве основных критериев классификации выдвигаются:

- 1) функция текста
- 2) коммуникативная ситуация
- 3) содержание текста

[5, с. 69; 2, с. 6].

Основой при определении функции текста, несмотря на различия в формулировках у разных авторов, является понятие цели, с которой говорящий обращается к адресату посредством текста [6, с. 59; 9, с. 15].

Критерий «коммуникативная ситуация» представляет собой в общем виде модель «автор – канал – адресат» [9, с. 39], являющуюся рамкой, в которой реализуется контакт. Ее релевантными признаками

являются: количество коммуникантов, их роли, социальное положение, степень официальности контакта, активность партнеров, вид канала коммуникации (оптический или акустический). В разных классификациях указанные контекстуальные параметры, в основном, присутствуют, но учитываются в разной степени. Например, У. Энгель, называя контекстуальные условия коммуникации «текстовой констелляцией» включает в нее два типа критериев: тактику общения с учетом фактора активности/пассивности коммуникантов и степень официальности текста с градациями: «официальный – полуофициальный – частный/личный» [9].

В наиболее детальных теориях текста как отдельный критерий выделяется содержание текста [5–6].

К. Бринкер выделяет следующие базовые формы текстовых структур: дескриптивную, нарративную, экспликативную и аргументативную. Нетрудно заметить, что названные формы в основном соответствуют тематическим базисам Э. Верлиха [11, с. 121], но в отличие от последнего К. Бринкер считает не их, а функцию текста главным критерием для разграничения текстов по классам.

Изучение функциональных стилей основывается на учете и сопоставлении всей совокупности функциональных параметров и стилистических черт. При этом следует иметь в виду, что представление о стилях находит своё отражение и в самом наборе сопоставляемых признаков. Одни и те же функциональные параметры могут быть присущи нескольким разным стилям. Важным параметром, подлежащим учету в функционально-стилистическом анализе, являются стилистические черты. Идея стилистических черт получила развитие у М. Н. Кожинной.

Прослеживается зависимость стилистических черт как составляющих признаков функционального стиля от экстралингвистических факторов и, в первую очередь от коммуникативной сферы, функциональных параметров и культурной традиции. Согласно М. Н. Кожинной стилистические черты образуют ряд бинарных противопоставлений: точность – неточность, образность – безобразность, эмоциональность – рациональность и др. При этом необходимо различать первичные и вторичные стилистические черты. К первым относятся специфические черты данного стиля, определяемые его внеязыковой спецификой, а ко вторым – дополнительные признаки, связанные со вторичными экстралингвистическими факторами. Так, например, первичные стилистические черты официально-деловой речи включают ее предписывающий и неличный характер, а также точность. Что же касается такой черты, как шаблонность или стандартизованность, то она, по мнению М. Н. Кожинной, является одной из важных, но не первичных черт, поскольку она восходит не столько к специфике данной сферы сколько к условиям её функционирования [3, с. 82–83].

Перлокутивная (воздействующая) функция реализуется в следующих типах публицистических текстов: аналитическая статья, передовая статья, комментарий.

На фоне текста в качестве доминирующего средства воздействия на общественное мнение с целью его формирования и изменения выступает композиционная структура текста, в основе которой лежит способ тематического развертывания текста. Основной тематической структурой при реализации перлокутивной функции в английской публицистике является аргументативная тематическая структура.

При этом замыслом автора (то есть функцией текста) является доказательство правильности (целесообразности, приемлемости) определенного положения (тезиса), которое в данном случае выступает в качестве темы текста. С лингвистической точки зрения она выражается в виде некоторого повествовательного предложения, которое может находиться в начале или конце текста, в зависимости от интенции автора.

В рассматриваемых типах текстов доминирующей является разновидность практической аргументации, которая в общем виде была рассмотрена выше в версии, изложенной в работах Д. Тульмина.

Перлокутивные типы текстов в современной британской публицистике в композиционном отношении отличаются друг от друга:

1) в наиболее простой разновидности они представляют собой лишь аргументативную текстовую структуру;

2) в более сложных по строению статьях доминирующая аргументативная структура предстает в комбинации с различными типами дескриптивных и экспликативных структур [10, с. 32].

Перлокутивные статьи монотематического типа

В них реализуется простая аргументативная текстовая структура состоящая из следующих компонентов:

1. Тезис аргументации

2. Ряд аргументов разного типа, подтверждающих тезис (позицию автора статьи или редакции журнала)

3. Правило-доказательство, или правило логического вывода общего характера, из которого следует истинность рассматриваемого тезиса.

В качестве примера рассмотрим политический комментарий из журнала “The

Economist” (January 25, 2009) в статье “The History Wars” Темой статьи является критика действий правящей в то время партии лейбористов во главе с Гордоном Брауном. Её можно эксплицитно установить на основе содержательного анализа первой части статьи Функция текста (то есть основная идея, цель) имплицитно содержится в следующих абзацах. На основе интерпретации содержания ее можно эксплицировать следующим образом: для победы на выборах партия должна представлять перспективную экономическую программу развития страны и будущей политики на ближайшее время, а не напоминать о прошлых заслугах своей партии.

Для доказательства истинности данного тезиса в статье приводится пять аргументов:

1) избиратели на выборах ориентированы на будущее правящей партии;

2) аргумент-пример № 1: У. Черчилля не спасли от поражения даже его прошлые выдающиеся заслуги в военное время;

3) аргумент-пример № 2: Тони Блэр, несмотря на свои просчеты во время войны в Ираке был избран премьер-министром на третий срок благодаря своему имиджу наиболее перспективного политика;

4) избиратель как бы «сдает в архив» прошлые достижения партии и критически оценивает ее будущее: (And governments usually garner little credit for past achievements even when they were real. Voters tend to “bank” improvements and concentrate on their next grumble) (аргумент из области социологии).

5) аргумент-пример № 3: Успехи лейбористов при проведении реформы здравоохранения не заслужили благодарности избирателей в 1997 году, так как они потребовали колоссальных денежных затрат.

Правило-доказательство, представляющее собой логическое завершение процесса аргументации (доказательства

правомерности и истинности тезиса) в статье не выражено эксплицитно. На основе интерпретации смыслового содержания текста это правило можно вывести из абзацев статьи, в которых оно содержится имплицитно и сформулировать следующим образом: «Если партия власти апеллирует лишь к своим успехам в прошлом, и не представляет четкой программы выхода из сложившегося бюджетного и финансового кризиса, то она потерпит фиаско на предстоящих выборах. Как показали реальные результаты выборов, мнение редакции полностью подтверждается. Особенностью статьи является высокая степень имплицитности при интерпретации важнейших политических событий, предпочтение косвенных, некатегоричных формулировок.

Перлокутивные статьи политематического типа

По сравнению с рассматриваемой выше разновидностью политематические статьи характеризуются более сложной композицией, в основе которой лежит политематичность текста. При этом продолжает доминировать ведущая тематическая структура – аргументативная; в то время как дополнительные темы (и формы их развёртывания) в содержательном плане дополняют аргументацию (доказательство некоторого тезиса).

В изученных статьях наиболее распространенным видом перлокутивных статей являются статьи с комбинацией аргументативной структуры и дескриптивных структур. Примером сказанному служит статья "The Regulatory Rumble begins" из журнала *The Economist*" (September 17, 2009). Темой данной перлокутивной статьи является финансовый кризис в Великобритании и США и неспособность властей

контролирующих структур взять ситуацию под свой контроль. Функцию данной статьи можно сформулировать следующим образом: «В современных условиях необходимо создание централизованного контролирующего органа, наблюдающего за деятельностью всех главных финансовых институтов государства». Функция данной статьи, или основная идея выводится опосредованно из ее тематического содержания. Основная цель статьи – убеждение читателей в правильности позиции редакции журнала – осуществляется благодаря использованию аргументативной текстовой структуры как доминирующей. Она разворачивается в начале и в середине статьи.

Для доказательства тезиса аргументации приводится пять аргументов:

Аргумент 1: Для централизации контроля над финансовым сектором экономики страны необходимо слить два частных органа министерства финансов – Комитет по обмену ценных бумаг и комитет по торговле товарными фьючерсами: *Though it would make sense to merge the Securities and Exchange Commission with the Commodity Futures Trading Commission, which regulate derivatives, Congress's powerful agriculture committee would probably block the move.*

Аргумент 2: Финансовый контроль, осуществляемый до настоящего времени центральными органами власти был недостаточным

Аргумент 3: Недостаточный финансовый контроль способен вызвать эскалацию кризисных явлений одновременно в целом ряде развитых капиталистических стран: *Slack oversight by one country can, as the crisis has revealed spread chaos across many.*

Аргумент 4: Для сохранения независимости британской финансовой системы от других европейских стран необходимо

дифференцирование контроля за финансовыми институтами данной страны и соседних стран: Britain, which has the biggest banking centre is particularly concerned about the proposed rules, which may cede aspects of the City of London's banking supervision to Brussels.

Аргумент 5: Необходимо сломить сопротивление крупных банков усилению контроля, так как они видят в этом угрозу для прибыльности своей деятельности: Big banks however still have enough lobbying power to ensure that not every decision goes against them. True, they are still licking wounds after the recent passage of draconian credit-card reforms.

Аргументация в рассматриваемой статье подкрепляется дескриптивным фрагментом текста. Последний выполняет информативную функцию и представляет собой сообщение о ходе дебатов в конгрессе США по рассматриваемой проблеме. В конце статьи еще раз формулируется ее функция в виде предупреждения комментирующего характера об опасности противостояния между экономистами и правительством относительно данной сложной проблемы. Информативный фрагмент в соответствии с

основными текстовыми категориями имеет структуру ситуативного динамического фрейма и отвечает на следующие вопросы: Что является темой сообщения (What)? Кто является действующим лицом (Who)? Где и когда происходят дебаты (Where, When)? В чем причина конфликта (Why)? С какой целью рассматривается проблема (What for)?

Заключение

Рассмотренный материал позволил выявить два типа статей воздействующего характера (перлокутивных статей) в современной англоязычной журнальной публицистике. Каждый из них характеризуется специфическими текстоорганизующими признаками. Общими для них является реализация основных текстовых категорий – функции текста и определенной композиционно – тематической структуры. Изученный языковой материал свидетельствует о том, что в современной британской журнальной публицистике доминируют политематические содержательные текстовые структуры, ведущую роль в которых играет аргументативное развертывание тематического концепта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Брандес М. П.** Стилистика немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1990. – 320 с.
2. **Ванников Ю. В.** Типы научных и технических текстов и их лингвистические особенности. – М.: ВЦП, 1984. – 49 с.
3. **Кожина М. Н.** Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1993. – 223 с.
4. **Швейцер А. Д.** Контрастивная стилистика: газетно-публицистический стиль в английском и русском языках. – М.: Либроком, 2009. – 256 с.
5. **Brinker K.** Linguistische Textanalyse. – Berlin: Schmidt, 1988. – 151 S.
6. **Dimter M.** Textklassenkonzepte heutiger Alltagssprache. – Tübingen: Niemeyer, 1981. – 144 S.
7. **Dovifat E.** Zeitungslehre. Bd. 1. – Berlin: de Gruyter, 1967. – 162 S.
8. **Eggers H.** Deutsche Sprachgeschichte. Bd. 4: Das Neuhochdeutsche. – Hamburg: Reinbek, 1977. – 183 S.
9. **Engel U.** Deutsche Grammatik. – Heidelberg: Groos, 1988. – 888 S.
10. **Toulmin St.** The Uses of Argument. – Cambridge: University Cambridge Press, 1958. – 264 p.
11. **Werlich E.** Typologie der Texte. – Heidelberg: Quelle&Meyer, 1975. – 140 S.

© V. V. Yatsko

UDC 811.111

FUNCTIONAL AND TEXTUAL ASPECTS OF MODERN BRITISH JOURNALISM*V. V. Yatsko (Novosibirsk, Russia)*

The article is devoted to the treatment of the main types of texts within modern British journalism from the point of view of stylistics and linguistics of text. The objective of the article is to ascertain structural and compositional features of the main genres of modern British social and political journalism. Researchers observe that the language of journalism is characterized by variability because it reflects changes in a country's social life and covers vast language material of diverse thematic content. Linguists mark out three main functions of journalism: informative, effecting and entertaining. Editorials (leading articles) which are often at the centre of language researchers' attention often perform either informative or effecting function. Basic information in effecting texts (which are devoted for example to urgent economic or political problems) is often analytically reconsidered and treated, the author abstracts from specific facts using methods of logical evidence. These effecting texts are in their turn subdivided into polithematic and monothematic types.

The most common types of texts of modern British journalism are characterized by a definite function and thematic structure. Polythematic intensional textual structures dominate in this sphere of social journalism where argumentative explication of the thematic concept plays the main part.

Keywords: *linguistics of text, British journalism, functions of journalism, types of texts.*

REFERENCES

1. **Brandes M. P.** Stylistics of the German Language. – Moscow: High School, 1990. – 320 s. [In Russia]
2. **Vannikov Y.V.** Types of Scientific and Technical Texts and Their Linguistic Peculiarities. – Moscow, 1984. – [In Russia]
3. **Kozhina M.N.** Stylistics of the Russian Language. – Moscow: Prosveshenie, 1993. [In Russia]
4. **Shveitser A. D.** Contrastive Stylistics: Journalism in the Russian and English Languages. – Moscow: Librocom, 2009. – 256 s. [In Russia]
5. **Brinker K.** Linguistische Textanalyse. – Berlin: Schmidt, 1988. – 151 S.
6. **Dimter M.** Textklassenkonzepte heutiger Alltagssprache. – Tübingen: Niemeyer, 1981. – 144 S.
7. **Dovifat E.** Zeitungslehre. Bd. 1. – Berlin: de Gruyter, 1967. – 162 S.
8. **Eggers H.** Deutsche Sprachgeschichte. Bd. 4: Das Neuhochdeutsche. – Hamburg: Reinbek, 1977. – 183 S.
9. **Engel U.** Deutsche Grammatik. – Heidelberg: Groos, 1988. – 888 S.
10. **Toulmin St.** The Uses of Argument. – Cambridge: University Cambridge Press, 1958. – 264 p.
11. **Werlich E.** Typologie der Texte. – Heidelberg: Quelle&Meyer, 1975. – 140 S.

Yatsko Vladislav Vyacheslavovich – the applicant for candidate degree program at foreign languages department, Novosibirsk State Pedagogical University.

E-mail: wend14@yandex.ru

© Н. А. Агеева

УДК 82

ПОЭТИКА СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МОНОДРАМЫ

Н. А. Агеева (Новосибирск, Россия)

Статья посвящена изучению поэтики монодрамы (специфика организации сценического действия, сюжет, конфликт, герой). В последние десятилетия в театрально-литературной практике Европы и России монодрама становится все более актуальной как явление искусства. В современной критической литературе этот термин все чаще используется для обозначения некоторых текстов так называемой «новой драмы» (к примеру, произведений Е. Гришковца, И. Вырыпаева, Ю. Клавдиева и других драматургов). За последние несколько лет было предпринято несколько попыток теоретического осмысления жанровой модели монодрамы. Однако те немногочисленные исследования, которые посвящены этому жанровому варианту драмы, сводятся преимущественно к описанию его архитектоники либо к рассмотрению отдельных аспектов (авторрефлексия, моногерой, хронотоп, «событие рассказывания») преимущественно с точки зрения нарратологии. Цель данной научной работы заключается в выявлении и комплексном описании специфических черт монодраматического текста на основе сравнительно-сопоставительного анализа родовых и жанровых компонентов, наличествующих в отечественной монодраме конца XX – начала XXI века.

Ключевые слова: монодрама, монологическое высказывание, авторрефлексия, перформатив.

Наиболее раннее документально зафиксированное употребление слова «монодрама» относится к концу XVIII в. Так, к примеру, оно встречается в одном из писем английского романтика Роберта Саути, написанном в 1793 г.: «...such a letter Grosvenor full of odes elegies epistles

monodramas comedramas tragedramas – all sorts of dramas...» (такое письмо Гросвенору полно од, элегий, посланий, монодрам, комодрам, трагидрам — всех видов драм (*перевод наш – Н.А.*)) [1]. В конце XVIII – начале XIX вв. этот термин становится модным сначала в Англии, а затем и в Германии.

* Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 гг., конкурс молодых ученых

Агеева Наталья Анатольевна – старший преподаватель кафедры зарубежной литературы и теории обучения литературе, аспирант кафедры русской литературы и теории литературы Института филологии, массовой информации и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: jcl@ngs.ru

Позже он практически выходит из моды, и лишь в XX в. снова становится актуальным. Стоит отметить, что в XIX в. в Европе данный термин употребляется не только в отношении к драматическим текстам, но и к произведениям, в основе которых лежит лирический монолог героя, сопряженный с остродраматическим сюжетом (например, поэма «Мод. Монодрама» лорда Альфреда Теннисона).

В XX в. термин «монодрама» начинает использоваться в психологии, в музыковедении, в театроведении и в литературоведении. В психологии он обозначает метод индивидуальной работы психолога с клиентом, которому предлагается сыграть одну за другой различные роли, возникающие в данной ситуации: например, он может вести диалог с различными частями своего собственного тела, или же завязать воображаемый диалог с одним из своих родителей и др. В музыковедческой среде под монодрамой подразумевают короткую музыкальную пьесу, исполняемую одним солистом при участии безмолвной фигуры (зачастую – балета) или хора, подобное определение, к примеру, дает «Краткий оксфордский справочник о театре» Филлиса Хартнолла и Петера Фаунда [2]. Об этом жанре пишут исследователи творчества Арнольда Шёнберга (к примеру, Наталья Власова в диссертации «Творчество Арнольда Шёнберга» [3]), Франсиса Пуленка, Жана Кокто, Гектора Берлиоза. Иногда музыковеды в качестве синонима для термина «монодрама» используют определение «моноопера».

В театроведческой литературе до сих пор используется определение монодрамы, данное еще в начале XX в. Николаем Евреиновым. В своей работе «Введение в монодраму», изданной в 1909 г., он разделяет

зрелище и истинную драму. Зрелище, по его мнению, – это драма, не вызывающая сильных эмоциональных и эстетических переживаний. Истинная же драма заставляет зрителя сопереживать действующим лицам. А поскольку человек не в состоянии одновременно сопереживать двум и более персонажам, «души которых не настроены в данный момент в унисон» [4, с. 2], то по-настоящему высокой драмой может быть только монодрама. Под монодрамой Николай Евреинов подразумевает «такого рода драматическое представление, которое, стремясь наиболее полно сообщить зрителю душевное состояние действующего, являет на сцене окружающий его мир таким, каким он воспринимается действующим в любой момент его сценического бытия» [4, с. 8]. Таким образом, при помощи монодраматизации чужая драма превращается в «мою драму», то есть драму не только персонажа, но и каждого зрителя в отдельности. Монодрама, по Евреинову, является «проекцией души» центрального персонажа на внешний мир, «остальных участников драмы зритель монодрамы воспринимает лишь в рефлексии их субъектом действия, и следовательно переживания их, не имеющие самостоятельного значения, представляются сценически важными лишь постольку, поскольку проецируется в них воспринимающее «Я» субъекта действия» [4, с. 25]. Теория Н. Евреинова была реализована в некоторых его пьесах («Представление любви», «В кулисах души»), а так же в произведениях его современников (например, «Золото» А. Сорокина), однако их постановки не имели особого успеха у зрителей того времени.

В литературоведческой среде в отношении классической драматургии под

монодрамой понимается особый композиционный тип трагедии, в котором все внимание сосредоточено на главном герое, вынужденном принять и отстаивать важное решение. Прообразами подобной монодрамы могут считаться дифирамбы в исполнении Феспида, а также доэсхиловская греческая трагедия (Фриних), в которой актер, меняя маску и костюм, последовательно изображал разных персонажей перед хором [5, с. 195]. В. Н. Ярхо в своей статье «Трагический театр Софокла» относит к жанру монодрамы и некоторые трагедии Эсхила и Софокла, такие как «Хоэфоры» (Эсхил), «Царь Эдип», «Электра» и «Эдип в Колоне» (Софокл). В качестве подтверждения своих слов автор приводит следующий пример: «для "Царя Эдипа" число стихов, во время которых главный герой пребывает на сцене, составляет 77,5 % всего объема трагедии, для "Эдипа в Колоне" – 87,4 %, для "Электры" – 93,4 %» [6, с. 500]. Хор же в данном случае нельзя рассматривать в качестве отдельного персонажа, поскольку он является воплощением лирического начала в античной драматургии. Песни хора представляют своего рода медитацию «по поводу» событий, развертывающихся на сцене, об этом пишет также О.М. Фрейденберг в работе «Образ и понятие» [7]. Одним из образцов монодрамы так же считается пьеса «Пигмалион» Жан-Жака Руссо, написанная в 1762 г. и поставленная в 1770 г. в Лионе. Это произведение представляет собой один большой монолог Пигмалиона, лишь в самом конце переходящий в диалог с ожившей Галатеей. С формально-технической точки зрения (как прием исполнения) монодраму рассматривают и составители словарей и энциклопедий. Так, к примеру, «Энциклопедия Британника», как и многие другие подобные издания, определяет

монодраму как «драму, исполняющуюся или предназначенную для исполнения одним актером» [8]. «Словарь театра» Патриса Пави дает более развернутое определение: «В повседневном смысле, это пьеса с одним характером, или по крайней мере для одного актера (который играет несколько ролей). Пьеса сосредоточена вокруг одного человека, исследует его внутреннюю мотивацию, субъективное и лирическое» [9, с. 217] (*перевод наш. – Н. А.*). Заметим, что в русском издании «Словаря» Пави данный термин отсутствует.

В 1978 г. нарратолог Доррит Кон в своей монографии «Transparent minds: narrative modes for presenting consciousness in fiction» назвала монодраму жанром, который «существует преимущественно в умах теоретиков, только иногда на бумаге и очень редко на сцене» [10, с. 256] (*перевод наш – Н. А.*). Однако в последние десятилетия в театрально-литературной практике Европы и России монодрама становится все более актуальной как явление искусства. В Европе регулярно проходят международные фестивали монодрамы: в Словении – с периодичностью в 2 года, начиная с 2000, в немецком городе Киле прошло уже 6 фестивалей, ежегодный фестиваль в Битоле (Македония) проводится с 1999 г. В современной научной литературе этот термин все чаще используется для обозначения некоторых текстов так называемой «новой драмы». Необходимо отметить, что сами драматурги редко используют термин «монодрама», исключение – Е. Гришковец («Как я съел собаку», «Одновременно») и Н. Мазур («Леди Капулетти»). Некоторые авторы используют определение «монопьеса» (например, В. Леванов в «Смерти Фирса» и «Прощай, настройщик», Д. Балыко в «Ангелика желает продаваться?..» и «Pine

Ваг», В. Жеребцов в «Партнере», Д. Савина в «Было холодно») или описания, фиксирующие присутствие на сцене одного актера (И. Вырыпаев в «Июле», Я. Богданова в «Желание жить», М. Земсков в «О любви к Чайковскому», С. Киров в «Папка», А. Слаповский в «Ёлочка»). Также авторы монодрам фиксируют небольшой объем – одноактность или двухчастность пьесы (Н. Коляда, В. Азерников, В. Зуев, А. Найденов) и монологический характер презентации речевого материала («Американка», «Родимое пятно» и др. пьесы Н. Коляды, «Руки» Д. Богославского, «Детский мир» В. Зуева, «Вперед и с песней!» А. Найденова, «Наташина мечта» Я. Пулинович, «Сухобезводное» О. Погодиной, «Fас you, Eu.ro.Pa!» Н. Ежинеску и др.).

Огромное количество подобных пьес, появившееся в последние два десятилетия, вызывает интерес как у историков литературы, так и у теоретиков драмы. За последние несколько лет было предпринято несколько попыток осмысления жанровой модели монодрамы. Так, к примеру, украинский литературовед Е. Е. Бондарева в статье «Теоретическая модель современной монодрамы: подвижные рамки жанрологического канона» отмечает, что те немногочисленные исследования, которые посвящены этому жанровому варианту драмы, сводятся преимущественно к описанию архитектоники монодраматического произведения. Однако, как отмечает исследовательница, специфика монодрамы не исчерпывается только ее монологизмом, присутствием моногероя и особой композицией, в основе которой лежит многособытийная ассоциативная структура, упорядоченная системой лейтмотивов. Опираясь на работы основателя психодрамы Якоба Леви Морено и его ученицы Грете

Лейтц, Е. Е. Бондарева проводит параллель между монодрамой как психотехникой и монодрамой как драматическим жанром и приходит к выводу, что герой-протагонист в монодраме представляет собой «одну суперсложную монолитную психологическую либо депсихологизированную суперсистему, воплощенную, как правило, в одном человеческом индивидуе» [11, с. 254]. В качестве структурирующей доминанты в монодраме автор статьи выделяет «психологизм, нашедший отражение в мощном лирическом начале внутренних монологов моногероя» [11, с. 252]. Это позволяет рассматривать монодраму как жанровый модус, граничащий между лирикой и драмой. Это родство возникает благодаря тому, что субъект сознания в монодраме, как и в лирике, репрезентирует себя и как нарратор, и как герой. То есть в монодраме происходит отход от субъектно-объектных отношений, присущих эпике и драме по С. Н. Бройтману, в сторону субъектно-субъектных отношений, присущих только лирике как роду литературы. Однако, как утверждает сам автор исследования, данное определение справедливо только в отношении украинских монодрам конца 80-х – начала 90-х годов XX в., но вряд ли применимо для более поздних произведений украинских авторов, а так же к русским монодрамам.

Отмечая, что наблюдения Е. Бондаревой относительно дискурсивной основы монодрамы вызывают несомненный интерес, С. Я. Гончарова-Грабовская в статье «Монодрама в творчестве Е. Гришковца» предлагает рассматривать монодраму как структуру, в которой активно присутствуют лирическое и эпическое начало. В монодрамах Гришковца, по мнению исследовательницы, «лиризм проявляется в раскрытии внутреннего мира героя, в его

исповедальных монологах и искренних до наивности рассуждениях, вызывающих сопереживание. Эпическое повествование насыщается элементами лирической авторефлексии, превращающей автора одновременно в субъект и объект изображения» [12, с. 27]. Рассуждая о специфике произведений Е. Гришковца, Гончарова-Грабовская делает акцент на их нарративной основе, выстроенной по принципу «потока сознания»: герой-рассказчик, «пересказ рассказов из жизни», воспоминания. Ремарки, монологи и диалоги автор статьи рассматривает лишь как элементы драмы, «вмонтированные» в повествование.

А. Павлов в статье «"Событие рассказывания" в современной отечественной монодраме» также описывает монодраму, используя категории нарратологии. Анализируя пьесу Е. Исаевой «Про мою маму и меня», автор статьи отмечает, что героиня пьесы «приобретает функции, аналогичные функциям *первичного субъекта речи в эпическом произведении*, – *субъекта-посредника между изображенным на сцене миром и воспринимающим сознанием*» [13]. Прочие же персонажи пьесы автором исследования не рассматриваются как самостоятельно действующие лица, поскольку они вводятся словом центрального героя. Таким образом, под монодрамой А. Павлов понимает сценическое опубликование «события рассказывания».

Внимательное рассмотрение обозначения жанровой природы произведений, которые авторами или исследователями называются монодрамой, позволяет выделить некоторые существенные признаки этого жанра. В качестве формального признака монодрамы можно выделить *исполнение пьесы преимущественно одним актером*.

Зачастую исходная сюжетная ситуация пьесы внешне не изменяется на протяжении всего действия: в сценическом пространстве герой находится в ситуации уединенности, добровольного или вынужденного одиночества, изолированности, оставленности и т. п. В некоторых случаях драматурги вводят дополнительных персонажей, которые в художественном целом пьес оказываются лишь проекциями сознания героя, некими условными обозначениями людей из прошлого («Мои проститутки» С. Решетникова, «Док.тор» Е. Исаевой) или голосами (героями), существующими вне жизнедеятельности героя («Июль» И. Вырыпаева).

На наш взгляд, основным структурным признаком современной монодрамы вслед за Н. Евреиновым можно считать *миметическое изображение в сценическом пространстве одного сознания и презентацию его представлений о себе и мире посредством монологического высказывания*. Превалирование в монодраме монологической речи не отменяет присущего драме как роду литературы диалогического характера любого речевого жеста. Так, монологи героев адресованы либо зрителю (эксплицитно – пьесы Е. Гришковца, М. Пряжко, «Партнер» В. Жребцова и другие; имплицитно – «Победила я» Я. Пулинович, «Я, пулеметчик» Ю. Клавдиева, «Папка» С. Кирова, «Сухобезводное» О. Погодиной и многие другие), либо безмолвному персонажу («Ты будешь лежать одинокий и мертвый» В. Леванова, «Носферату» Н. Коляды), либо объекту, наделяемому сознанием (кошке в «Шерочке с машерочкой» Н. Коляды, куклам в «Детском мире» В. Зуева), либо внесценическому персонажу («Наташина мечта» Я. Пулинович, «Абонент временно недоступен» В. Азерникова, «Девушка моей мечты» Н. Коляды), либо несколькими

адресатам («Пишмашка» Н. Коляды, «Руки» Д. Богославского и другие). Монолог в пьесе Н. Мошиной «Пуля» представляет собой диалог как минимум двух отличных друг от друга сознаний – вопрошающего/комментирующего и отвечающего, – принадлежащих то ли самой героине, то ли воображаемому «другому» и героине. Говорение героя о своей жизни в монодраме, не является нарративом, поскольку когда-то случившееся не столько описывается героем, сколько переосмысливается или проживается – переживается – разыгрывается в сценическом пространстве в настоящем. Хотя нарративные элементы, безусловно, присутствуют наряду с анарративными. Как отмечает В. И. Тюпа, доминирующей составляющей драматургического текста является мимесис, а не диегезис: «мимесис не рассказывает, а показывает, имитирует» [14, с. 15].

Объектом изображения в монодраме становится персонаж, *рефлексирующий* по поводу своего мышления и восприятия и/или конкретных критических или значимых ситуаций. *Последовательность ментальных и/или эмоциональных состояний героя*, связанных с ситуациями, отличными друг от друга во времени или пространстве, или

различающихся составом действующих лиц, *составляют сюжет монодрамы*. В современной отечественной монодраме можно выделить два основных типа сюжета: инициационный (пьесы Е. Гришковца, «Июль» И. Вырыпаева, «Смерть Фирса» В. Леванова, «Дос.тор» Е. Исаевой и др.) и сюжет утраты или не обретения героем подлинных человеческих отношений (пьесы Н. Коляды, В. Зуева, М. Крапивиной, О. Погодиной, Д. Балько и др.).

В современной монодраме по преимуществу развивается тот *тип конфликта*, который И. М. Болотян и С. П. Лавлинский определяют как *сущностный*: «самоопределяющаяся в собственной “эго-истории” “биографическая” личность сталкивается с самой собой как с Другим (прошлым, настоящим, будущим)» [15, с. 57]. В инициационном типе сюжета этот конфликт реализуется в осмыслении «я-настоящим» «себя-прошлого». В сюжете, который мы обозначили как утрата или не обретение человеческих отношений конфликт развивается между «я-для-себя» героя и его «я-для-других» в заданности тех или иных межличностных отношений – семейных, любовных, дружеских и т.п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **The Collected** Letters of Robert Southey, Parts One and Two. Ed. L. Pratt, I. Packer. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rc.umd.edu/editions/southey_letters/Part_One/HTML/letterEEEd.26.62.html (дата обращения: 25.01.2013).
2. **Hartnoll Ph., Found P.** Monodrama. [Электронный ресурс] // The Concise Oxford Companion to the Theatre. [Encyclopedia.com, 1996]. URL: <http://www.encyclopedia.com> (дата обращения 20.02.2012).
3. **Власова Н. О.** Творчество Арнольда Шёнберга : автореф. дис. ... докт. иск. наук : 17.00.02. – М., 2007. – 50 с.
4. **Евреин Н.** Введение в монодраму. – Спб., 1909. – 29 с.
5. **Хализев В. Е.** Драма как род литературы (поэтика, генезис, функционирование). – М.: изд-во

- МГУ, 1986. – 260 с.
6. **Ярхо В. Н.** Трагический театр Софокла. // Софокл. Драмы / Издание подготовили М.Л. Гаспаров, В.Н. Ярхо; В переводе Ф.Ф. Зелинского. – М.: Наука, 1990. – С. 467-508.
 7. **Фрейденберг О. М.** Миф и литература древности. 2-е изд., – М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1998. – 800 с.
 8. **Monodrama** // Encyclopædia Britannica Online. [Encyclopædia Britannica Inc., 2013]. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/389832/monodrama> (дата обращения: 25.01.2013).
 9. **Pavis P.** Dictionary of the theatre: Terms, Concepts, and Analysis. – University of Toronto Press, 1998. – 469 p.
 10. **Cohn D.** Transparent Minds: Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction. – Princeton: Princeton University Press, 1978. – 334 p.
 11. **Бондарева Е. Е.** Теоретическая модель современной монодрамы: подвижные рамки жанрологического канона // Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI веков : в 2 ч. – Мн., 2006. – Ч. 1. – С. 249–257.
 12. **Гончарова-Грабовская С. Я.** Монодрама в творчестве Е. Гришковца // Вестник БГУ. – Сер. 4, № 3. – Минск, 2009. – С. 26–31.
 13. **Павлов А. М.** «Событие рассказывания» в современной отечественной монодраме (на материале пьесы Е. Исаевой «Про мою маму и про меня»). // NARRATORIUM: междисциплинарный журнал № 1–2, 2011. / «Российский государственный гуманитарный университет», 1996–2011. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://narratorium.rggu.ru/> (дата обращения 20.10.2012).
 14. **Тюпа В. И.** Нарратив и анарративность // Универсалии русской литературы. – № 2. – Воронеж, 2010. – С. 15.
 15. **Болотян И. М., Лавлинский С. П.** Типология конфликтов в произведениях «новой драмы» // Новейшая русская драма и культурный контекст. – Кемерово, 2010. – С. 57.

© N. A. Agheyeva

UDC 82

POETICS OF CONTEMPORARY RUSSIAN MONODRAMA*N. A. Agheyeva (Novosibirsk, Russia)*

The article is devoted to studying of poetics of the monodrama (features of the organization stage action, plot, conflict, character). Recent decades, in the theater and literary practice in Europe and Russia monodrama is becoming increasingly important as a phenomenon of art. In contemporary critical literature, the term is used to refer some of the texts of so-called «new drama» (for example, works of E. Grishkovets, I. Vyrypaev, Y. Klavdiev and other playwrights). Over the last few years there have been several attempts to model theoretical interpretation of the genre monodrama. However, the few studies that focus on this version of the drama genre are reduced primarily to the description of its architectonic or to address particular aspects mostly in terms of narratology. The purpose of this research is to identify and describe the specific features of the complex monodramatic text with comparative analysis of generic and genre components in Russian monodrama late XX – early XXI century.

Keywords: *monodrama, monologic utterance, self-reflection, performative.*

REFERENCES

1. **The Collected** Letters of Robert Southey, Parts One and Two. Ed. L. Pratt, I. Packer. – URL: http://www.rc.umd.edu/editions/southey_letters/Part_One/HTML/letterEEed.26.62.html (25.01.2013).
2. **Hartnoll Ph., Found P.** Monodrama // The Concise Oxford Companion to the Theatre. [Encyclopedia.com, 1996]. – URL: <http://www.encyclopedia.com> (20.02.2012).
3. **Vlasov N. O.** Creativity of Arnold Schoenberg. – M., 2007. – 50 p. [In Russia]
4. **Evreinov N.** Introduction to the monodrama. – Spb., 1909. – 29 p. [In Russia]
5. **Khalizev V.** Drama As a Literary Genre. – Moscow: Moscow State University Press, 1986. – 260 p. [In Russia]
6. **Yarkho V. N.** Tragic theater of Sophocles. // Sophocles. Drama / Edition prepared M. L. Gasparov, V. N. Yarkho; Translated F. F. Zelinsky. – Moscow: Science, 1990. – Pp. 467–508. [In Russia]
7. **Freidenberg O. M.** Myth and literature of antiquity. 2nd ed. – Moscow. Ed. company "Eastern. Lit. "RAS, 1998. – 800 p. [In Russia]
8. **Monodrama** // Encyclopædia Britannica Online. [Encyclopædia Britannica Inc., 2013]. – URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/389832/monodrama> (25.01.2013).
9. **Pavis P.** Dictionary of the theatre: Terms, Concepts, and Analysis. – University of Toronto Press, 1998. – 469 p.
10. **Cohn D.** Transparent Minds: Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction. – Princeton: Princeton University Press, 1978. – 334 p.
11. **Bondareva E. E.** The theoretical model of a modern monodrama: moving beyond the genre canon. – Russian and Belarusian literature at the turn of XX–XXI centuries. – Minsk, 2006. – Vol. 2. – Pp. 249-257. [In Russia]

12. **Goncharova-Grabovskaya S. Y.** Monodrama in the works of Grishkovets // Bulletin of the BSU. – Minsk, 2009. – Ser. 4 vol. 3. – pp. 26-31. [In Russia]
13. **Pavlov A. M.** “The Event of Telling” in the Contemporary Russian Monodrama (E. Isaeva’s Play About My Mother and Me). // NARRATORIUM: interdisciplinary journal. – 2011. – Vol. 1–2. – URL: <http://narratorium.rggu.ru/> [In Russia]
14. **Туупа V. I.** Narrative and anarrati // Universals of Russian literature. – Voronezh, 2010. – Vol. 2. – Pp. 14–23. [In Russia]
15. **Bolotjan I. M., Lavlinsky S.** Typology of conflict in the works of the "new drama" – The latest Russian drama and cultural context. – Kemerovo, 2010. – Pp. 51–59. [In Russia]

Agheyeva Natalia Anatolievna – the senior lecturer of faculty of foreign literature and theory of literature teaching, the post-graduate student of the faculty of Russian literature and theory of literature, Institute of philology, the mass information and psychology, Novosibirsk State Pedagogical University.

E-mail: jcl@ngs.ru

© А. С. Полянина

УДК 821.161.1(092)

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАК ПРИНЦИП ПОВЕСТВОВАНИЯ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ»*

А. С. Полянина (Новосибирск, Россия)

«Отчаяние» – последний русскоязычный роман В.В. Набокова, который обладает уникальной структурой: текстовые ремарки героя, титровые диалоги, монтажные соединения эпизодов и крупный план позволяют отнести письмо в область кинолитературы. При этом кинематограф возможен лишь на метауровне, именно там он соотносится с «речью», совпадает с ней во всех параметрах. Для романа характерна стратегия провокации, так как кинематограф есть своего рода оптический трюк. Набоковское «слово» разоблачает «действие», кино становится возможным только в качестве нарративного приема.

Данная работа посвящена особому типу визуализации – имитации кинопоказа в нарративе. Элементы кинопоэтики романа «Отчаяние» анализируются в аспектах героя, сюжета и композиции.

Ключевые слова: визуализация, Набоков, кинооптика, кинолитература, нарративный прием.

Кинематографический контекст литературы – весьма неустойчивая и подвижная субстанция, которая может менять свои характеристики в зависимости от появления новых моделей в культуре. В первую очередь, она представляет собой выход одного искусства за пределы другого, вырабатывая в литературном дискурсе особый прием «кинофицированности» текста. И. Смирнов в своей работе «Видеоряд» обозначает «словесное сотворчество» двух искусств: «предложить читателю вербальный

эквивалент фильмов – дать возможность пережить их уже не как пантомиму, но и как Логос» [8, с. 340].

Рассуждая о визуальной поэтике В. Набокова, многие исследователи указывают на предпочтение писателем оптико-звуковых образов действию и на «особый зеркальный принцип построения текста». Роман Набокова «Отчаяние» часто исследовался на предмет наличия в нем претекстов из сферы кинематографа, немецкого в частности.

* Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 гг., конкурс молодых ученых.

Полянина Анна Сергеевна – соискатель, старший лаборант кафедры зарубежной литературы и теории обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет.
E-mail: a.polyaNina@yandex.ru

В своей статье под названием «Чувство фильма» Р. Янгиров говорит о «генетической связи» оптики Набокова с кинематографом и о «виртуозном умении вербализовать фильмические эффекты»: «экранный ритм, параллельный и перекрестный монтаж, игра «крупностей» и светотени, неожиданные ракурсы авторского взгляда, выразительный «титровые» диалоги персонажей и даже такой внесловесный нюанс, как движение камеры, – все эти приемы ассоциируются исключительно с Набоковым» [12, с. 399]. Автор статьи приходит к выводу, что «кризис старой художественной традиции выдвинул на первое место «кинофицированное» творчество: по примеру Америки, где в широкий оборот вошли обратные переделки сюжетов и сценариев популярных фильмов в романы и повести, аналогичные опыты распространились и в Европе, где беллетризация экранных бестселлеров подкреплялась переводом на драматическую сцену, в оперетту и в варьете» [12, с. 400]. В результате «кинофицированности» происходит перевод из области кинематографического (сценарного) в область литературного и театрального. Но известен также обратный прием – «кинематографизации» – когда литература и театр усваивают приемы кинематографа в структурном плане.

Таким образом, в культуре существует два приема присвоения феномена одного искусства другим: «кинофицированность» текста – жанр «киноромана» (написание романа по киносценарию и по сюжету фильма) и «кинематографизация» – монтаж кино (усвоение его приемов). Метатекстуальная природа «Отчаяния» тяготеет, скорее, к метапозиции, необходимой для описания культурного пространства того времени, так как одни исследователи пишут о «киноисточниках»

романа (Лора Шлотхауэр, И. Смирнов), а другие – о «кинематографической технике» письма Набокова (Р. Янгиров, Н. Григорьева).

В нашем исследовании мы рассмотрим роман «Отчаяние» именно с точки зрения кинематографизации, так как это один из основных приемов набоковской прозы и прозы эпохи модернизма в целом. Важным представляются не только интертекстуальные связи с кинематографом, но и наличие его аллюзий в тексте, обыгрывание Набоковым самого способа кинопоказа, имитация процесса, но не кино-содержания.

События в «Отчаянии» разворачиваются таким образом: торговец шоколадом Герман случайно обнаружил в бродяге Феликсе своего двойника. Это открытие наводит Германа на мысль об идеальном убийстве. Суть его плана состоит в том, чтобы выдать убийцу за жертву и создать впечатление, будто убит не Феликс, а он сам. На самом же деле Герман, «перевоплотившись» в Феликса, будет продолжать жизнь в свое удовольствие вместе с женой Лидой на деньги, вырученные за собственную смерть от страхового общества. Но в искусно задуманном и выполненном плане убийства обнаруживается существенная ошибка. Очевидного для Германа сходства между двойниками никто не видит, и полиция быстро устанавливает личность убийцы.

Прежде, чем говорить об использованных киноприемах, необходимо остановиться на нарративной структуре текста. Принципиальная особенность этого романа состоит в том, что персонаж «Отчаяния» – Герман, «присваивает» себе роман Набокова, и с первой строчки по десятую главу начинает писать свою повесть: «...так, например, я полагал начать свою

повесть», а дальше обвиняет автора в будущем присвоении его произведения:

«Что ты почувствуешь, читатель-автор, когда приступишь к этой рукописи? Восхищение? Зависть? Или даже – почему знать? – воспользовавшись моей бессрочной отлучкой, выдашь мое за свое <...> Мне было бы нетрудно принять наперед меры против такого наглого похищения» [4, с. 445].

Присвоение оригинала персонажем прекращается вполне знаковым моментом – «эпилогом» Германа в 10 главе, но дальше роман продолжается, так как «Отчаяние» Набокова имеет 11 глав. Тем не менее, почти весь роман содержит в себе план персонажа – Герман персонализирует текст. Происходит совмещение двух функций – передачи текста персонажа и собственно повествование, которое осуществляется в тексте нарратора. М. Бахтин назвал это явление «гибридной конструкцией»: «это такое высказывание, которое по своим грамматическим (синтаксическим) и композиционным признакам принадлежит одному говорящему, но в котором в действительности смешаны два высказывания, две речевые манеры, два стиля, два «языка», два смысловых и ценностных кругозора [1, с. 118]. Позднее это же явление В. Шмид называет «текстовой интерференцией»: «интерференция получается вследствие того, что в одном и том же отрывке повествовательного текста одни признаки отсылают к тексту нарратора, другие же — к тексту персонажа» [11, с. 141]. Одновременная отсылка к двум разнородным текстам создает эффект сосуществования этих текстов. Таким образом, в романе «Отчаяние» автором допускается «нарративный парадокс» – повествуемый персонаж выступает в роли повествующей инстанции. Исполняется тот самый «трюк иллюзиониста», о котором рассуждал Герман

в 1 главе: «...фильмовый актер в двух ролях никого не обманывает, ибо если он и появляется сразу в двух лицах, то чувствуешь поперек снимка линию склейки» [4, с. 406].

«Гибридность конструкции» и «иллюзорность присвоения» чужого текста также обнаруживается в интертекстуальных отсылках к роману Андре Жида «Фальшивомонетки». В нем главный герой – писатель Эдуард ведет дневник и рассуждает о принципах идеального романа. Параллельно он начинает писать реальный роман, название которого совпадает с названием романа Жида. «Дуальности дневникового и романного повествования соответствует дуальная пара героев». В финале «Отчаяния» Герман пишет: «Опасность обращения моей повести в художничью дневник, к счастью, рассеяна» [4, с. 527]. Д. Захарьин рассуждает в своей статье «Набоков и Андре Жид. Отчаяние roman du roman»: «Набокову удалось вмонтировать в свой роман ту сложную конфигурацию мотивов, которую критики не переставали считать изобретением Андре Жида. Действие ФМ вертится на стержне символического обмена, в котором участвуют настоящие и фальшивые монеты» [3, с. 102]. Мотив монет и мотив украденного писательского инструмента также повторяется в «Отчаянии», что можно усмотреть в «фальшивом плане» Германа и в применении Набоковым приема перехода от писателя к не-писателю: в пятой главе Герман спрашивает у Феликса про серебряный карандаш, который он забыл на траве при их первой встрече:

«...Вот что, умник, отдай-ка мне моментально мой карандаш!» <...>

«Вы забыли на траве...»

«Украл и продал!» – крикнул я, даже притопнул.

Ответ его был замечателен: сперва мотнул головой, что значило: «Не крал», – и тотчас кивнул, что значило: «Продал» [4, с. 441].

Таким образом, посредством Феликса в романе совершается «нарративная сделка» – герой продает карандаш Германа, оставляя, тем самым, текст лже-нарратора недописанным. Так же, как и в FM, в «Отчаянии» появляется вторая «фальшивая» повествовательная линия, вызывающая не только «иллюзию одновременности сосуществования двух текстов», но и «иллюзию» написания и прочтения (В 11 главе Герман перечитывает «свой» текст: «Сперва перечитаем» [4, с. 521]). Так как 11 глава – это уже текст Набокова, то Герман меняет свой статус и переходит из персонажа пишущего в статус персонажа читающего. «Иллюзорность» и «изображенность» являются в данном романе основными приемами наррации В. Набокова.

О. М. Фрейденберг в своей работе говорила о том, что «до появления наррации, то есть до умения воспроизводить длительность во времени и перспективу в пространстве, в драме нарративную функцию выполняла вещь, повозка, привозившая и «показывавшая» убитых за кулисами героев: она заменяла второе время, второе пространство и второе действие» [10, с. 223]. Частые ремарки (комментарии Германа) в тексте, сценические действия и режиссерский «труд» Германа могут создать впечатление присутствия элементов драматического произведения в романе. Тем более, что проза постмодерна предполагает некоторое смещение жанров и родов литературы, также создавая жанровую/родовую «гибридную конструкцию». В «Отчаянии» роль повозки исполняет машина Германа – Икар темно-синего цвета. По мнению Ж. Делеза,

«повествование использует всевозможные транспортные средства как источники ложного движения» [2, с. 446]. Сцена убийства проходит в машине, в ней лже-двойник Феликс должен был «прокатиться» по условленному договору в роли дублера Германа-актера. Стоит отметить, что свои романы Набоков писал долгое время в синей тетрадке, постоянно мелькавшей в его произведениях. А машина Германа, который использует ложные монтажные соединения (так как он не является нарратором романа) – темно-синего цвета. Машина, также как и повозка в античной драматургии, становится «зачаточной сценой». В 11 главе Герман увидит свою «повествовательную ошибку» и крах своего «гениального плана» в палке, которую Феликс оставляет в машине: «Ну вот – палкой, – указал ею, сел в автомобиль и потом палку в нем и оставил, когда вылез...» [4, с. 522].

Кинематографизация в романе представлена на метасюжетном и сюжетном уровнях. На сюжетном уровне Герман не видит то кино, которое снимает (в «Предисловии автора к американскому изданию романа «Отчаяние» В. Набоков пишет: «...Не могу даже вспомнить, удалось ли ему снять тот фильм, который он предлагал режиссировать» [5, с. 105]), так как в тексте постоянно фиксируется мотив «невидения» главного героя: его ночной кошмар – «...видел лужу, и в луже мое, исковерканное ветровой рябью, дрожащее, тусклое лицо, – и я вдруг замечал, что глаз на нем нет» [4, с. 427]; отсутствие нарисованных глаз на портрете Германа – «Глаза я всегда оставляю напоследок», – самодовольно сказал Ардалион» [4, с. 427]. Также остальные герои романа, за исключением Ардалиона, отличаются «плохим зрением» и носят очки: Феликс, не замечающий сходства

с Германом («ты, значит, слеп»), ненаблюдательная жена (Лида), близорукий Орловиус, толстяк в роговых очках на дачном участке, женщина-продавец из табачной лавки, лакей в пенсне и т.д.

Использованные киноприемы выражаются именно в метасюжетном плане, так как Герман выступает в роли повествующей инстанции и в 1 главе задается вопросом: «высшая мечта автора: превратить читателя в зрителя, – достигается ли это когда-нибудь?» [4, с. 406]. В начале романа Герман выбирает варианты написания главы – «как мы начнем эту главу?» и останавливается на приеме «биоскопа, иллюзиона, кинематографа»; в 5 главе Герман осматривает Феликса, начиная не сразу с лица, а с ног, «как бывает в кинематографе, когда форсит оператор» [3, с. 440]. Подробное описание лиц Германом приводит к кинематографическому приему «крупного плана». Подобный киноприем рассматривается Бергманом как «нахождение лица в такой области, где перестает действовать принцип индивидуализации. <...> Лица сливаются не потому, что они похожи, а из-за того, что они утратили индивидуализацию, а в равной мере – и социализацию, и способность к коммуникации. Крупный план есть одновременно и лицо, и его стирание» [2, с. 449] Напомним, что «шоколадное» производство Германа разваливается, он становится преступником и скрывается в других городах, а также «теряет способность к коммуникации» - так и не произносит финальную «речь» (последнее предложение романа русского варианта – «Отворить окно, пожалуй, и произнести небольшую речь»). Феликс же на протяжении всего романа имеет статус «бродяги» и говорит «прибаутками, в рифму», на немецком языке.

Во 2 главе Герман, Ардалион и Лида едут на дачный участок Ардалиона. Стоит уделить этому эпизоду особое внимание: «Я подскакивал, рядом подскакивала Лида, сзади подскакивал Ардалион и говорил: «Мы сейчас, – (гоп), – въедем в лес, – (гоп), – и там, – (гоп-гоп), – по вереску пойдет легче», – (гоп)» [4, с. 418]. Ж. Делез в своей работе «Кино» говорил о том, что «движение – еще один вариант изображения в кинематографе» [2, с. 450]. Этот эпизод движения машины Германа отсылает нас к известному в кинематографе «эффекту», когда машина стоит на одном месте, но при этом «подпрыгивает», а сзади идет пленка с движущимся «лесом», создавая, таким образом, иллюзию движения.

Напрашивается вывод, что иллюзорность появляется не только в сходстве через отсутствие (Герман и Феликс двойниками не являются, сходство видится только в сознании героя), но и в плане присвоения чужого текста и, следовательно, в структуре повествования романа. Приемы «иллюзиона» (одно из первых названий кинематографа) могут выражаться не только в «чисто-световом показе картин» читателю-зрителю на сюжетном уровне романа, через «зрение» героя. Мы как бы просматриваем эти «картинки» в процессе чтения. При этом читатель имеет право либо представлять, либо нет.

Многие исследователи отмечали наличие «мистификации» в романах Набокова. Фокусы, постоянно использовавшиеся в нарративах Набокова, представляют собой синтез ложного «чуда» и зрелища: «ибо все – обман, все – гнусный фокус» [4, с. 459] Возвращаясь к теории О. М. Фрейденберг о зрелищах, стоит сказать о том, что зрелища делятся на зрелищные образы, построенные на действенном и на

зрительные образы (это словесный показ, акт смотрения) и что все это – части иллюзиона – балаганного представления [10, с. 227]. В 5 главе Герман говорит: «Хотя я актером в узком смысле слова никогда не был, я все же в жизни всегда носил с собой как бы небольшой складной театр...» [4, с. 452]. В романе Набокова «Приглашение на казнь» структура произведения напоминает собой балаганный театр – раек (камера с «глазком», в котором мелькают картинки, схожа также с панорамой):

В глубине коридора, у двери с внушительными скрепами, уже стоял, согнувшись, Родион и, отодвинув заслонку, смотрел в глазок. <...> Лаборант Родион пустил Родрига Ивановича к наставленному окуляру. Плотно скрипнув спиной, Родриг Иванович впился... <...> Директор, наконец, медленно отодвинулся и легонько потянул Цинцинната за рукав, приглашая его, как профессор – захожего профана, посмотреть на препарат. Цинциннат кротко припал к светлomu кружку. Сперва он увидел только пузыри солнца, полоски, – а затем: койку, такую же, как у него в камере, около нее сложены были два добротных чемодана с горящими кнопками и большой продолговатый футляр вроде как для тромбона...

– Ну что, видите что-нибудь, – прошептал директор, близко наклоняясь и благоухая, как лилии в открытом гробу.

Цинциннат кивнул, хотя еще не видел главного; передвинул взгляд левее и тогда увидел по-настоящему.

В «Приглашении на казнь» уподобление структуры романа «визионерскому прибору» очевидно. В «Отчаянии» же речь идет о «подражании», о мимезисе мнимого под подлинное. Но самое это «подражание» стоит понимать именно в балаганном смысле, как зрелище –

зрительный показ и «взирание», а также как воспроизведение зрительной «схожести» и зрительных «подобий». Набоков визуализирует оптические образы с помощью приемов кинематографа, оставляя само «кино» не актуализованным, используя, таким образом, «минус-прием» (Герман и остальные «не видят»). «Кино» изымается из текста, ни один из героев не может его «просмотреть», вместо этого кинокод буквализуется на структурном уровне с помощью театральных и литературных приемов.

При встрече с Феликсом в Тарнице (5 глава) Герман, рассматривая палку Феликса, замечает, что она «с глазком». Мотив глаза в литературе нередко сопутствует изображению inferнального мира, а также отсылает нас к «киноглазу». Вполне возможно, что Набоков был знаком с неигровой киностилистикой Дзиги Вертова («Человек с киноаппаратом» (1929 г.), «Киноглаз» (1924 г.)). Герман, как фотоаппарат или как камера, фиксирует и снимает изображенное, о чем нам говорит его фраза из 4 главы: «и вот, обладая фотографической памятью, я запомни-бульвар, статую и еще другие подробности, – это снимок небольшой, однако, знай я способ увеличить его, можно было бы прочесть, пожалуй, даже вывески, – ибо аппарат у меня превосходный» [4, с. 432-433]. В финале англоязычного варианта романа Герман находит такой выход – он снимает свое собственное кино:

«Французы! Это всего лишь репетиция. Держите полицейских. Сейчас из этого дома к вам выбежит знаменитый фильмoвый актер. Он ужасный преступник, но ему положено улизнуть. Просьба не давать жандармам схватить его. Все это предусмотрено сценарием. Французы,

занятые в этой массовой сцене! Прошу освободить для него проход от дверей до автомобиля. Уберите шофера! запустите мотор! Держите жандармов, повалите их, сядьте на них верхом – им за это заплачено. У нас немецкая фирма, посему простите мне мой дурной французский выговор. Lespreneursdevues [кино-операторы], мой технический персонал и вооруженные консультанты уже разместились в вашей толпе. Attention! [Внимание] Мне нужен свободный проход. Только и всего. Благодарю. Теперь я выхожу»[3, с. 527].

В 5 главе, но уже после определения Феликсом принадлежности Германа к фильмовым актерам, Герман начинает замечать вывески трактиров.

Один из приемов кинофицированности текста мы можем обнаружить только в последнем отрывке романа, все той же повести Германа, которая не превращается в «худосочный дневник», но датируется от 1 апреля (что тоже символично – день смеха): в толпе людей появляется некий «господин в котелке набекрень», которого затеснили любопытные. А про Феликса постоянно говорится, что у него «фиалка в петлице». Синхронизируя все употребленные в романе приемы и аллюзии кинематографа, Набоков добавляет еще один имплицитно выраженный дополнительный кинокод – фигуру Чарли Чаплина, который «соединяет в себе цирк, карнавал и кинематограф, то есть мифологию ролевого поведения, игры, трюка – фокуса». Отнесенность к Великому Немому выражается также в финальной фразе главного героя: «Отворить окно, пожалуй, и произнести небольшую речь». Акт произношения в русской версии не свершен и мотив «молчания» здесь становится наиболее заметным. В нашем случае это – «немое кино» (об этом говорит и наличие ремарок в

русском тексте, представляющие собой «титры» и относящиеся к субъекту речи, комментирующие происходящее как бы на фоне самого повествования). Но дальше Великий Немой исчезает, так как в кинематограф – в англоязычный вариант романа – «приходит» звук (финальные слова Германа о «репетиции»).

Существенным представляется то, что именно в англоязычном варианте обнаруживается ложность повествовательного дискурса: Герман выступает теперь не только как персонаж и как повествователь, который сам о себе повествует («нарративный парадокс»), но и как режиссер, который снимает кино и в котором, в свою очередь, снимается. Съемка фильма в тексте происходит уже по американской школе – «появляется чисто американское кино», с использованием фигуры Чарли Чаплина (что указывает на смеховую культуру «Американской мечты») и с общеизвестным HappenEnd, когда преступнику удается сбежать. Также происходит удвоение «иллюзорности»: как прием, она достигает своей полной выраженности – становится очевидным, что «все это предусмотрено сценарием» и что это – «всего лишь репетиция». Но «фильм одного актера» все равно не выходит на экран – на сюжетном уровне кино недоснято. Дальше открытый финал, и готовым остается только сценарий Германа.

В русском же варианте начало романа и его финал содержат в себе ирреальную модальность – «Если бы я не был совершенно уверен в своей писательской силе, в чудной своей способности выражать с предельным изяществом и живопись...» // «Отворить окно, пожалуй, и произнести небольшую речь». Ирреальность текстового пространства приводит к тому, что «случилось», но могло и

«не случиться», «если бы не...». Открытые и ирреальные начало/финал напоминают собой кинорамку, которая ограничивает текст особым, виртуальным хронотопом съемочной площадки, в пределах которого «снимают кино». Границы фильма известны, но реальность происходящего поддается сомнению. Кино, снимаемое Германом по его сценарию, становится возможным и завершенным только в структурном плане, для читателя-зрителя, осуществившего его «мечту». Для самих героев кинопоказ остается закрытым.

Двойственность финалов одного романа приводит к разным возможным реализациям замысла «Отчаяния». Если в англоязычном варианте «кино» случается - в виде сценария и «репетиции», то в русском варианте использование киноприемов в качестве

имитации съемок фильма, до конца незавершенных (финальная речь так и не состоялась) неизменно приводит к «минус-кино», оставляя первоисточник за пределами литературы. Задуманное Германом «немое кино» не воплощается в сценической «реальности». Кино-как-текст может существовать только в виде готового киносценария, что происходит в случае с повестью Германа, но не романом Набокова. Киносценарий же может получать свою завершенность только в осуществившемся кино, которое в сценической «реальности» текста так и не осуществляется. Нереализованное кино переходит в область набоковского «метакино», оставляя текст, таким образом, «недоснятым», в виде киносценария главного героя, обретая уже статус кино-текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бахтин М. М.** Слово в романе // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. **Делез Ж.** Кино. – М.: Ад Маргинем, 2004. – 654 с.
3. **Захарьин Д.** Набоков и Андре Жид. Отчаяние roman du roman // In: Hypertext Отчаяние / Сверхтекст Despair. Studienzu Vladimir Nabokovs Roman-Rätsel, hrsg. Von I. Smirnov. München, 2000.
4. **Набоков В.** Отчаяние // Набоков В. Собрание сочинений русского периода в пяти томах. – Т. 3. – СПб.: Симпозиум, 2000. – 848 с.
5. **Набоков В.** Предисловие автора к американскому изданию // Набоков В. Отчаяние. – СПб.: Азбука-классика, 2009. – 224 с.
6. **Набоков В.** Приглашение на казнь / Набоков В. Избранные произведения. – М.: Советская Россия, 1989. – 400 с.
7. **Прокопьева И. В.** Нарративный источник как явление культуры // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета – 2011. – № 3. – С. 43–53.
8. **Смирнов И.** Историческая семантика кино. Видеоряд. – СПб, 2009. – 402 с.
9. **Тихомирова Е. Е., Колечкова О. И.** Этические концепты культуры как основа воспитания // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2011. – № 3. – С. 54–61
10. **Фрейдбергер О.** Миф и литература древности. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 800 с.

11. **Шмид В.** Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/shmid/index.php
12. **Янгиров Р.** «Чувство фильма»: Заметки о кинематографическом контексте в литературе русского зарубежья 1920–1930-х годов // «Империя Н. Набоков и наследники»: сб. статей / Под ред. Ю. Левинга, Е. Сошкина. – М.: НЛЮ, 2006. – 544 с.

© A. S. Polyana

UDC 821.161.1(092)

VISUALISATION AS THE NARRATIVE PRINCIPLE OF V. NABOKOV'S DESPAIR*A. S. Polyana (Novosibirsk, Russia)*

Despair is the last V. Nabokov's novel written in Russian and its structure is unique. Hero's text remarks, 'caption' dialogs, montage-like joint of episodes and close-ups allows us to refer the writing to the field of movie literature. At the same time the cinematograph can exist only at the metalevel because here it correlates with 'speech' and congruents with it at all points. The strategy of provocation is typical for the novel since the cinematograph is some kind of optical trick. Nabokov's 'word' reveals 'action' and the cinema becomes a narrative device.

This article is devoted to the specific kind of visualization – the imitation of a movie screening in the narrative. Elements of Despair's poetics of the cinema are analyzed in the aspects of character, plot and composition.

Keywords: *visualisation, Nabokov, narrative, 'kinopoetika' (cinema poetics), movie literature, narrative strategy.*

REFERENCES

1. **Bakhtin M. M.** The word in the novel // Questions of the literature and an aesthetics. – M., 1975. – 504 s.
2. **Delez Zh.** Kino. – M., 2004. – 654 s.
3. **Zaharin D.** Nabokov and Andre Zhid the Jew. Despair roman du roman. // In: Hypertext Despair / Supertext Despair. Studienzu Vladimir Nabokovs Roman-Rätsel, hrsg. Von I. Smirnov. München, 2000.
4. **Nabokov V.** Despair // Nabokov V. Collected works of Russian period. – Vol. 3. – SPb.: "Symposium", 2000. – 848 s.
5. **Nabokov V.** Foreword of the author to the American edition // Nabokov V. Despair. – SPb.: the Alphabet-classics, 2009. – 224 s.
6. **Nabokov V.** Invitation to execution / Nabokov V. Selected products. – M.: the Soviet Russia, 1989. – 400s.
7. **Prokopyeva I. V.** Narrative source as the phenomenon of culture // Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin. – 2011. – № 3. – Pp. 43–53.
8. **Smirnov I.** Historical semantics of cinema. A video series. – SPb, 2009. – 402 s.
9. **Tikhomirova E. E., Kolechkova O. I.** Ethical concepts as a basis of tolerance education // Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin – 2011. – № 3. – Pp. 54–61.
10. **Freidenberg O.** Myth and the literature of an antiquity. – M.: the Book-publishing firm « East literature » the Russian Academy of Science, 1998. – 800 s.
11. **Shmid V.** Narrativlogy. – M.: languages of slavic culture, 2003. – [Electronic resource]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/shmid/index.php

12. **Yangirov R.** « Feeling of film »: the Note about a cinema context in the literature of Russian abroad 1920–1930-th years // Empire N. Nabokov and successors / eds. Yu. Levinga, E. Soshkina. – M.: UFO, 2006. – 544 s.

Polyanina Anna Sergeevna – the competitor of faculty of foreign literature and theory of literature teaching, Novosibirsk State Pedagogical University.

E-mail: a.polyaNina@yandex.ru

© А. Г. Девяткина

УДК 81+821.161.1 (092)Трифонов Ю.В.

ГРАФИЧЕСКИ ВЫДЕЛЕННОЕ СЛОВО В ЛЕКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ Ю. В. ТРИФОНОВА)*

А. Г. Девяткина (Новосибирск, Россия)

Слово, выделенное разрядкой, – характерный прием в идиостиле Ю. В. Трифонова. В статье рассматриваются функции графически выделенного слова, связь с другими текстовыми элементами, роль графически выделенного слова в организации ассоциативно-смыслового поля текста. Основные методы исследования: описательный метод, метод непосредственных наблюдений, метод сопоставительного анализа, структурно-коммуникативный анализ текста и метод филологической герменевтики. В статье сделан акцент на функциональном аспекте изучения графически выделенного слова. Были выявлены основные функции, характерные для слова выделенного разрядкой и продемонстрированы системно-иерархические отношения между ними. Также показано, что графически выделенное слово вступает в синтагматические и парадигматические связи в тексте, участвует в формировании тематической сетки и ассоциативно-смыслового поля текста.

Ключевые слова: графически выделенное слово, идиостиль, Ю. В. Трифонов.

Выделение слова разрядкой – это художественный прием, характерный для идиостиля Юрия Трифонова. Под термином «прием» мы понимаем «все те средства и ходы, которыми автор пользуется при «устройении» (композиции) своего произведения» [4].

Выделенное слово в художественном тексте исследуется как в лингвистике, так и в литературоведении [6–7; 9]. В лингвистике этот вопрос освещен в трудах И. В. Арнольд [1], Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильева,

Ю. В. Казарина [2]. В литературоведении выделенным словом занимались такие ученые как: Л. Я. Гинзбург, Б. А. Успенский, Ю. М. Лотман и др.

В нашей работе внимание акцентировано на динамике развития художественного приема и на взаимодействии графически выделенного слова с другими текстовыми элементами. Напомним, «творческий замысел автора произведения, характер отображаемой действительности, индивидуально-авторские

* Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 гг., конкурс молодых ученых.

Девяткина Анастасия Геннадьевна – аспирант кафедры современного русского языка, ИФМИП, Новосибирский государственный педагогический университет.
E-mail: devyatkina.anastasiya@yandex.ru

мировоззренческие установки, особенности художественного мышления автора текста, а также осознанное или неосознанное отношение к языку, его потенциалу, нормам определяют принципы отбора языковых единиц и организации речевой структуры литературно-художественного произведения» [2, с. 278].

Здесь мы можем выделить несколько особенностей. Во-первых, Юрий Трифонов экспериментировал со способом графического выделения: разрядка, ставшая сквозным приемом, появилась не сразу. В ранних произведениях мы встречаем закавычивание слова, прописное начертание, более того, смешение способов выделения, что свидетельствует об авторском поиске в области формы. Во-вторых, от единичного появления выделенного слова в тексте автор идет к систематическому его употреблению. Выделенное разрядкой слово, нагруженное особыми функциями в художественном тексте, становится характерной чертой идиостиля писателя. В-третьих, и это главное, меняется функциональная нагрузка выделенного слова. Если в ранних произведениях выделенное слово монофункционально, то в более поздних происходит наращение функций, наряду с ведущей функцией мы можем выделить сопутствующие, слово «становится полифункциональным» (см. [5]).

Приведем пример из ранней киноповести «Бесконечные игры»:

В голосе Маши снова колкость. Материнская цензура ей досадна.

– А куда вы идете?

– Мы идем на футбол.

– Прекрасно дома не убрано, нет ни картошки, ни мяса, ни молока для ребенка, и одна исчезает неизвестно куда. А другая гордо идет на футбол...

– Мама, у меня единственный свободный день. Могу я пойти куда хочу и с кем хочу?

«Автор с помощью разрядки выделяет интонационный центр, подчеркивает то, как произносится данное высказывание» [1, с. 232]. Выделенный фрагмент высказывания монофункционален.

Рассмотрим семантико-прагматическую специфику выделенного слова. Какие функции выполняет выделенное слово в поздних текстах Юрия Трифонова? Это могут быть как функции, которые являются типичными, характерными для любого художественного текста в целом: экспрессивная, функция интонирования и др.; так и собственно-авторские функции, характерные для творчества именно этого писателя.

В рамках данной статьи рассмотрим следующие функции: 1) хромотопическую; 2) функцию организации диалога/полилога читатель-герой-повествователь; 3) функцию разграничения своего/чужого слова; 4) функцию ключевого слова в лексической организации текста: выделенное слово зачастую является ключевым словом тематической сетки текста.

Хромотопическая функция – это функция, организующая связь временных и пространственных планов. Уместно в связи со сказанным вспомнить слова М. М. Бахтина: «Всякое вступление в сферу смысла совершается только через ворота хромотопов» [3: 406]. Выделенное слово связывает воедино несколько временных пластов произведения. Помогает повествователю перемещаться как во времени, так и в пространстве художественного текста.

И еще помню, как уезжали из того дома на набережной. Дождливый октябрь,

запах нафталина и пыли, коридор завален связками книг, узлами, чемоданами, мешками, свертками. Надо сносить всю эту хурду - мурду с пятого этажа вниз.

Ребята пришли помогать. Какой-то человек спрашивает у лифтера: «Это чья такая хурда - мурда»?

«Я помню, как уезжали из того дома на набережной ...». Это текст-воспоминание, в котором выделенное слово участвует в организации ретроспективного плана. Мы не входим во временной план прошлого, а смотрим отстраненно из настоящего. И из настоящего мы видим «связки книг, узлы, чемоданы, мешки, свертки». И тут появляется собирательное понятие, слово из детства – «хурда-мурда». Это слово связывает воедино прошлое и настоящее. Повествование теперь ведется из прошлого, от лица участника событий, а не вспоминающего о них. Повествователь вступает в диалог с самим собой, с собой маленьким, со своей компанией. Здесь проявляется также функция разграничения своего и чужого слова. Хурда-мурда – это слово, принадлежащее ребенку, лирическому герою и его компании; слово, которое нужно пояснить, чтобы оно было понятно, дать к нему комментарий.

Таким образом, выделенное слово в данном фрагменте выполняет следующие функции: хронологическую, связывая воедино временные и пространственные категории; функцию организации диалога между персонажем-ребенком и персонажем-взрослым; функцию разграничения своего и чужого слова и текстостроительную функцию. Ведущая функция – хронологическая, остальные сопутствующие.

Выделенное слово зачастую является «ключевым словом тематической сетки текста» (см. [4]).

Ярким примером намеренного выделения ключевых слов являются словосочетания «их жизнь» – «другая жизнь» в произведении «Другая жизнь». Во-первых, словосочетание изначально задано в сильной позиции – в заглавии текста – напомним: «то, что внимание читателя задерживается на заглавии и первой фразе текста, объясняется действием законов речевого прогнозирования» [1, с. 274]. Словосочетание «другая жизнь» и антонимичное ему по смыслу «их жизнь», повторяются в тексте более десяти раз. Являясь ключевым словом, оно организует синтагматические и парадигматические отношения в тексте, выстраивается система взаимосвязанных элементов, среди которых словосочетания «их жизнь-другая жизнь» выполняют ведущую роль.

Важно отметить тот факт, что собственно авторские функции не характерны для выделенного слова по отдельности, почти всегда выделенное слово в поздних произведениях писателя полифункционально. И мы можем говорить о главной функции и сопутствующих, об их иерархической организации, о наложении функций.

Он был совершенно н и к а к о й , Вадик Батон. Но это, как я понял впоследствии, редкий дар: быть н и к а к и м. Люди, умеющие быть гениальнейшим образом н и к а к и м и, продвигаются далеко. Вся суть в том, что те, кто имеет с ними дело, довоображают и дорисовывают на н и к а к о м фоне все, что им подсказывают их желания и их страхи. Н и к а к и е всегда везунчики. В жизни мне пришлось встретиться с двумя или тремя этой изумительной породы – Батон запомнился просто потому, что был первый, кому так наглядно везло за н и к а к и е заслуги, – и

меня всегда поражала окрылявшая их милость судьбы.

Во-первых, слово «никакой» выполняет текстостроительную функцию, шесть раз (лексический повтор) повторяясь в данном текстовом фрагменте, организует его в единое целое. Во-вторых, оно выполняет экспрессивную (происходит многократное «усиление» семантики) функцию: «никакой» это значимая характеристика, оценка одного из персонажей произведения. В-третьих, выделенное слово организует диалог между повествователем и читателем. Кроме того, оно оказывается связано с хромотопической функцией, перенося нас в настоящее: слово – «никакой», это слово «взрослого» повествователя, повествователя из нашего времени. Таким образом, в данном отрывке экспрессивно-оценочная функция является ведущей, а все остальные – сопутствующими.

Обратимся к следующему примеру, чтобы проиллюстрировать, как оказываются связаны ключевые слова в художественном тексте.

А внутри отцовской природы, скрытым стержнем, вокруг которого все навивалось, было могучее качество – осторожность. То, что он говорил, посмеиваясь, в виде шутки – «Дети мои, следуйте трамвайному правилу – не высовывайтесь!» – было не просто балагурством. Тут была потайная мудрость, которую он исподволь, застенчиво и как бы бессознательно пытался внушать. Но для чего не высовываться? Кажется, ему представлялось это важным само по себе. Может быть, его душил, как душил грудная жаба, какой-то давнишний и неизжитый страх<...>даже в мальчишеском приятельстве отец видел какие-то опасности и предлагал «не высовываться». Он советовал Глебову бывать в том доме пореже, не обольщаться дружбой с Левкой,

потому что «у Шулепниковых своя линия жизни, у тебя своя и мешаться не надо» [8, с. 383].

Графически выделенное слово является ключевым в данном текстовом фрагменте, т.к. неоднократно повторяется в пределах одного смыслового отрывка, занимает сильную позицию конца предложения, кроме того, оно оказывается важным для понимания поведенческих особенностей одного из главных героев (отцовское «не высовываться», довольно близко к тому свойству быть «никаким», что является ключевой характеристикой Глебова). Особое внимание стоит обратить на то, кому принадлежит в данном случае выделенное слово, кто и как его использует. Изначально оно вводится в рамках прямой цитаты слов отца, как определенное житейское правило, «потаянная мудрость». Это чужое слово, и Глебов вступает с ним в диалог, где в рамках риторического вопроса слово оказывается выделено разрядкой. Обратим внимание на то, что слово появляется еще раз, но, вводится показатель того, что слово «чужое» – герой заключает его в кавычки. Слово, выделенное разрядкой, вступает в сложнейшие смысловые отношения с другими элементами текста, за счет сложных синтагматических и парадигматических связей, организуя определенное семантико-смысловое поле. «Не высовываться», ключевое слово в данном текстовом фрагменте, оказывается крепко взаимосвязано с другими ключевыми словами: страх, осторожность, опасности, тот дом и пр. Слово, являющееся ключевым в рамках отдельно взятого фрагмента, актуализируя синтагматические и парадигматические текстовые связи, выводит нас на уровень ключевых слов в рамках целого текста.

Мотив страха является одним из ключевых мотивов «Дома на набережной». Но, несмотря на то, что это сквозной мотив, автор выделяет слово «страх», лишь на «последних» страницах текста. До этого шло постепенное сгущение атмосферы страха, беспокойства, боязни — градация/нарастание страха. (Слово «страх» повторяется в тексте произведения 18 раз). Детство Глебова проходит именно в таких условиях: он боится, и боится всего. Вызывать страх может что угодно — и записка, полученная от одной из девочек в классе: *Получив записку, Глебов испытал мгновенный страх* [8, с. 376]; и дворовый хулиган Минька, с которым «никакой» Глебов умудряется поддерживать хорошие отношения, но, несмотря на это, испытывает животный, инстинктивный страх по отношению к Миньке и его банде. Интересно то, что и другие члены его семьи боятся «*всех этих бычковых*»: «*мать бледнела, а бабушка крестилась*» [8, с. 388]. *Но Глебов никогда Миньке ни на кого не жаловался. Вообще не использовал всех выгод Минькиного соседства. Потому что под тайным самодовольством пряталось в глубине совсем другое — страх, ледящий душу. Такой страх, какого не видал никто. Потому что никто, как Глебов, не знал и не чуял всех этих Бычковых, от голоса которых мать бледнела, а бабушка крестилась*» [8, с. 376].

Страх является основным мотивом действий Глебова: *Бурчание в животе прекратилось, но Глебов боялся, что оно возобновится каждую секунду. От этого страха он и выпалил: назвал Медведя, который действительно был главный подбивала*» [8, с. 398]. В данном примере, эмоция «страх» оказывается связана с физиологическими проявлениями и процессами — «бурчание в животе». И может

быть именно поэтому, благодаря физиологичности проявления, Глебов способен понять, что послужило причиной его поступка. В остальных случаях мотивы его поведения становятся понятными лишь спустя годы: *Но надо всем этим мучившим душу нагромождением тайно светился — тогда невидимый, теперь же обрел рисунок — невзрачный скелетик, обозначивший страх. Вот ведь что было истинное. Ну, это потом, потом! Проходят десятилетия, и, когда уже все давно смыто, погребено, ничего не понять, требуется эксгумация, никто этим адским раскопом заниматься не будет, внезапно из темноты, серой, как грифель, выступает скелет. Было сказано: «В четверг прийти и выступить!»* [8, с. 455]. *Тогда не догадывался о страхе. Ведь страх — неуловимейшая и самая тайная для человеческого самосознания пружина* [8, с. 476].

Рассмотрим составляющие ассоциативно-семантического поля «Страх» на основе приведенных выше текстовых фрагментов. Страх — *странный и полувнятный рисунок; скелет поступков (=основа поступков), его костяной рисунок; рисунок страх; бояться; скелет; страх — совершенно ничтожный, слепой, бесформенный, как существо, рожденное в темном подполье, — страх неизвестно чего, поступить вопреки, встать наперекор; невзрачный скелетик, обозначивший страх; скелет; адский раскоп; страх — оказаться вдруг на камнях, в крови, с переломанной ключицей? Тогда не догадывался о страхе, страх — неуловимейшая и самая тайная для человеческого самосознания пружина.*

Как мы видим из приведенных контекстов, страх — то истинное, что руководило поступками героя, именно страх

был одной из неуловимейших и тайных для человеческого самосознания пружин.

Подведем итоги: графически выделенное слово – ключевой прием в творчестве Ю. В. Трифонова. От ранних к поздним произведениям оно становится полифункциональным. Среди функций графически выделенного слова особое место занимает функция ключевого слова, которая позволяет слову вступить в многообразные

отношения с другими текстовыми элементами. Графически выделенное слово, выполняющее функцию ключевого слов в тематической сетке текста, требует дополнительного авторского маркирования. Оно неоднократно повторяется в тексте произведения, стоит в сильной позиции, оказывается связано с другими выделенными словами, ключевыми мотивами произведения и текстовым окружением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Арнольд И. В.** Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – Спб., 1999. – 443 с.
2. **Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В.** Лингвистический анализ художественного текста. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 543 с.
3. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
4. **Девяткина А. Г.** Ключевое слово в системе графически выделенных средств в текстах Ю. В. Трифонова // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых: материалы Всероссийской молодежной конференции / отв. ред. Т. А. Демешкина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – С.167–171.
5. **Девяткина А. Г.** Полифункциональность выделенного слова в произведениях Ю. В. Трифонова // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: Материалы конференции молодых ученых / под ред. А. А. Казакова. Вып. 12. – Томск: Издание ТГУ, 2011. – Том 1: Лингвистика. – С. 96–99.
6. **Жукоцкая З. Р., Василькова Е. В.** Слово-Логос: культурологический потенциал // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2012. – № 2(6). – С. 68–72.
7. **Заречнева Н. Г., Чупахин Н. П.** Структура теоретического знания и языковая коммуникация // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2012. – № 6(10). – С. 32–36.
8. **Зунделович Я.** Прием // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2-х т. / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехихина-Ветринского. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. – Т. 2. П-Я. – Стб. 647–648.
9. **Трифонов Ю. В.** Избранное: повести. – М., 1997. – 496 с.

© A. G. Devyatkina

UDC 81+821.161.1 (092)Trifonov Yu. V.

GRAPHICALLY MARKED WORDS IN LEXICAL ORGANIZATION OF TEXT (IN TRIFONOV'S LITERARY AND PUBLIC WRITINGS)

A. G. Devyatkina (Novosibirsk, Russia)

Graphically marked word is a typical method in Yu. V. Trifonov's idiostyle. In this article was researched graphically marked word's function, its connection with others elements of the text, graphically marked word's role in organization of text's associative semantic field. Basic research methods: descriptive, direct observations, comparative analysis, structural and communicative text analysis and philological hermeneutics.

This article focuses on functional aspect of graphically marked word's research. Basic functions, typical for graphically marked word, were determined and shown structural hierarchical relations between them. Also, analysis shown that graphically marked word engaged in syntagmatic and paradigmatic relations within text, took part in forming text's thematic net and associative semantic field.

Keywords: *graphically marked word, idiostyle, Yu. V. Trifonov.*

REFERENCES

1. **Arnold I. V.** Semantics. Stylistics. Intertextuality. – SPb., 1999. – 443 p.
2. **Babenko L. G., Vasiliev I. E., Kazarin Yu. B.** The linguistic analysis of the artistic text. – Ekaterinburg: Ural University Publishing, 2000. – 543 p.
3. **Bakhtin M. M.** Esthetics of Creative Discourse. – M.: Art, 1979. – 423 p.
4. **Devyatkina A. G.** The key word in the system graphically allocated funds in the texts Yu. V. Trifonova / Tradition and Innovation in Philology XXI century: a view of young scientists: Materials of All-Russian Youth Conference / otv.red. T. A. Demeshkina. – Tomsk : Publishing house Tom.un Press, 2012. – Pp. 167–171.
5. **Devyatkina A. G.** Polyfunctionality the highlighted word in the works Yu. V. Trifonova // Actual problems of literary criticism and linguistics: Proceedings of the conference of young scientists / ed. A. A. Kazakova. Issue 12. – Tomsk: Tomsk State University Publishing, 2011. – Vol. 1: Linvistika. – Pp. 96–99.
6. **Zhukotskaja Z. R., Vasilkova E. V.** Word-Logos: culturological potential // Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin. – 2012. – N 2(6). – Pp. 68–72.
7. **Zarechneva N. G., Chupakhin N. P.** The structure of theoretical knowledge and language communication // Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin. – 2012. – N 6(10). – Pp. 32–36.
8. **Zundelovich Ya.** Reception // The Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms: In 2 volumes / Ed. N. Brodsky, A. Lavretzky, E. Lunin, V. Lvov-Rahachou, M. Rozanov,

V. Cheshihina-Vetrinsky. – Moscow-Leningrad: Publishing House of the L. D. Frenkel, 1925. –
Т. 2. – P-Ya. – Col. 647–648.

9. **Trifonov Yu. V.** Favorites: Tale. – Moscow, 1997. – 496 p.

Devyatkina Anatasiya Gennadievna – the post-graduate student of faculty of modern Russian
language, Novosibirsk State Pedagogical University.

E-mail: devyatkina.anastasiya@yandex.ru

CONTENTS**PEDAGOGICAL AND PSYCHOLOGICAL SCIENCES**

- RyapISOV N.A., RyapISOVA A.G., Chepel T.L.* (Novosibirsk, Russia). Scientific school: an innovative form of comprehension of problems of the inclusive education 5
- Karachev A.A.* (Moscow, Russia). New approaches to a project activity of pupils in conditions of modernization of General education..... 19
- Krashennnikov V.V.* (Novosibirsk, Russia). Innovative aspects of technological education..... 30

PHILOSOPHICAL AND HUMANITIES SCIENCES

- Yu Wen Li* (Peking University, P.R.China). Pedagogy of political education in Confucian Analects: a critical perspective..... 40
- Mishchenko V.A.* (Moscow, Russia). Mass-media: broadcasting symbols 52

SCIENCES ABOUT EARTH.**PHYSICAL AND MATHEMATICAL AND ENGINEERING SCIENCES**

- Ponomareva N.N.* (Novosibirsk, Russia). Process of demographic ageing: essence, features and consequences in the world countries 58
- Chikova O.A., Obolenskaya A.G.* (Ekaterinburg, Russia). Methods of natural sciences in social and human research 66

SOCIAL AND ECONOMIC SCIENCES

- Mishchenko V.A.* (Moscow, Russia). Image of the Russian family in mass-media..... 77
- Grebenkin E.V.* (Novosibirsk, Russia), *Grebenkina A.A.* (Novosibirsk, Russia), *Habberger W.* (Nuremberg, Germany). The problem of formation the conflict culture of teachers and pupils 83
- Latuha O.A.* (Novosibirsk, Russia). Opportunities of application benchmarking in public health services . 90

BIOLOGICAL, CHEMICAL, MEDICALSCIENCES

- Jafarova S.A., Jafarov A.I.* (Baku, Azerbaijan). Free radical aspects of heavy metal pollution of the biosphere 97
- Huseynov T.M., Guliyeva R.T., Yahyaeva F.R., Bagirova E.D.* (Baku, Azerbaijan). Peroxidase activity of hemoglobin (in the presence of gsh) in lysates of erythrocytes pregnant women with g-6-pd deficiency on exposure high electric field 106

CULTURALSCIENCEANDARTCRITICISM

- Kostina E.A.* (Novosibirsk, Russia), *Egorychev A.M.* (Moscow, Russia), *Rieger A.* (Aachen, Germany). The Russians: character, mentality, behaviour stereotypes 116
- Teleshova R.I.* (Novosibirsk, Russia). The Russian language in d'henri troyat's life and works 129
- Kretova L.N.* (Novosibirsk, Russia). The mythological components of the image of water in N. Zabolotsky's early lyrics and the problems of translation of the poetic text into English 140

PHILOLOGICALSCIENCES

- Arkhipova I.V.* (Novosibirsk, Russia). The iterative taxis relations in modern German 149
- Yatsko V.V.* (Novosibirsk, Russia). Functional and textual aspects of modern british journalism 160
- Agheyeva N.A.* (Novosibirsk, Russia). Poetics of contemporary Russian monodrama 168
- Polyanina A.S.* (Novosibirsk, Russia). Visualisaton as the narrative principle of V. Nabokov's despair .. 177
- Devyatkina A.G.* (Novosibirsk, Russia). Graphically marked words in lexical organization of text (in trifonov's literary and public writings) 188